

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ПЕРВЫЙ
ПАЗЫРЫКСКИЙ КУРГАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
ЛЕНИНГРАД 1950

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

М. П. ГРЯЗНОВ

ПЕРВЫЙ
ПАЗЫРЫКСКИЙ КУРГАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
ЛЕНИНГРАД — 1950

ВВЕДЕНИЕ

Население обширных степных пространств нашего Союза и сопредельных стран Центральной Азии в разных местах разными путями познакомились с разведением домашних животных и выращиванием полезных растений. В разных географических районах, при разных исторически сложившихся местных условиях развитие этих новых отраслей хозяйственной деятельности шло неравномерно, с преобладанием в одних местах земледелия, в других — скотоводства, в одних местах быстрее, в других — медленнее. Совершенствуя технику скотоводства и земледелия, улучшая качество скота и разводимых растений, расширяя область их хозяйственного использования, степные племена пережили ряд последовательных этапов развития культуры, везде более или менее одинаковых по своей социально-экономической сущности, но иной раз резко отличных по форме бытового уклада, религиозных представлений и искусства. На протяжении веков создавались и развивались различные своеобразные культуры, и история пастушеско-земледельческих племен наших степей, совпадающая в основном с эпохой бронзы, представляет собой сложную картину нескольких параллельных рядов смены культур.

К концу эпохи бронзы, в начале первого тысячелетия до н. э., некоторые племена перешли к высшей для своего времени форме пастушеского хозяйства — яйлажному скотоводству. Проводя лето со своим скотом в открытой степи или на горных лугах (на яйлау), а зиму в долине, где находились возделываемые поля, родовой поселок мог наилучшим образом ограждать свои посевы от скота и, что особенно важно, значительно увеличить свое стадо, так как кормовая база для скота при переселении с летних пастбищ на зимние и обратно увеличивалась вдвое. Переход к яйлажному

скотоводству стал возможен после освоения животных в качестве тягловой силы и в дальнейшем способствовал усовершенствованию приемов использования их для транспорта. Особое значение имело овладение техникой верховой езды на лошади, что обеспечивало быстроту передвижения, столь необходимую при пастьбе крупных стад, и в дальнейшем совершило переворот в военном деле степных племен.

Овладев техникой переселения с пастбища на пастбище и владея верховым конем, какое-то племя (а может быть, и не одно, и в разных местах степной полосы) в VII в. до н. э. порвало со своей, в то время сезонной, оседлостью и, часто меняя пастбища для скота, перешло к кочевому образу жизни. Опыт был весьма удачен, так как почти безграничное увеличение пастбищ путем частых перекочевков позволило очень быстро умножить стада до небывалых размеров, а ставшие конными всадниками воины имели неизменный успех в столкновениях с оседлыми племенами. Ведя подвижной образ жизни, кочевники могли совершать стремительные неожиданные набеги на оседлые поселения и, не дав противнику собраться с силами, также стремительно скрыться от преследования, увозя с собой военную добычу. Все это можно было делать, не нарушая нормального хода хозяйственной жизни кочевников.

Кочевники с их неуловимой конницей стали бичом окрестного оседлого населения. Чтобы защитить себя от грабительских набегов кочевников, а также получить возможность самим совершать грабительские набеги, их оседлые соседи также вынуждены были перейти к кочевому образу жизни, к кочевому скотоводству, если только условия страны позволяли это сделать. Не только хозяйственные выгоды нового способа скотоводства, но и необходимость эффективной военной защиты от соседей кочевников, побудили в очень короткий срок, вероятно всего в несколько десятилетий, население степей двух материков, везде, где только можно было это сделать, оставить свои оседлые поселения и перейти к кочевому образу жизни. Так произошло одно из крупнейших событий в истории народов нашей страны — переход степных пастушеских племен к кочевому образу жизни.

Переход к кочевому скотоводству произвел коренные изменения во всей жизни степных племен. Специализация хозяйства в области скотоводства привела к значительному сокращению земледелия, а местами и к полному отказу от него. Жизнь летом в переносных, часто складываемых и разбираемых жилищах или крытых повозках изменила весь бытовой уклад. Все должно было быть приспособлено к условиям постоянных переездов и лагерной жизни. Стада скота, перешедшие в частную собственность патриархальных семей, неравномерно обогащали их и были заманчивой добычей при грабительских набегах. Война стала постоянным промыслом. Возросла общественная роль военных предводителей всех степеней, обогащавшихся за счет военной добычи. Потребовалась новая, более стройная организация

на военный лад всей общественной жизни. Род и племя стали управляться на началах военно-демократического строя.

Изменилась жизнь и за пределами степей. Степные кочевники совершали военные набеги не только на своих ближайших оседлых соседей, но в летнее время предпринимали далекие походы, проникая в глубь лесных районов и разоряя поселки оседлых жителей, а зимою по льду переходили через многоводные реки, повергая в ужас население городов и опустошая окрестные поселения. «Когда свирепая сила чрезмерного Борея сковывает . . . воды, тотчас по . . . Истру [Дунаю] наезжает враг-варвар на быстром коне, — пишет в своих «Печальных песнях» Овидий Назон, находившийся в ссылке на берегу Черного моря в г. Томах [современный г. Констанца] в начале I в. н. э. — Враг, сильный конем и далеко летящей стрелой, широко опустошает соседнюю землю. Одни из жителей разбегаются, и с покинутых без охраны полей разграбляются необерегаемые богатства, — жалкие богатства деревни, т. е. скот, скрипучие повозки и пожитки бедного поселянина. Часть жителей уводится в плен со связанными за спиной руками . . ., а часть гибнет жалкою смертью, пронзенная зазубренными стрелами . . .»¹ «Редко кто осмеливается обрабатывать землю, да и тот несчастный одной рукой пашет, а в другой держит оружие. Пастух со шлемом на голове играет на скрепленных смолою тростинках, и пугливые овцы вместо волка боятся войны».²

Начиная с VII—VI вв. до н. э., оседлое население не только степных районов, но и в полосе лесов, возводит укрепления вокруг своих поселков или переселяется на возвышенные места с обрывистыми склонами с двух или трех сторон, ограждая рвом и валом незащищенную их часть. Остатки таких поселков-крепостей — городища — во множестве сохранились как в степях, так и в лесах по верхнему Днепру и Волге, по Оке и Каме. Но и этого было недостаточно. На границах леса и степи, на территории современной Украины, возводится система мощных оборонительных сооружений, так называемые «змиевы валы», тянущиеся на десятки и сотни километров. В IV—III вв. до н. э. земледельческий Китай, чтобы оградить себя от набегов степных кочевников, строит в несколько приемов величайшее в мире крепостное сооружение — Великую китайскую стену.

Время ранних кочевников, охватывающее период с VII—VI вв. до н. э. по I в. н. э., было временем постоянных войн, отважных набегов и далеких военных походов в борьбе за овладение пастбищами и скотом, в погоне за богатой военной добычей, было героическим периодом в истории народов СССР, населявших степные пространства нашего юга и широкую полосу лесостепей и прилегающих к ним некоторых лесных районов. Богатая военными событиями жизнь порождала народных героев — смелых и сильных воинов, отважных и могучих предводителей, о которых создавалась легендарная слава, в честь которых слагались впервые героические поэмы.

До нас дошли лишь немногочисленные изображения отдельных эпизодов из таких поэм, слагавшихся древними племенами Южной Сибири и Центральной Азии, отлитые на золотых и бронзовых бляхах. Дошли и сами поэмы, но сильно измененные, дополненные и переработанные устной передачей из поколения в поколение на протяжении двух тысяч лет. Современный героический эпос тюрко-монгольских народов сохранил в себе многие образы героев и сюжетную основу героического эпоса ранних кочевников.

Различные прежде по хозяйственному и бытовому укладу степные племена с переходом к кочевому образу жизни приобрели много общих черт культуры, свойственных всем кочевым племенам, независимо от района их обитания, от исторически сложившихся форм их хозяйственной и социальной жизни. Все они одинаково жили в легких переносных жилищах или крытых повозках, имели портативную, небьющуюся домашнюю утварь и приспособленную к кочевой жизни одежду, обладали огромными стадами скота, питались молоком и мясом. Частые при постоянных перекочевках встречи и столкновения племен как мирного, так и военного характера способствовали быстрому распространению на широкие пространства различных культурных приобретений: Культура ранних кочевников на всем обитаемом ими пространстве была настолько своеобразна и во многих отношениях сходна, что создавалось представление о единой, общей для всех кочевников того времени, культуре. Поэтому-то как древние авторы, так и некоторые современные, различая отдельные племена или их группы и зная наименования многих из них, часто называли одним именем вообще всех кочевников. Древним грекам были известны названия нескольких групп ранних кочевников, но они часто одним именем, именем скифов, называли всех кочевников, как причерноморских, так и среднеазиатских. Персы называли саками не только собственно саков, но и всех других кочевников Средней Азии и Причерноморских степей. В работах современных исследователей мы часто встречаем такие термины, как «западноазиатские скифы», «скифы Алтая» и другие, хотя применение их при современном уровне знаний никак нельзя считать удачным, так как при всей общности культуры ранних кочевников имеются отчетливо выраженные местные отличия различных групп кочевников, позволяющие изучать конкретный исторический процесс отдельных кочевых объединений.

Представление о единообразии культуры ранних кочевников на всем обитаемом ими пространстве создается лишь при самом общем, поверхностном с ними знакомстве и в значительной мере рассеивается при более внимательном рассмотрении. Исторически сложившиеся культурные традиции отдельных групп кочевников, особенности обитаемой ими страны и наличие соседей с иной, отличной культурой, — все это создало несколько различных вариантов развития культуры кочевых и полукочевых племен. Поэтому изучать историю ранних кочевников по памятникам одной какой-то группы

племен, распространив полученные таким путем наблюдения на все остальные племена, или по памятникам всех районов, не учитывая принадлежность их к разным группам кочевых племен, невозможно, так как в первом случае это приведет к превратному, а во втором к схематическому представлению о процессе исторического развития ранних кочевников, в действительности сложном и многообразном. В настоящее время мы еще далеки от того, чтобы представить себе полную картину истории культуры ранних кочевников во всем ее многообразии. Мы почти совершенно не знаем памятников с территории таких обширных и важных в историческом отношении районов, как Центральный Казахстан и Монголия. Наши сведения о памятниках многих других районов совершенно недостаточны, отрывочны.

Наиболее полно изучена лишь история кочевых племен скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье, многочисленные сведения о которых имеются в сообщениях греческих и римских авторов, археологические памятники которых исследованы в большом числе по Днепру, Дону, Кубани и Нижней Волге. Однако история причерноморских племен не является типичным примером для всех кочевых племен. Наличие вдоль северного побережья Черного моря античных колоний с их высоко развитой рабовладельческой культурой создавало особые условия для развития кочевых племен. Путем оживленных торговых сношений в среду скифских и сарматских племен широким потоком проникали из античных колоний, а через них и из метрополий, предметы роскоши, ткани, вино и другие изделия, а также и некоторые культурные приобретения, приемлемые в условиях кочевого быта варварских племен. Это значительно меняло внешний облик культуры причерноморских кочевников и способствовало более сильному, чем у других племен, социально-экономическому расслоению.

Не зная истории античных колоний Северного Причерноморья и их метрополий — древней Греции и Рима, нельзя правильно представить себе многие основные вопросы истории скифо-сарматских племен Причерноморья. Поэтому исследование археологических памятников и истории культуры скифо-сарматских племен производилось все время параллельно с исследованиями античных колоний. Но это же привело к тому, что основное внимание исследователей при изучении скифо-сарматских племен было направлено на выяснение связей их культуры и истории с античными колониями, а вопросы их собственной истории — возникновение, сложение и развитие культуры кочевников как внутренний закономерный процесс — оставались мало освещенными. Только советская археология поставила эти вопросы во всей их полноте и наметила первые правильные решения по многим из них.

Для разрешения ряда основных вопросов по истории скифо-сарматских племен Причерноморья необходимо не только и не столько знание культуры и истории античных колоний, сколько изучение памятников тех групп ран-

них кочевников, которые в меньшей мере испытывали воздействие древних цивилизаций и развивались более самобытно. Исследование памятников кочевников, так сказать, глубинных районов, необходимо не только для освещения всей проблемы о ранних кочевниках в целом, но и для решения ряда частных вопросов по истории скифо-сарматских племен Причерноморья и других окраинных групп ранних кочевников.

В этом отношении наибольший интерес представляет изучение памятников Алтайского края. Исследованные здесь памятники позволяют проследить основные этапы развития культуры ранних кочевников с VII в. до н. э. по I в. н. э. При этом устанавливается, что и алтайские племена не жили замкнуто, вне связей с народами другой культуры, но далеко от них находящиеся центры древних цивилизаций не могли оказать на их культуру такого сильного влияния, какое, например, оказывала Греция в Скифии. Каких-либо связей ранних кочевников Алтая с культурой древних греков пока вообще не удалось отметить. С V в. до н. э. на Алтай проникают некоторые элементы культуры ахеменидской Персии, а со II в. до н. э. — Китая, но они не смогли существенным образом изменить в общем вполне самобытный процесс культурного развития алтайских кочевых племен. Район Алтая интересен еще и тем, что здесь богатые погребения племенной знати благодаря особенностям их надгробных сооружений оказались замерзшими и поэтому дают исключительно ценный и разнообразный материал, позволяющий с небывалой в археологической практике полнотой восстановить картину жизни ранних кочевников. Памятники ранних кочевников Алтая дают ответ на многие вопросы, совершенно не освещенные памятниками других лучше изученных районов. Дальнейшее исследование их позволит значительно расширить наши представления о культуре ранних кочевников вообще.

Хотя собирание археологических коллекций на Алтае началось почти два с половиной века тому назад, и первые же находки познакомили нас с замечательными памятниками процветавшей здесь за две с лишним тысячи лет до нас развитой своеобразной культуры ранних кочевников, но систематическое исследование края, давшее обильный научно-полезный археологический материал, является заслугой лишь советской науки.

Первые археологические находки на Алтае относятся к началу XVIII в. После 1713 г. русские двинулись из Томска и Чаусского острога (г. Колывань) в степь и в 1717 г. овладели ею до р. Иртыша на западе и Алтайских гор на юге. При этом продвижении они наткнулись где-то, повидимому, в Алейской степи у подножья Алтайских гор (в 20 днях пути от г. Томска), на богатые курганы, в которых нашли большое количество различных золотых украшений. Уральский заводчик Демидов получил часть этих вещей и поднес их в 1716 г. Петру Первому, сразу же оценившему их как музейную редкость и давшему наказ о скупке подобных вещей для его Кунст-

камеры. В следующем году сибирский губернатор, кн. М. П. Гагарин, прислал Петру еще две партии подобных вещей. Так составила первая в России археологическая коллекция, ныне гордость Эрмитажа, известная под названием Сибирской коллекции Петра Первого, представляющая собой одно из самых лучших собраний по искусству ранних кочевников Сибири.³

Спустя сто лет последовало другое значительное пополнение музеев памятниками ранних кочевников Алтая. Просвещенный деятель Алтайского горного округа, коллекционер-любитель П. К. Фролов, в начале XIX в. собрал большое количество разнообразных древностей, происходящих преимущественно из хищнических раскопок в горнозаводских районах западного и северо-западного Алтая. Здесь были бронзовые, деревянные и костяные части сбруйных принадлежностей, предметы украшения, оружие, орудия и другие предметы. Через посредство Г. И. Спасского почти все это собрание поступило в музеи Москвы и Петербурга. Часть вещей, небольшая по количеству, но, пожалуй, лучшая по подбору художественно исполненных вещей, хранится теперь в Эрмитаже,⁴ остальные в Историческом музее в Москве, в составе собраний М. П. Погодина и А. С. Уварова, которые приобрели их у Спасского.

В 60-х годах прошлого столетия в разных районах Алтая произвел обширные раскопки В. В. Радлов. Значительная часть добытых им материалов из-за неудовлетворительной документации раскопок совершенно обесценена, но наиболее интересные его находки для науки сохранены. Он раскопал два больших каменных кургана, под насыпью которых земля была замерзшей и потому в могилах сохранились многие такие вещи, от которых в обычных условиях не остается и следа. Это были богатые могилы представителей племенной знати кочевников около начала н. э. В одной из них, на р. Берели (юго-западный Алтай), наиболее интересно множество деревянных и берестяных украшений от сбруи 16 верховых коней, погребенных с умершим. Погребение человека в этой могиле было почти начисто ограблено. В другом кургане, близ с. Катанда (центральный Алтай) также ограбленном, сохранились целые меховые одежды и различные деревянные художественные изделия. Довольно подробные наблюдения при раскопках Берельского и Катандинского курганов и прекрасная коллекция найденных в них исключительно хорошо сохранившихся изделий из дерева, бересты, меха и тканей дали возможность впервые представить картину жизни ранних кочевников Алтая.⁵

Наконец, в 1911 г. А. В. Адрианов раскопал серию курганов западного Алтая (Майамирская степь и под Солонечным Белком), давших материал для характеристики начальной стадии развития культуры ранних кочевников Алтая.⁶

Если к перечисленному добавить несколько случайных незначительных раскопок и находок, сделанных разными лицами в течение прошлого и в на-

чала нынешнего столетий, некоторые сведения о результатах хищнических раскопок «бугровщиков», сообщенные учеными путешественниками Г. Ф. Миллером (1733—1744 гг.), Ф. И. Страленбергом (1730 г.) и П. С. Палласом (1770 г.) и, наконец, приобретенную Г. Ф. Миллером небольшую серию отдельных вещей, — это будет все, что дала дореволюционная наука по ознакомлению с памятниками ранних кочевников на Алтае.

Широко развернулись археологические исследования на Алтае лишь в советское время. Экспедиции ленинградских, московских и местных научных учреждений из года в год производили раскопки многочисленных памятников разных эпох в горных, степных и лесных районах Алтайского края, в том числе и большого количества памятников времени ранних кочевников.

Изучение последних позволило не только получить общее представление о культуре ранних кочевников Алтая, но и разделить их памятники на три хронологические группы и проследить, таким образом, постепенное развитие культуры соответственно трем последовательным этапам — май-эмирскому (VII—VI вв. до н. э.), пазырыкскому (V—III вв. до н. э.) и шибинскому (II в. до н. э. — I в. н. э.) — у кочевых групп населения в горах и предгорных степях и соответственно большереченскому, бийскому и березовскому у оседлой части населения в районе сосновых боров по берегам рек Оби и Бии.

Начались эти исследования работами алтайской экспедиции Государственного Музея этнографии (бывш. Этнографический отдел Государственного Русского Музея) в составе С. И. Руденко — организатора и руководителя экспедиции, А. Н. Глухова, автора и других сотрудников. За годы с 1924 по 1929 экспедиция произвела раскопки нескольких курганных могильников пазырыкского и шибинского этапов и исследовала оседлые поселения времени ранних кочевников по берегам Оби и Бии. Наибольший интерес представляют раскопки большого каменного кургана в Шибе (М. П. Грязнов, 1927), по которому назван последний этап в развитии культуры ранних кочевников Алтая, и такого же кургана в Пазырыке (М. П. Грязнов, 1929), название которого присвоено второму этапу. Под насыпью обоих курганов открыты богатые погребения племенных вождей, находившиеся в замерзшем грунте и потому прекрасно сохранившиеся и давшие обильный материал, всесторонне освещающий культуру ранних кочевников Алтая.⁷

В 1934—1937 гг. обширные раскопки курганов пазырыкского и шибинского этапов в разных пунктах горного Алтая произвели С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова. Почти все эти курганы оказались погребениями родовой знати и дали большой и разнообразный материал. Особенно интересен курган в Караколе, в котором сохранилось не потревоженным грабителями богатое женское погребение.⁸

В северных предгорьях Алтая и в районе Верхней Оби много памятников раскопал в 1929—1934 годах С. М. Сергеев. Это были курганы с погребениями основных слоев кочевой и оседлой групп населения и одно городище.⁹

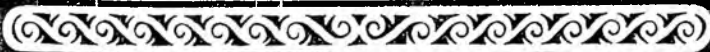
Ряд интересных памятников исследован А. П. Марковым (1935 и 1937 гг.), А. Т. Кузнецовой (1935 г.), С. С. Черниковым (1937 и 1948 гг.) и другими.

Наконец, экспедиции Эрмитажа и Института истории материальной культуры Академии Наук СССР, предпринимаемые большей частью совместно, исследовали курганы майэмирского этапа в Усть-Куюме (Г. П. Сосновский, 1936 г.)¹⁰ и шибинского — в Яконуре (М. П. Грязнов, 1939),¹¹ поселения и могильники в урочище Ближние Елбаны на р. Оби, принадлежащие трем последовательным этапам развития культуры оседлой части населения (Грязнов, 1946—1947 гг.) и продолжали раскопки каменных курганов в Пазырыке (С. И. Руденко, 1947—1948 гг.).

Количество исследованных на Алтае памятников еще недостаточно для того, чтобы с их помощью можно было разрешить все встающие перед исследователем вопросы по истории ранних кочевников Алтая, но оно уже настолько велико, что общая картина развития культуры последних в основных своих чертах может быть представлена, причем некоторые вопросы могут быть освещены с небывалой в археологической практике полнотой благодаря исключительно интересным находкам в курганах Пазырыка. Среди большого количества известных нам теперь памятников ранних кочевников на Алтае, да и не только на Алтае, курганы в Пазырыке занимают совершенно особое место по своему историческому значению, и раскопки первого из них в 1929 г. явились событием в археологии Сибири. Необычайная сохранность погребения во льду впервые позволила нам реально представить, как ничтожно мало остается в земле в обычных условиях от погребенных в ней предметов, как ничтожно мало знали мы, например, о верховом коне и изобразительном искусстве ранних кочевников, пока располагали лишь немногими уцелевшими от разрушения костяками лошадей, удилами, пряжками и украшениями сбруйных ремней. Открытые в Пазырыкском кургане десять трупов лошадей с их полностью сохранившимися уборами показали изумительное богатство и разнообразие форм художественного творчества у оставившего их племени, позволили, порой до мельчайших подробностей, осветить различные вопросы, связанные с использованием верхового коня и его значением в жизни ранних кочевников, осветить многие вопросы об особенностях культуры ранних кочевников, казалось бы, никак не связанные с конем и его сбруей. Все это стало возможным благодаря прекрасной сохранности изделий из нестойких материалов, от которых обычно в земле не остается и следа. Находки Пазырыкского кургана доставили нам новые источники для познания далекого

прошлого, какими мы до сих пор не располагали. Они значительно расширили наши представления о культуре ранних кочевников, осветив некоторые вопросы их жизни, оставшиеся ранее для нас темными. Неудивительно поэтому, что, несмотря на отсутствие подробной публикации раскопок Пазырыкского кургана, его материалы использованы уже в десятках работ археологов по разным вопросам из истории близких по времени древних племен, что они широко привлекаются в исследованиях искусствоведов, этнографов, лингвистов, географов, мерзлотоведов, иппологов, ветеринаров и других. К сожалению, подготовленное мною к изданию полное описание материалов Пазырыкского кургана со сводным обзором всех других памятников ранних кочевников на Алтае, печатавшееся в 1941 г., не могло появиться в свет из-за разразившейся войны. Хотя эта работа и используется уже археологами по рукописным экземплярам, но она доступна пока ограниченному кругу археологов. Поэтому в задачу настоящего очерка входит не только общее ознакомление широкой научной общественности с одним из интереснейших памятников культуры и искусства древних племен Алтая, но и по возможности подробное освещение всех основных его материалов, которое, хотя и не заменит собой задержавшуюся выходом в свет полную публикацию памятника, но даст специалистам более полные сведения о памятнике, чем те, которые имелись в вышедших до сих пор кратких сообщениях о нем.¹²

I

РАСКОПКИ КУРГАНА И НАХОДКИ В НЕМ

Раскопки кургана в Шибе, расположенного в солнечной, хорошо прогреваемой долине, показали, что мерзлота не распространяется за пределы каменной насыпи кургана и что само образование ее обусловлено этой насыпью. Стало ясно, что в широтах Алтая можно встретить наличие мерзлоты и, следовательно, прекрасно сохранившееся погребение под каждым большим каменным курганом. Для дальнейших исследований больших курганов был избран другой пункт — курганы в Пазырыке. При раскопках в Шибе большие трудности представили работы в мерзлом глинисто-щебнистом грунте, в Пазырыке же, по имевшимся сведениям, грунт был песчаный и можно было ожидать более благоприятные условия образования мерзлоты, так как пазырыкские курганы находятся на высоте в полтора раза большей, чем шибинские, в местности с более суровым высокогорным климатом. Это и послужило поводом для перенесения работ из Шибе в Пазырык. Выбор оказался удачным.

Пазырык — это небольшая сухая ложбина древнего ледникового происхождения, устьем своим открывающаяся в долину р. Ян-Улаган (Восточный Алтай, в 80 км к ЮЮВ от Телецкого оз.). Здесь, на высоте 1600 м над у. м., находилось пять больших каменных курганов, расположенных цепочкой по линии с Ю на С. Раскопан самый большой из них, занимавший центральное положение в цепочке. Насыпь его представляла собой огромную кучу камня, относительно невысокую с пологими склонами, диаметром в 47 м, высотой 2.2 м. На сооружение ее употреблено около 1800 куб. м камня. Таков современный вид кургана. Первоначально же он был иным. Как показали раскопки, вокруг могилы был выложен из крупных камней барьер высотой несколько более 40 см. Огороженное таким образом пространство в виде круга диаметром в 34 м было завалено затем

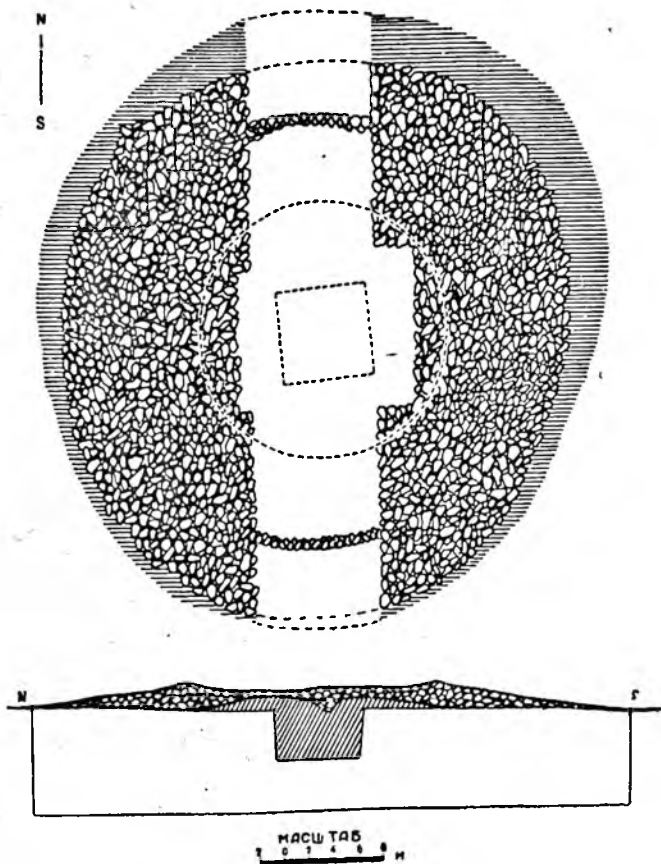

Рис. 1. План и разрез кургана.

камнем. Получился каменный холм высотой около 4 м с отвесными стенками по краям. Со временем камень развалился, насыпь стала ниже, шире, с пологими склонами — приобрела современный вид (рис. 1 и табл. 1, 1).

Могила находилась почти точно в центре кургана. Это была большая квадратная яма, размерами 7.2×7.2 м. у поверхности почвы и несколько меньше на дне, глубиной в 4 м со сложным деревянным сооружением на дне. В южной половине ямы на тонком слое мелких камней помещался сруб из девяти венцов толстых плах, с бревенчатым потолком. Внутри сруба наслан пол из таких же толстых плах. Этот сруб накрыт другим срубом, бóльших размеров, с бревенчатыми стенами в одиннадцать венцов, с бревенчатым же потолком и представлял собой закрытое помещение без окон и дверей, с двойными стенами и потолком. Промежутки между стенами внутреннего и наружного срубов были заполнены мелкими камнями. Оба сруба

сделаны весьма тщательно из гладко отесанных и плотно пригнанных друг к другу плах и бревен, но все стены были разных размеров, и сруб имел форму неправильного, косоугольного четырехугольника. Сруб просторный, но низкий. Внутренняя площадь его 16 кв. м, высота — 1.4 м.

Потолок сруба покрыт сверху тонким слоем стеблей курильского чая (кустарник из семейства розоцветных), затем в несколько слоев большими листьями бересты, опять слоем стеблей курильского чая и, наконец, в несколько рядов лиственничной корой. Первоначально это многослойное покрытие было толщиной около полуметра, со временем же оно спрессовалось и превратилось в плотный слой толщиной в 7—10 см.

По бокам сруба, вдоль его длинных (южной и северной) сторон, стояло по три толстых столба с желобообразными вырубками на верхних концах, а на них уложены три такие же толстые балки. Поверх этих балок могила была заложена бревнами. Балки, покоящиеся на столбах, должны были предохранить сруб от давления лежащей над ним толщи бревен, земли и камня (табл. II, 1).

Северная часть могильной ямы оставалась не занятой срубом. Здесь были погребены кони. Они были уложены прямо на дно ямы, покрытое лишь тонким слоем мелких камней. Сверху они покрыты толстым слоем перемежающихся пластов стеблей курильского чая, бересты и лиственничной коры.

Выше сруба и лошадей могильная яма была заложена по всей своей площади длинными, шестиметровыми бревнами, заполнявшими яму, видимо, до самого верха, на что употреблено свыше 300 бревен (табл. I, 2). Сверху могила была засыпана вынутой из ямы при ее рытье землей, образовавшей небольшой холм, и уже затем над могилой сооружена каменная насыпь. Под тяжестью земли и камня заполнение могилы со временем уплотнилось, и земля, насыпанная над могилой, опустилась в могильную яму на глубину до 0.7—1.4 м.

Могила устроена так глубоко, так прочно и крепко укрыта, вероятно, для того, чтобы предохранить ее от расхищения и осквернения злоумышленниками. Но погребенные в могиле с умершим ценности были, видимо, так велики, что ни трудности работ по прорытию и прорубанию хода в могилу, ни опасности этого предприятия не остановили искателей богатств. Вскоре же после сооружения, быть может в тот же год, могила была ограблена.

Хорошо знакомые с устройством могилы и с расположением погребенных в ней предметов, грабители вырыли по середине кургана широкий колодец, колодцем же прорубили в заполняющих могилу бревнах вертикальный ход, размерами 2.6×1.2 м, почти точно над серединой сруба. Достигнув потолка сруба, они прорубили в нем небольшое круглое отверстие (табл. III, 1), достаточное лишь для того, чтобы пролезть в него (40×60 см). Проникнув,

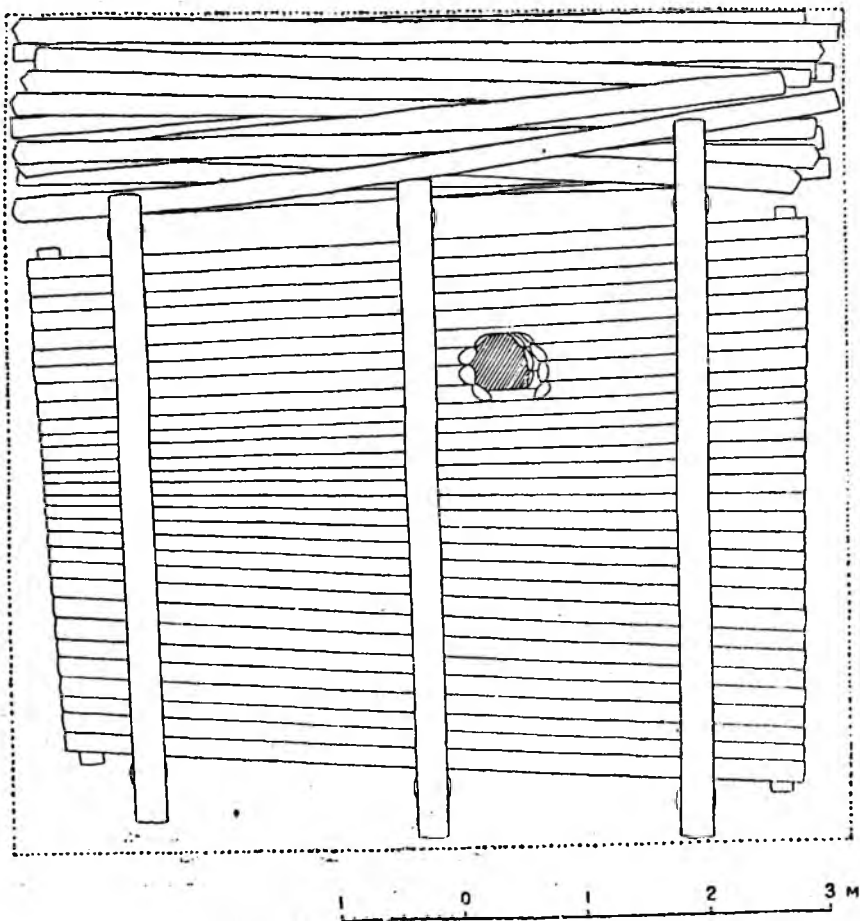

Рис. 2. План могилы на уровне потолка.

таким образом, в погребальную камеру, грабители полностью ее опустошили, вытащив оттуда все вещи наверх, чтобы на свету можно было, ничего не пропустив, снять с них мелкие золотые и оловянные украшения.

Закончив расхищение погребальной камеры и зная, что в северной части могилы погребены кони с большим количеством покрытых золотом и оловом украшений, грабители стали рубить северную стену сруба. Им удалось прорубить широкий ход в стене внутреннего сруба, выбросить камни из промежутка между стенами срубов и надрубить первое бревно наружного сруба (табл. III, 2). На этом закончилась разрушительная работа грабителей. Видимо, им кто-то помешал, и они ушли, оставив непотревоженной эту часть могилы.

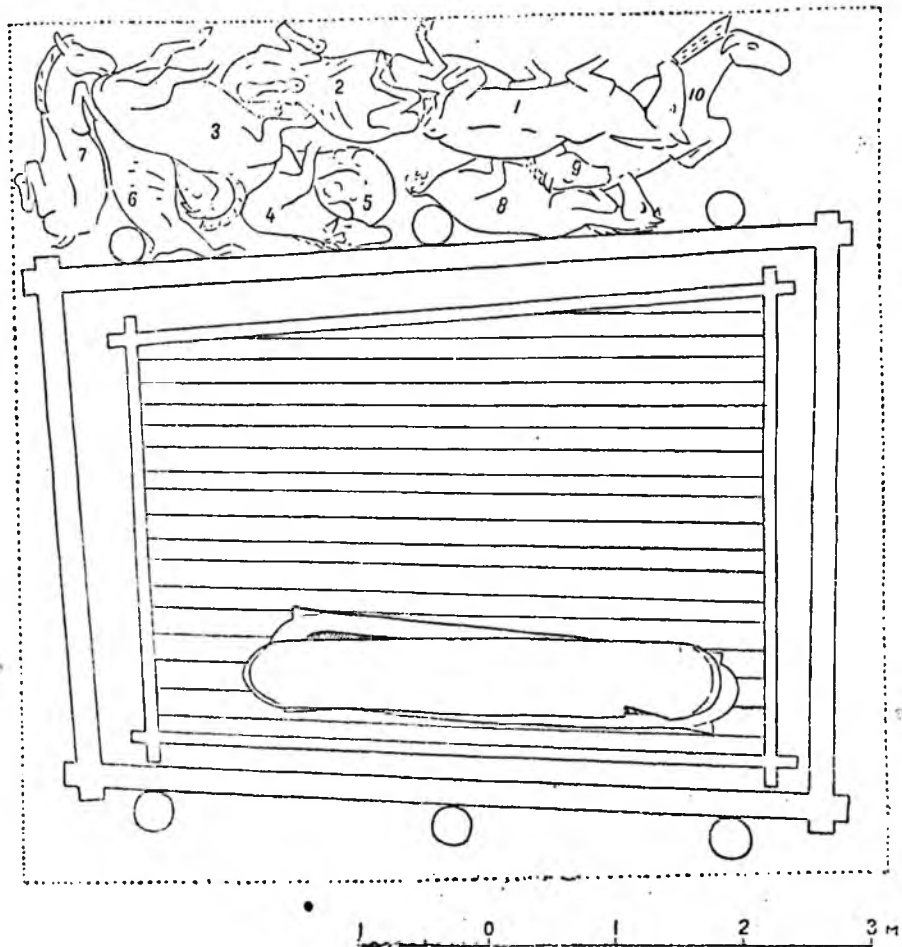
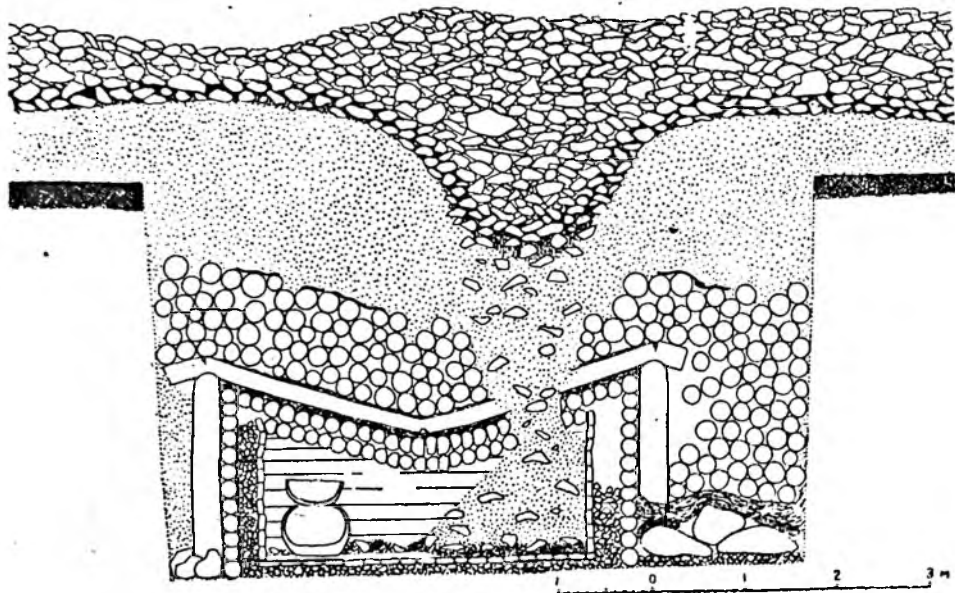

Рис. 3. План могилы на уровне пола.

Цифрами указаны номера коней.

Некоторые наблюдения позволяют установить время года, когда было совершено погребение и когда оно разграблено, что дает возможность объяснить дальнейшую судьбу могилы.

В погребальной камере найдены небольшие кольца, свитые из болотного растения пушицы, а среди корьевого покрытия конского захоронения пучок такой травы. Ботаник В. А. Петров определил по состоянию колосков, что в обоих случаях трава эта сорвана осенью, около сентября. Состояние волосяного покрова трупов лошадей, по определению проф. В. О. Витта, указывает также на то, что кони были убиты осенью.¹³ Наконец, наличие на копытах лошадей кольца с обедненным роговым слоем свидетельствует, по заключению проф. А. Ю. Тарасевича, о пережитом ими

Р и с. 4. Разрез могилы по линии С—Ю.

периоде недостаточного питания за пять месяцев до смерти. Так как на Алтае периодом бескормицы обычно бывает апрель, когда снег начинает таять и образуется гололедица, то погребенные в Пазырыке кони должны были быть убиты около сентября. Так тремя разными способами устанавливается время года, когда совершены были похороны в Пазырыкском кургане.

В сентябре в Пазырыке ежедневно бывают сильные утренние заморозки. Поэтому в те несколько дней, когда могила была открытой при подготовке ее для совершения в ней погребения и при устройстве сложного внутримогильного сооружения, все находившееся в ней замерзло, так как морозный ночной воздух, как более тяжелый, свободно туда затекал, а косые лучи низкого осеннего солнца не могли проникнуть в глубокую яму и отогреть ее. Могила была зарыта замерзшей, хотя и не в сильной степени, так как окружающая могильное сооружение земля не успела промерзнуть.

Грabitели оставили могилу открытой. После их ухода крутые стенки прорытого ими колодца стали обваливаться. В погребальную камеру через отверстие в потолке стали сыпаться камни и земля, образовавшие конусообразную кучу, вершиной своей упирающуюся в отверстие на потолке. Сначала сыпались только земля и камни, но через некоторое время туда стал попадать и снег. Его прослойки в верхней части кучи спрессовались затем и превратились в плотный лед. Еще позже в камеру проникла вода в большом количестве, но постепенно. Растекаясь по полу камеры, она замерзала и сковывала в монолитную ледяную массу все, что находилось в камере. За-

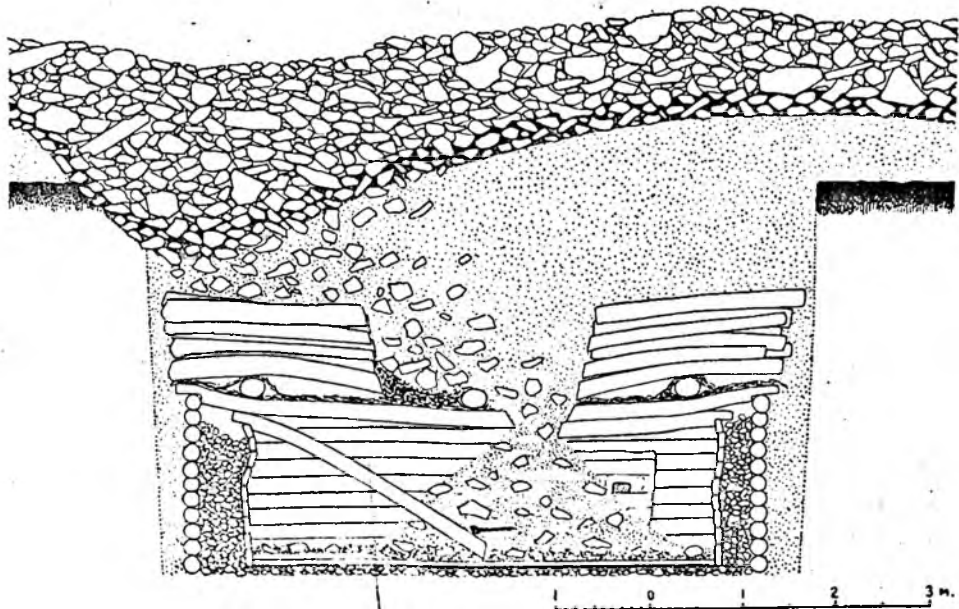

Рис. 5. Разрез могилы по линии З—В

тем был случай, когда в могилу затекло сразу большое количество теплой воды, которая не сразу замерзла. Лежавший на дне камеры толстый слой льда всплыл тогда наверх, поднявшись на 5 см над полом, всплыл вместе с вмержшими в него разбросанными на полу обрубками бревен, щепками, камнями и оставленными грабителями некоторыми предметами, вместе с огромной деревянной колодой. В дальнейшем грабительский ход завалился, на поверхности кургана осталась лишь широкая плоская впадина диаметром около 20 м, глубиной в 40 см.

Восстановив, таким образом, последовательность заполнения грабительского хода, можно сделать заключение и о том, в какое время года совершено разграбление могилы. После ухода грабителей некоторое время не было дождей, потом начались снегопады и только после этого в могилу стала проникать в большом количестве вода, вероятно, от таяния снега, а затем и дождевая. Отсюда следует, что разграбление произведено поздней осенью или зимой. После грабителей могила простояла открытой значительную часть зимы или всю зиму и на этот раз сильно промерзла и не оттаивала до момента раскопок. Таким образом, разграбление могилы способствовало быстрому ее замерзанию и, следовательно, хорошей сохранности находившихся в ней предметов. Сохранение и дальнейшее накопление мерзлоты вокруг погребения стало возможным благодаря наличию над могилой большой каменной насыпи. Под грудой рыхло набросанного камня резко изменился температурный режим земли. Зимой морозный

воздух свободно проникал между камнями и замораживал под ними землю. Летом же солнце не могло прогреть насыпь, так как масса свободно лежащих камней плохой проводник тепла, а теплый летний воздух не мог опуститься вниз по порам насыпи, так как они были заполнены более тяжелым холодным воздухом. Под каменной насыпью, при достаточных ее размерах, земля неминуемо должна была замерзнуть и сохранять низкую температуру веками. Через какое-то количество лет под насыпью Пазырыкского кургана слой мерзлоты должен был достигнуть дна могилы и глубже, независимо от того, в теплое или холодное время года сооружена могила и совершено ее ограбление, но до того как слой мерзлоты достиг бы дна могилы, в ней начались бы процессы разложения. Осенне-зимнее время похорон и разграбления способствовало, таким образом, быстрому замерзанию могилы и, следовательно, хорошей сохранности погребения.¹⁴ Раскопки Пазырыкского кургана протекали в необычных для археолога условиях. Работа в мерзлом грунте, в заполняющем могилу чистом льде, в массе прекрасно сохранившихся бревен, требовала особых приемов. Не лопата, нож и кисть, а топор, ведро и теплая вода были основными орудиями работы.

При разборке каменной насыпи кургана в ней были обнаружены остатки старых теленгетских погребений, раскопанных экспедицией Русского Музея еще в 1924 г., и очень незначительные остатки некоторых случайно попавших сюда уже после сооружения могилы предметов. Интересна лишь находка шляпки медного гвоздя, о которой будет сказано ниже.

В верхних горизонтах заполняющей могильную яму земли находок не было. Начиная с глубины около 50 см. от уровня почвы, земля была замерзшей, и здесь стали попадаться отдельные предметы. Это были деревянные орудия или части приспособлений, употребленные при сооружении могилы и брошенные затем на месте работ вследствие поломки или по миновании в них надобности. Здесь были — обломок деревянной лопаты (табл. IV, 3), четыре сломанных кола, обломок колотушки для забивания кольев и обломок части арбы. Подобного же рода предметы находились поверх заполняющих могилу бревен и среди бревен верхнего ряда. Они были уложены, как и бревна, по направлению З — В. Здесь были два ярма, две части арбы, клин, три кола, две палки с заостренным концом, обрубки шестов и жердей и другие. Все эти предметы, а также и бревна, были скованы льдом и полностью сохранили свой первоначальный вид. Древесина сохранила свой цвет, крепость и смолистый запах. На слегка лишь потемневшей поверхности предметов отчетливо видны все мельчайшие детали следов обработки предмета и его употребления в работе. Также идеально сохранилось дерево и деревянные изделия, находившиеся ниже в самой могиле.

Погребальная камера оказалась до самого верха заполненной льдом, но лед был не плотный. Количество воды, проникшей в камеру, было меньше

объема сруба, и первоначально в камере оставалось некоторое свободное воздушное пространство. Лед постепенно испарялся и вновь осаждался, образуя кристаллы на потолке и стенках сруба. Со временем почти вся масса льда несколько раз переходила из твердого состояния в парообразное и обратно, в результате чего лед стал зернистым или пористым, и объем его увеличился, таким образом, до размеров камеры. Такой зернистый лед легко поддавался лопате, и через несколько часов после снятия потолка основная масса его была удалена из камеры. Осталось лишь небольшое количество льда по стенам и на полу. Этот лед осторожно выбирался с помощью ножа, а частью сам растаял.

В погребальной камере, как уже упоминалось, грабители оставили очень немного вещей. Прежде всего они принялись, повидимому, за гроб, стоявший вдоль южной стены сруба. Это была огромная колода, выдолбленная из ствола вековой лиственницы (табл. V, 2). Из другого такого же ствола была сделана крышка для нее. Колода, длиною в 3,7 м, шириной около 80 см и высотой около 70 см, была тщательно обработана по всей поверхности. На закругленных ее концах сделано по паре проушин, видимо, для продевания арканов при ее транспортировке и при спуске в могилу. Для закрепления крышки на концах ее и в соответствующих местах колоды выдолблено по паре отверстий, в которые вставлялись, вероятно, медные болты, похищенные грабителями. Вся внешняя поверхность колоды и крышки была оклеена узкими полосками тонкой кожицы молодых березок, имевших в свое время красивый желто-коричневый цвет. Борта колоды были украшены, кроме того, наклеенными на них изображениями петухов, вырезанными из кожи и покрытыми листовым оловом (табл. V, 3). На торцовых сторонах колоды было по два таких изображения, на продольных — по десять. Однако сохранились изображения только на южной и торцовых сторонах колоды, обращенных к стенам сруба, а остальные, видимо, похищены грабителями ради покрывавшего их олова.

Грабители отодрали крышку от колоды, повредив ее на одном конце несколькими ударами топора. Погребенный в колоде (или погребенные?) был, очевидно, одет в богатые одежды с большим количеством ценных украшений, и, чтобы удобнее было снять эти ценности, его вытащили из могилы вверх целиком вместе с одеждой, и потому от него не сохранилось в могиле никаких остатков. Также и все другие предметы, находившиеся в колоде, похищены грабителями. В колоде обнаружено лишь несколько мелких обрывков от настенного войлока, о котором скажу дальше, несколько обрывков позолоты и три маленьких, вырезанных из толстой кожи и покрытых золотом, скульптурных изображения головы горного козла (табл. IV, 5, 6). Опустошив колоду, грабители бросили на нее крышку обратно, в перевернутом виде, чтобы она не мешала их действиям в камере (табл. II, 2).

От богатого и пышного в свое время убранства погребальной камеры осталось очень немного. На полу сохранились куски войлока, которыми были завешены стены. Это была широкая полоса толстого темнокоричневого войлока с узорной каймой наверху, сшитой из тонкого, как фетр, разноцветного войлока (табл. V, 1). На белом фоне помещены чередующиеся красные и синие изображения головы тигра в профиль, а по краям каймы орнамент из чередующихся групп белых, красных, синих и желтых треугольников. Войлок был прибит к стене деревянными и медными гвоздями. Деревянные гвозди — это простые, заостренные лучинки. Часть их осталась в стене, часть была вырвана грабителями вместе с войлоком и находилась на полу. Медные гвозди представляли собой массивные стержни длиной около 10 см., с широкой круглой шляпкой. Медь представляла ценность для грабителей, и они не оставили без внимания ни одного гвоздя. Часть гвоздей им удалось выдернуть целиком, и в стене в этих местах остались лишь отверстия, окруженные медной зеленью, но некоторые гвозди держались так крепко, что грабители смогли только отломить их верхнюю часть со шляпкой, стержни же остались в стене. Все эти целые гвозди и шляпки от оставшихся в стене грабители забрали с собой, но случайно одну шляпку потеряли наверху. Мы нашли ее в самом начале раскопок в каменной насыпи. Она точно подошла в изломе к одному из вынутых нами из стены стержней (табл. IV, 4).

Кроме остатков настенного войлока, на полу сохранилось еще несколько предметов. Из них интересны три кольца, сшитые из тонкого цветного войлока, три таких же кольца, свитых из травы, и кожаные узелки. Кольца имеют вид калачиков диаметром около 15 см. Как теперь выяснилось при раскопках второго кургана, они служили подставками для неустойчивых сосудов со сферическим дном. Полностью сохранившийся узелок представлял собой лоскуток кожи с завернутым в него пучком волос, возможно человеческих, завязанный тонким ремешком. Назначение других предметов неясно. Это были 3 узких ремешка, обрывки кожи и шерстяного шнура, мелкие кусочки листового золота, обломки деревянных палочек. Следует отметить еще лежавшие в анатомическом порядке хвостовые позвонки барана. Это, очевидно, остатки положенного в могилу курдюка барана.

Более интересные вещи обнаружены в куче земли и камня, навалившихся в грабительский ход. После ухода грабителей на насыпи кургана остались брошенные ими поломанные предметы, с которых они содрали ценные украшения из золота и олова. Некоторые из этих предметов свалились обратно в могилу вместе с камнями и землей. В куче земли под грабительским ходом оказалась деревянная ножка столика с рельефными украшениями, подражающими украшениям, выточенным на станке (табл. IV, 7). Округлые ребра ножки оклеены, как и колода, кожей молодых березок, а острые, повидимому, были покрыты золотом, которое снято грабителями.

Там же была длинная гладко выстроганная палочка, длиной в 102 см., и деревянная подушка (табл. IV, 8).

Замечательна находка здесь же рукоятки бронзового кельта (табл. IV, 1, 2). Она сделана из сука ели с прилегающей к нему частью ствола, на клинообразно затесанный конец которого насаживался бронзовый кельт со втулкой прямоугольного сечения. Это был рабочий инструмент без каких-либо украшений. Там, где рукоятку держала рука работавшего, поверхность ее заполировалась, лоснится. Топор в работе сломался — переломилась рукоятка в том месте, где на нее был насажен кельт, и в том направлении, в котором инструмент испытывал наибольшее давление при работе (в направлении сзади наперед, как это видно по характеру разрыва волокон древесины, а не в боковом направлении, что имело бы место при намеренной поломке рукоятки для снятия с нее бронзового кельта). Так как этот топор был простым рабочим инструментом, сломан в процессе работы, а его рукоятка брошена на краю раскопа грабителей, откуда она впоследствии свалилась в могилу, его следует считать принадлежащим грабителям, а не погребенному в могиле и не строителям кургана.

Наконец, еще одним свалившимся в грабительской ход предметом было горлышко большого глиняного кувшина, упавшее на потолок сруба на дне грабительского колодца. Возможно, что и этот простой глиняный сосуд с гладкой лощеной поверхностью мог иметь на себе какие-нибудь украшения из ценных материалов и поэтому был извлечен грабителями наверх.

Как ни малочисленны и ни фрагментарны уцелевшие от грабителей предметы из погребальной камеры, они все же позволяют нам составить себе некоторое представление о богатстве и пышности погребения. Просторная камера, площадью в 16 кв. м, была, очевидно, богато убрана и наполнена различными предметами, украшенными золотом, оловом и другими ценными материалами. Здесь был столик, много посуды (не менее шести сосудов), с кушаньями и продуктами, какое-то сооружение из тонких палочек высотой больше метра и, очевидно, много других разнообразных предметов.

В полной неприкосновенности и прекрасной сохранности дошла до нас северная часть могилы, где погребены были кони. Все, что здесь находилось, было сковано плотным льдом, и много труда и терпения надо было употребить на то, чтобы освободить ото льда и извлечь из могилы лежавшие там тесно один на другом, переплетающиеся друг с другом многочисленные сложные предметы, состоящие каждый из многих отдельных частей. Пятнадцать дней упорной работы потребовалось на разборку этой части могилы, занимающей площадь всего лишь в 11 кв. м.

Погребенные здесь кони и их снаряжение впервые в истории археологических раскопок оказались в полной сохранности. Не кости лошади и отдельные металлические или костяные пряжки, удила, да бляшки, как это обычно бывает, а полные трупы лошадей с шерстью, гривами и хвостами,

с кожей, мускулатурой и внутренностями и даже с остатками непереваренной пищи в кишечнике, целые седла, уздечки и другие предметы снаряжения верхового коня, сохранившиеся во всех деталях вплоть до ниток, которыми сшиты отдельные части седла, были извлечены из могилы через две с лишним тысячи лет после предания их земле.

Трупы, седла и уздечки заполняли эту часть могилы плотным слоем около 50 см толщиной. В беспорядке громоздясь друг на друга, они, казалось, были сброшены сюда сверху и лежали в разных положениях в зависимости от того, как упали (табл. III, 3). Так представлялась картина захоронения лошадей, так она описывалась в прежних публикациях находок Пазырыкского кургана. Однако после детального изучения, совместно с проф. В. О. Виттом, расположения трупов и условий, в которых они находились, удалось исправить это ошибочное представление.

Как и следовало бы ожидать, кони были уложены в могилу в установленном порядке все в одинаковом положении, рядами, спиной наверх, с поджатыми под брюхо ногами, с опущенной вниз головой. Четыре первых коня были уложены в ряд в восточной половине могилы, все головами на восток. За ними следовал второй ряд, также в четыре коня в западной половине, один из них головой на запад, остальные — на восток. Наконец, последние два коня, на долю которых осталась небольшая площадь в западном конце могилы, положены рядом, в поперечном направлении, головой на север. Поверх каждого коня положен комплект его снаряжения. Все это было закрыто толстым корьевым покрытием и заложено сверху трехметровой, толщей бревен, выше которых следовала четырехметровая насыпь, сначала из земли, а затем из камня. Под действием огромной силы тяжести началось уплотнение и перемещение трупов и лежащих на них предметов по направлению к стене сруба, где оставалось свободное пространство между столбами, защищенное балками от тяжести бревен, и отчасти по направлению к восточному концу могилы. Трупы при этом поворачивались на бок, некоторые перевернулись на спину, отдельные части их из-за неравномерного давления в разных местах могилы задерживались на месте, в то время как остальная часть трупа перемещалась. Также перемещались седла и уздечки. Иногда отдельные части их отрывались и разъединялись. Все это привело к кажущемуся беспорядочному расположению находок в могиле.

В процессе раскопок мы отмечали седла с относящимися к ним уздечками номерами с 1-го по 10-й в той последовательности, как они открывались перед нами из-под льда. Также нумеровались и трупы коней. Поэтому номера трупов коней не соответствуют номерам принадлежащих им седел. Так как сбруйные наборы чрезвычайно разнообразны по своему художественному оформлению, различны и кони, то необходимо рассмотреть по отдельности каждого коня со всем его снаряжением. Следующее описание коней и их снаряжения дается в порядке номеров снаряжения коня.

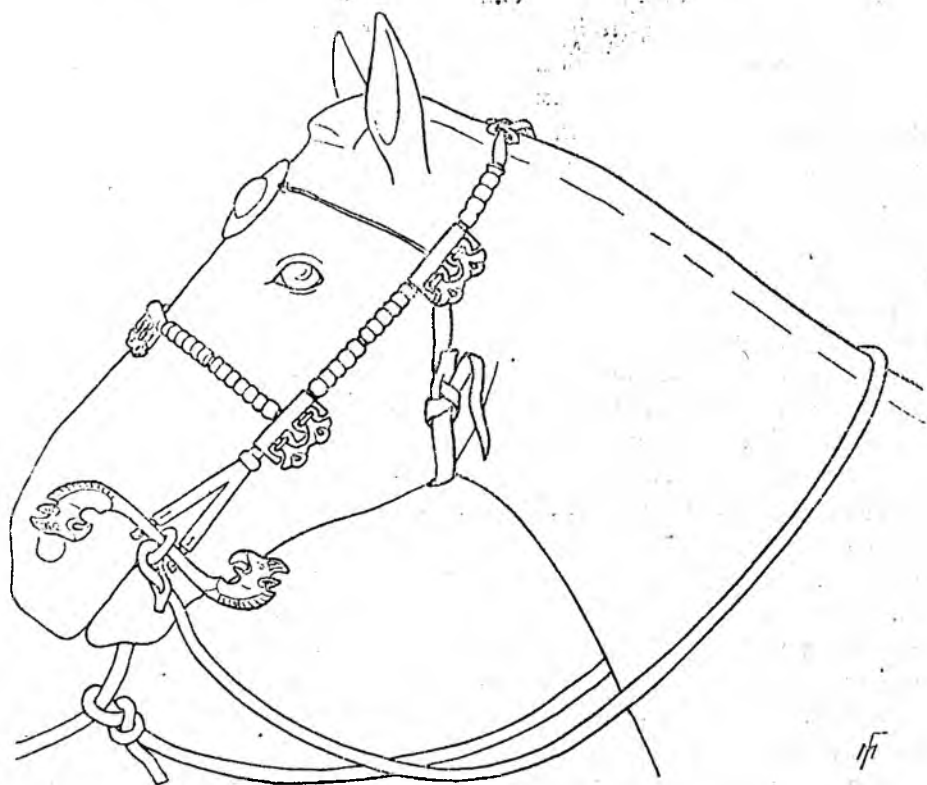
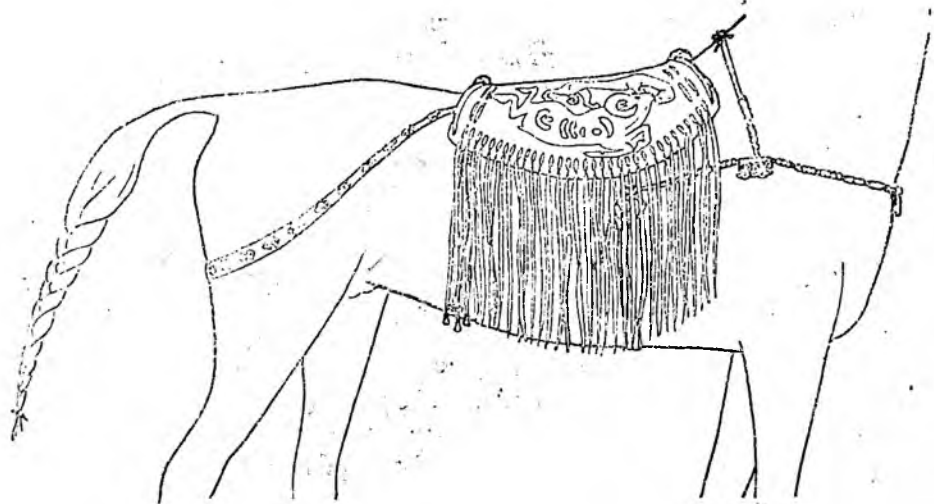

Рис. 6. Седло и узда № 1 (реконструкция).

1. Рыжий конь № 5, 18 лет,¹⁶ с хвостом, заплетенным в косу. Лежал во втором ряду в перевернутом положении, брюхом вверх. Седло покрыто красным войлоком и украшено крупными вырезанными из кожи изображениями тигра, терзающего горного барана (рис. 35 и табл. VI, 4). Фигура горного барана покрыта тонким листовым оловом. Рога его покрашены в желтый цвет, а борода и «зеркальце» около хвоста в красный. Тигр весь желтый, а рисунок шерсти, глаза и другие детали нарисованы темно-коричневой краской. Ремни нагрудника и уздечки украшены деревянными бляшками. На перекрестьях ремней нашиты широкие бляшки с растительным узором, покрытые листовым золотом, а между ними ряды узких четковидных бляшек, покрытых листовым оловом. Деревянные псалии уздечки украшены изображениями головы мифического орла. Верхнее изображение псалия и верхняя половинка бляхи-развилки около него покрыты золотом, нижние — оловом. Бляха-налобник в центре покрыта золотом, по краям — оловом (табл. VI, 1—3).

2. Рыжий конь № 3, с завязанным узлом хвостом. Узел хвоста закрыт кожаной повязкой, покрытой большим золотым листком. Лежал на боку во втором ряду с загнутой назад головой. Покрышка седла из желтого войлока украшена изображением крылатого мифического тигра, терзающего горного козла. Оно сшито из разноцветных кусочков войлока — синего, красного и желтого и обведено по контурам цветной ниткой тамбурным швом (рис. 37 и табл. VII). Ремни нагрудника и уздечки украшены на перекрестьях деревянными фигурками головы тигра, держащего в раскрытой пасти клык кабана. Голова тигра со вставленными кожаными ушами покрыта золотом, клык кабана — оловом. Между этими фигурками на ремни нашиты крестики из толстой кожи, покрытые золотыми листками. Псалии заканчиваются также изображениями головы тигра с клыком кабана в пасти, но исполненными не круглой скульптурой, а барельефно, в профиль. Бляха-налобник покрыта золотом.

3. Рыжий конь № 8, 17 лет, с завязанным узлом хвостом. Один из лучших по своему экстерьеру. Лежал на правом боку в первом ряду. Седло, как и у предыдущего коня, украшено аппликацией из цветного войлока (рис. 37 и табл. VIII). Сюжет изображения тот же, но горный козел представлен не бегущим, а лежащим с перевернутым задом и повернутой назад головой, а крылатый тигр — с клювом птицы вместо морды зверя. Покрышка седла сделана из красного войлока, а изображение — из синего и желтого. Некоторые детали покрыты листовым оловом на подкладке из тонкой кожи. По бокам седла прикреплено по три подвески, сшитых из кожи и разноцветного войлока, отороченных полоской синего меха и длинной бахромой из красного конского волоса. На них изображена голова горного барана в профиль, обращенная мордой вверх, и сверху, по бокам ее, две головы тигра с раскрытой пастью, с рогами антилопы на лбу, также

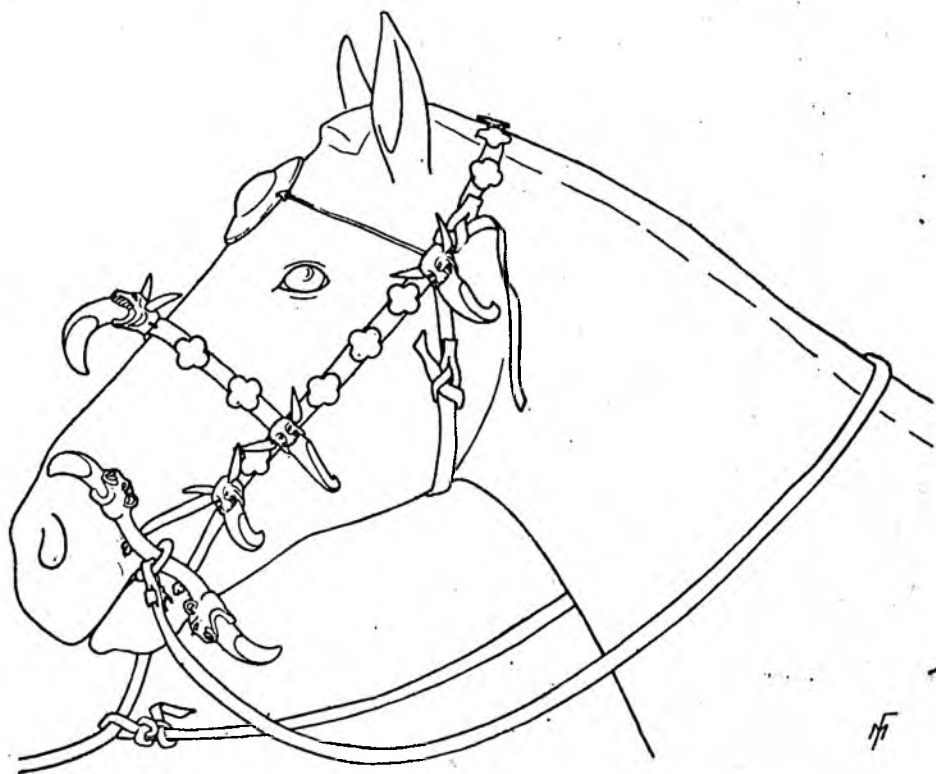
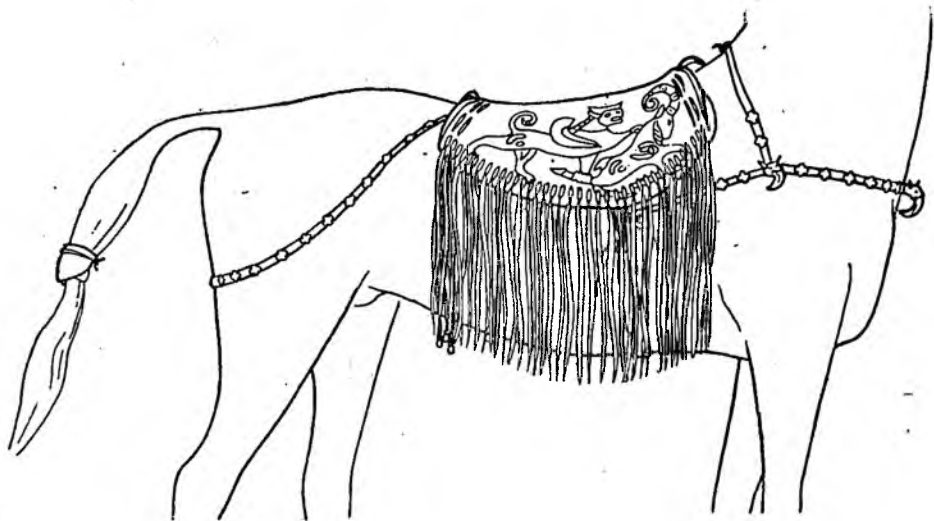

Рис. 7. Седло и узда № 2 (реконструкция).

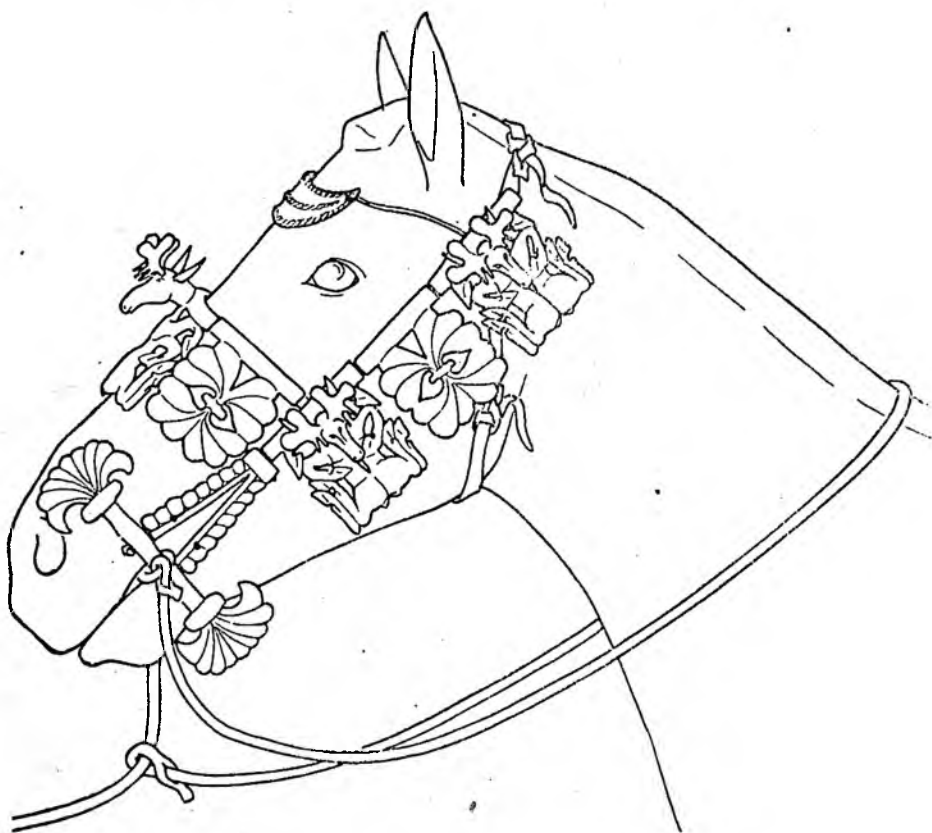
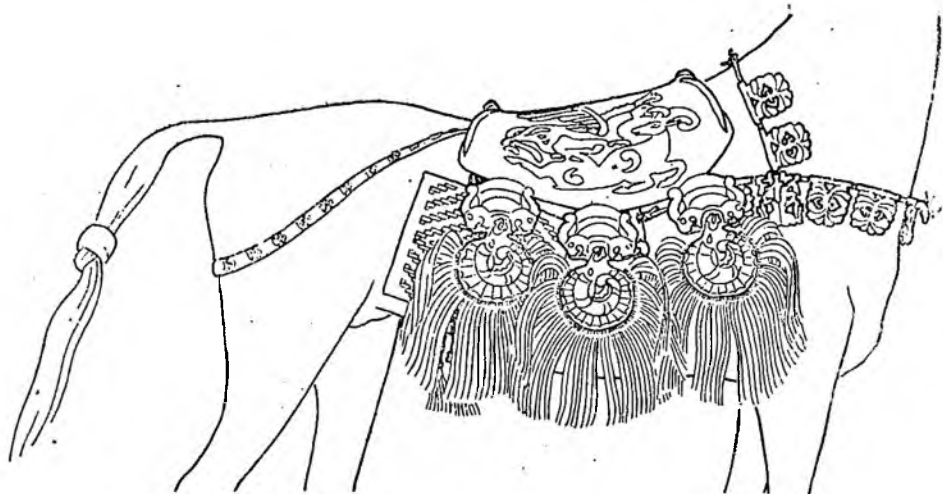

Рис. 8. Седло и узда № 3 (реконструкция).

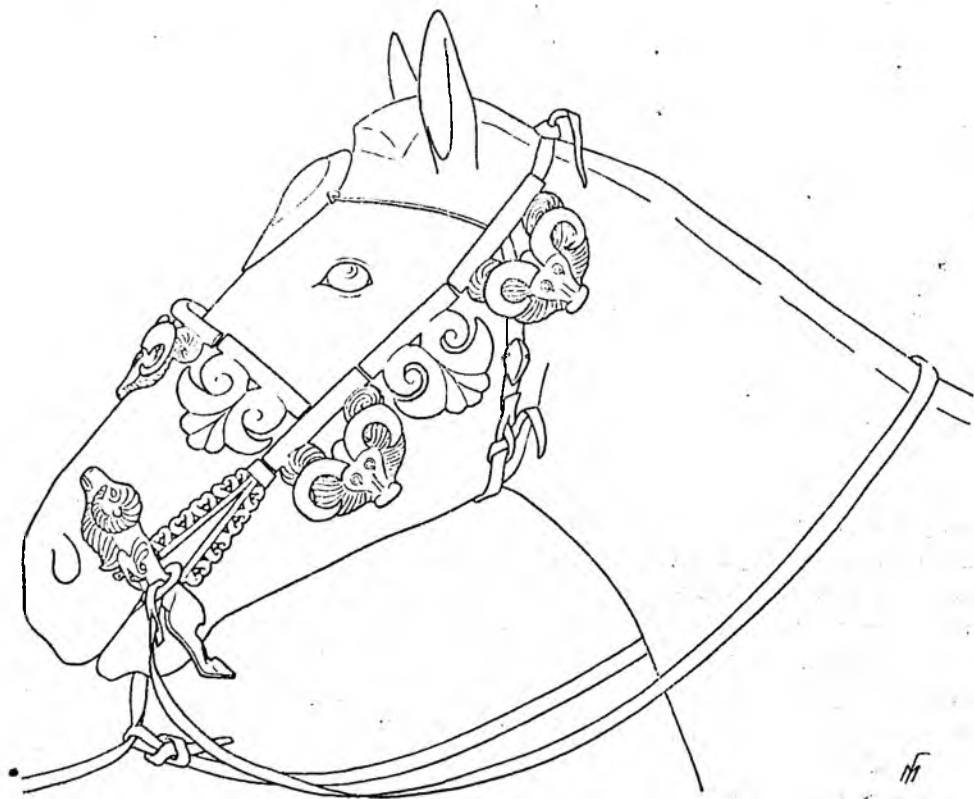
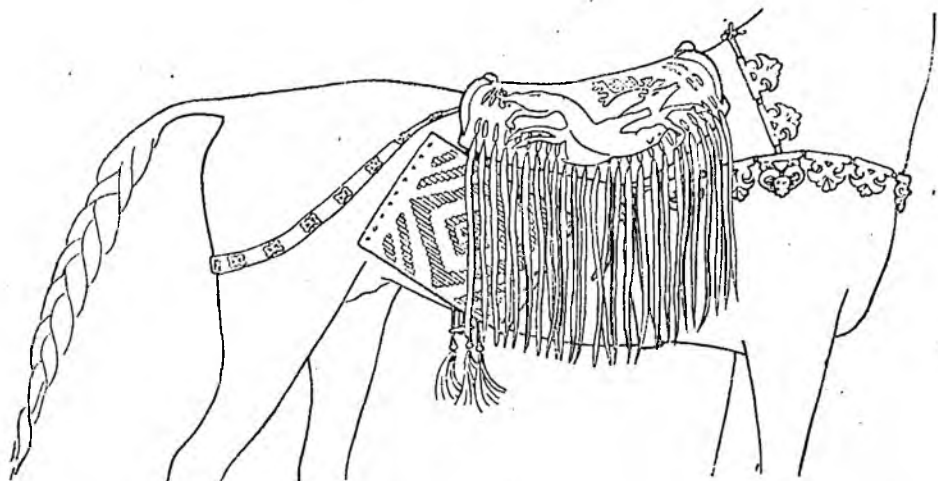

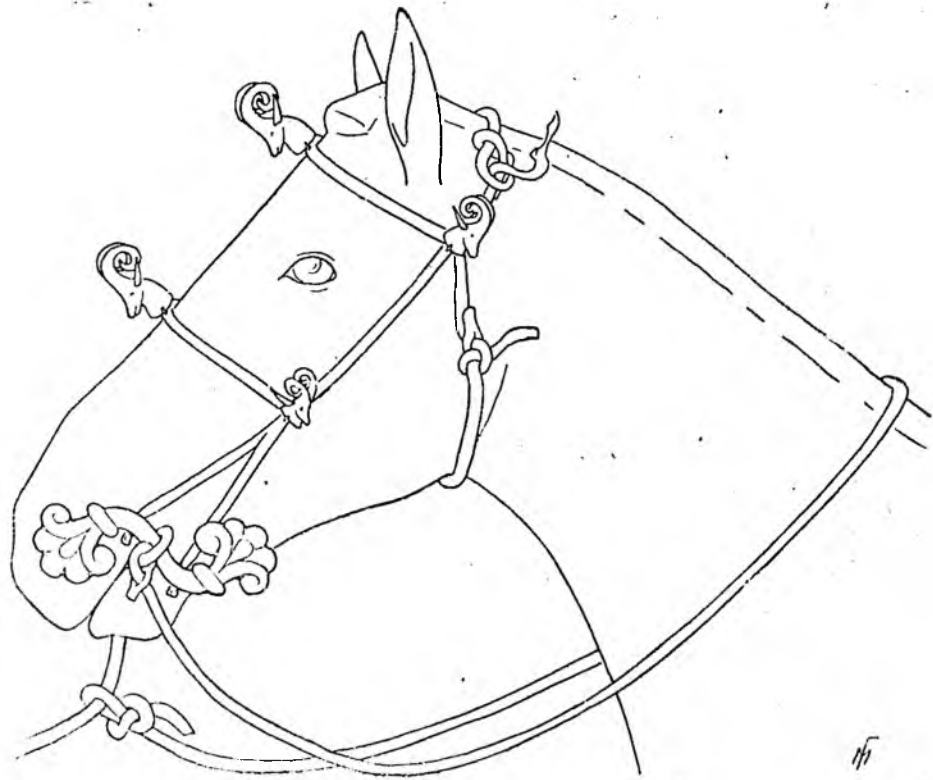
Рис. 9. Седло и узда № 4 (реконструкция).

Рис. 10. Конь в уборе № 5 (реконструкция).

в профиль. Кроме цветного войлока, в этом изображении применены также золото и олово. При седле находился щит, сделанный из куска кожи и продетых в него 34 палочек. Деревянные бляхи на перекрестьях ремней изображают лося с двумя туловищами и одной повернутой назад головой со вставленными кожаными ушами и рогами. Промежуточные бляхи и концы псаля вырезаны в виде пальметок. Бляхи перекрестий покрыты золотом, все остальные деревянные украшения — оловом.

4. Рыжий конь № 9, 16—17 лет, также один из лучших, с заплетенным в косу хвостом. Лежал на боку в первом ряду. Седло с таким же щитом, как и у предыдущего (табл. X, 2). На синей войлочной покрышке его изображен тигр, терзающий марала (рис. 36). Изображение вырезано из тонкой кожи. Тигр выкрашен в оранжевый цвет, детали его прорисованы

Р и с. 11. Узды № 5 (реконструкция).

коричневой краской. Голова и копыта марала покрыты золотом, все остальное — оловом. Бляхи на перекрестьях ремней представляют изображение головы горного барана с накладными кожаными рогами. Промежуточные бляхи оформлены в виде пальметок. Псалии вырезаны в виде полной фигуры скачущего горного барана. Бляхи перекрестий, голова барана на псалии и отдельные части промежуточных блях покрыты золотом, все остальные деревянные украшения — оловом (табл. IX).

5. Рыжий конь № 2. Находился во втором ряду. Наиболее пышно убранный из числа четырех коней этого ряда. Кроме седла и узды, для него положены маска, нагривник и чехол на хвост. Маска сшита из толстого войлока, покрытого сверху кожей. Вся поверхность ее занята изображением борьбы тигра и мифического чудовища, представленного в виде тигра с рогами антилопы на голове, с гривой на шее и с птичьими крыльями на плечах (табл. XIII). Фигура тигра, изображенного со спины в распластанном виде, занимает всю носовую часть маски — вверху голова, показанная в профиль и передние лапы, помещающиеся над глазами коня, внизу задние

лапы, помещающиеся на верхней губе коня под ноздрями. Изображение выложено листовым золотом с прорисованными на нем черной краской деталями. Чудовище занимает верхнюю часть маски и щечные лопасти. Оно выполнено тонкой, вероятно, цветной кожей. Детали показаны вставками листового золота и олова, помещенными в сделанные для этого соответствующей формы вырезки. Сшитая отдельно из толстого войлока голова высится на лбу коня. Рога ее, покрытые чередующимися полосками золота, олова и цветной кожи, заканчиваются покрытыми золотом шариками. Грива сделана из красного конского волоса. На шее показано птичье оперение. По бокам головы пришиты поднятые вверх крылья. Туловище, изображенное дважды, занимает щечные лопасти маски. Задние лапы чудовища упираются в его живот. Передними лапами чудовище схватило за горло тигра. Тигр вцепился зубами в грудь чудовища, а передними лапами в его лопатки. Другим, совершенно новым для нас предметом убора коня был нагривник. Грива коня с обеих сторон обшита желтым войлоком и превратилась, таким образом, в плотную, вертикально стоящую стенку, на которую и надевался нагривник, представляющий собой сшитый из толстого войлока чехол, обтянутый тонкой кожей и отороченный сверху длинной бахромой из красного конского волоса. На боковых поверхностях нагривника, покрытых листовым оловом, помещено по четыре изображения пестуха, вырезанных из цветной (?) кожи, с покрытой золотом головой. Также новым, ранее неизвестным предметом убора коня, является кожаный чехол на хвост в виде трубки, отороченный снизу полоской синего меха и бахромой из красного конского волоса, сшитый из узорно вырезанных кусочков кожи двух цветов. Седло украшено свисающими по бокам изображениями рыб, вырезанными из толстой кожи и покрытыми по поверхности листовым оловом и синим мехом. К плавникам привязаны кусочки длинной бахромы из красного конского волоса. На синей войлочной крышке седла помещены вырезанные из тонкой кожи изображения тигра, терзающего лося (табл. XI и XII, 4). Фигура тигра выкрашена минеральной краской в желтый цвет, детали ее нарисованы коричневой краской. Фигура лося покрыта листовым оловом (рис. 35). Ремни нагрудника и узды украшены на перекрестьях скульптурными фигурками головы горного козла, вырезанными из трех слоев кожи и покрытыми листовым золотом (табл. XII, 3). На груди помещалось изображение мифического орла с распростертыми крыльями, вырезанное из толстой кожи, покрытой листовым золотом и оловом (табл. XII, 1, 2). Голова снабжена высоким гребнем и звериными ушами. Деревянные псалии уздечки украшены фигурами пальметок на концах.

6. Рыжий конь № 4, с завязанным узлом хвостом. Лежал во втором ряду. Седло, покрытое синим войлоком, украшено кожаной аппликацией, изображающей борьбу двух крылатых чудовищ (рис. 26). Детали изображения раскрашены красной и желтой краской, покрыты листовым золотом

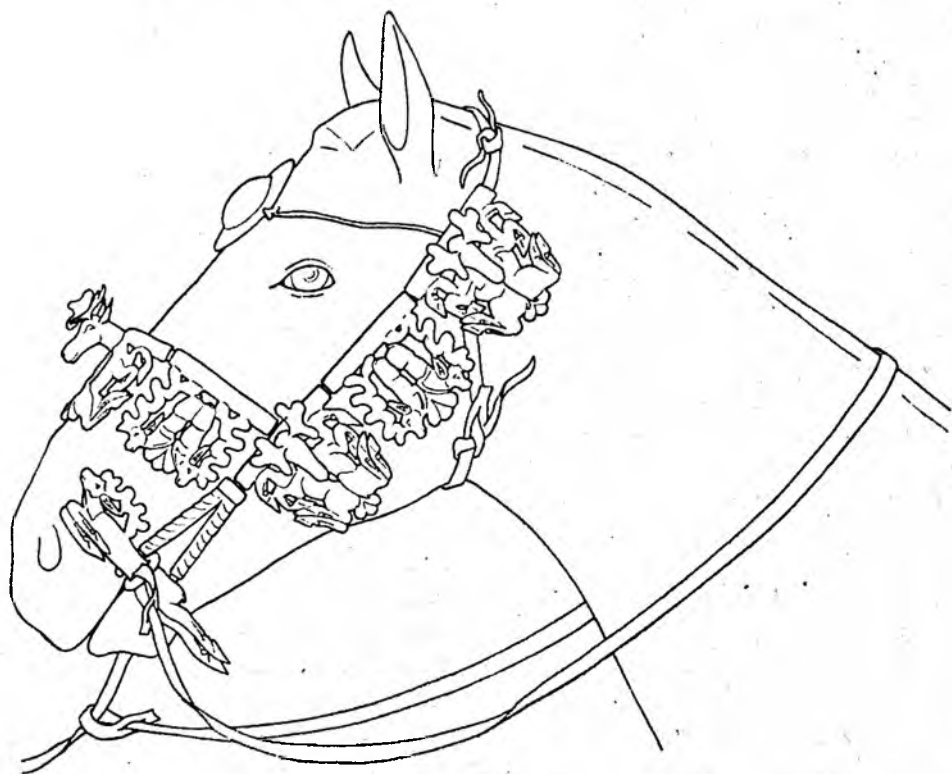
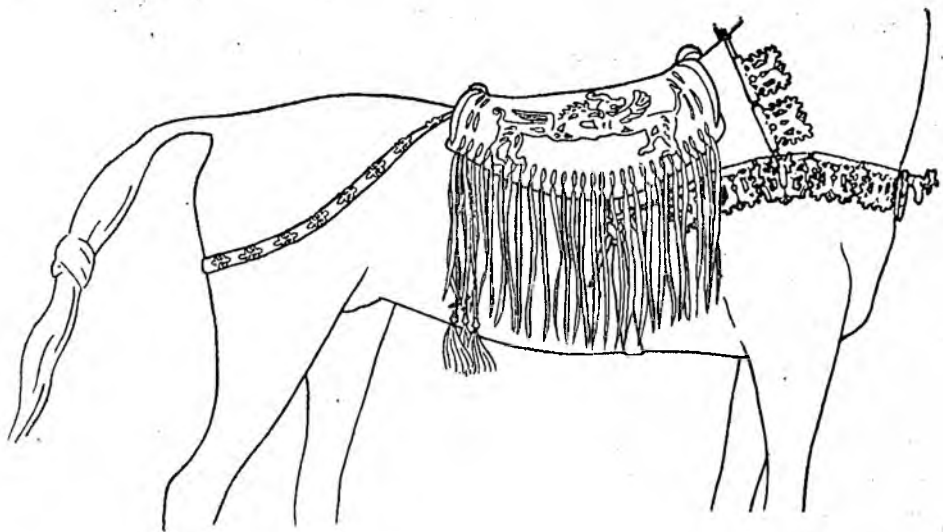

Рис. 12. Седло и узда № 6 (реконструкция).

и оловом. Нагрудник седла и уздечные ремни имеют на перекрестьях деревянные бляхи с изображением марала (сибирский подвид благородного оленя), выполненное барельефно туловище которого повторено дважды, а повернутая назад голова исполнена круглой скульптурой и снабжена вырезанными из кожи рогами и ушами (табл. XIV, 2, 3). Изображения покрыты по всей поверхности золотом. В промежутках между такими бляхами помещены бляхи с изображением двух маралов, обращенных брюхом друг к другу, покрытые оловом (табл. XIV, 4). Псалии представляют собой фигуру скачущего марала (табл. XIV, 1). Передняя половина его покрыта золотом, задняя — оловом, Круглый налобник покрыт золотом.

7. Конь № 6, 10 лет, неопределенной масти, рыжего и гнедого тона. Лежал в третьем ряду. Седло (табл. XVI), покрытое красным войлоком, украшено изображением мифического орла, схватившего когтями лося (рис. 36). Изображение вырезано из тонкой кожи и покрыто оловом. По бокам седла подвешены изображения головы антропоморфного чудовища, вырезанные из двух слоев тонкой кожи. Отдельные детали изображения покрыты оловом. Волосы сделаны из красного конского волоса. Изображения подвешены к седлу вниз головой. С правой стороны седла подвешен на ремне щит, подобный двум предыдущим (табл. X, 1). На щите лежало еще одно изображение головы антропоморфного чудовища с ясно показанными звериными рогами и ушами, также вырезанное из кожи, но без конского волоса (табл. XVII, 2). Нагрудник седла и уздечка украшены деревянными бляхами, вырезанными в виде пальметок (табл. XV). Все бляхи покрыты оловом. Только круглая бляха-налобник и части пальметок на псалиях и бляхах на перекрестьях ремней покрыты золотом.

8. Гнедой (?) конь № 7, 9 лет, с завязанным узлом хвостом. Лежал в третьем ряду. Седло с покрывкой из желтого войлока украшено изображениями головы горного барана по четыре с каждой стороны (рис. 33, 1). Изображения вырезаны из тонкой кожи и покрыты оловом. По бокам седла кожаные подвески, также изображающие голову горного барана. Они сшиты из цветной кожи, местами покрытой оловом, и оторочены полоской синего меха и бахромой из красного конского волоса (рис. 34). На перекрестьях ремней нагрудника и узды пришиты деревянные бляхи, изображающие голову антропоморфного чудовища. В промежутках между ними бляхи с растительным орнаментом. Все деревянные украшения ремней покрыты оловом. Только лбы антропоморфных чудовищ позолочены.

9. Рыжий конь № 1, 10—11 лет, один из лучших по своему экстерьеру. Лежал в первом ряду. На седле по обеим сторонам нашито на красную войлочную покрывку по два изображения головы тигра с рогами антилопы на лбу, вырезанных из тонкой кожи и покрытых оловом (рис. 33, 2). По бокам седла большие подвески из толстого войлока, покрытые цветной кожей, золотом и оловом и изображающие рыбу, схватившую голову горного барана

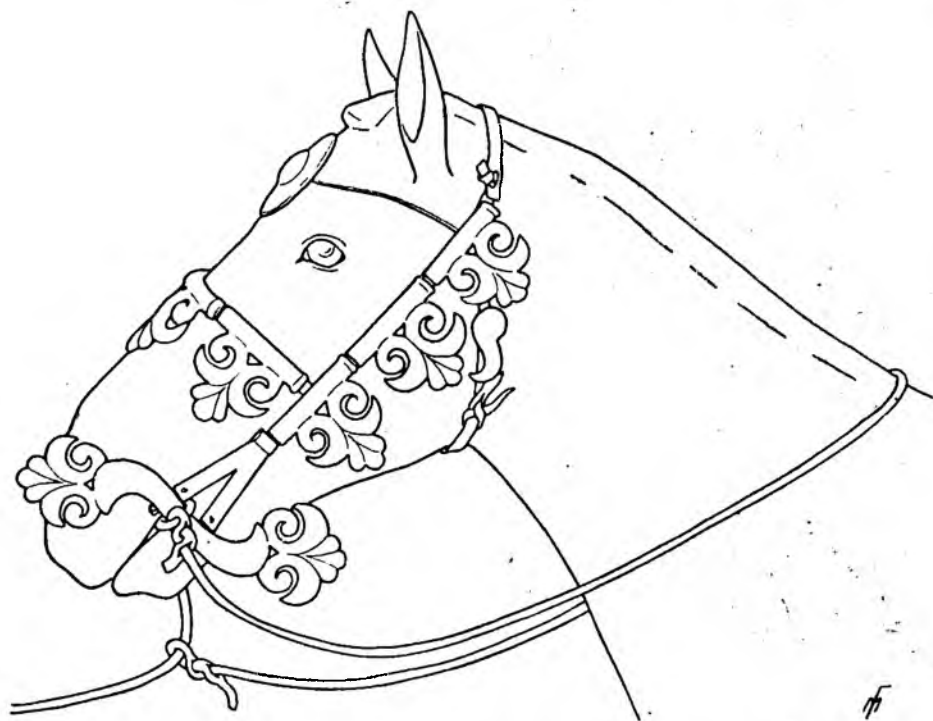
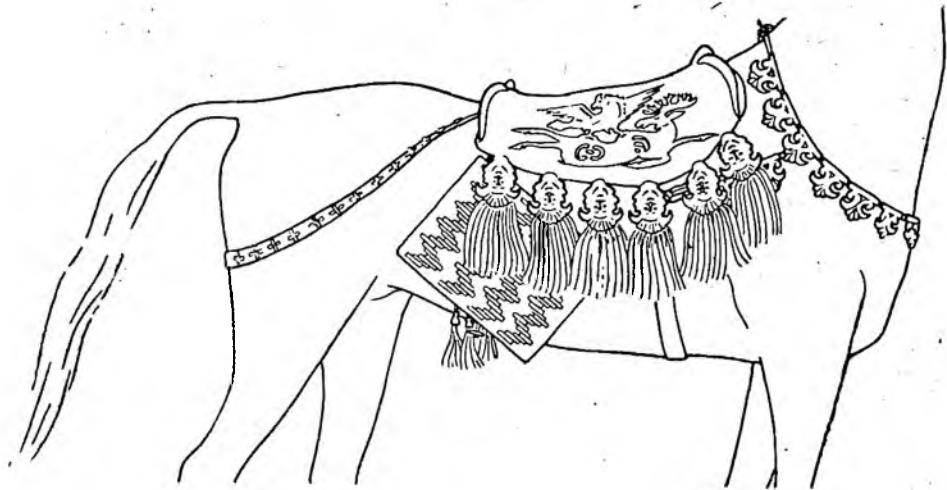

Рис. 13. Седло и узда № 7 (реконструкция).

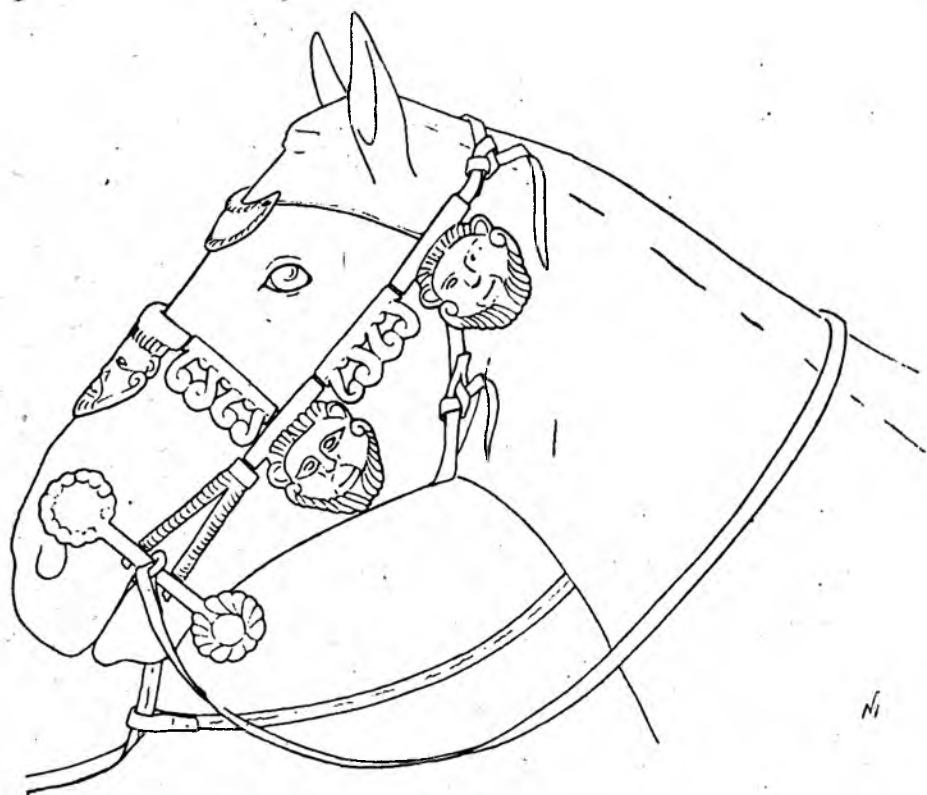
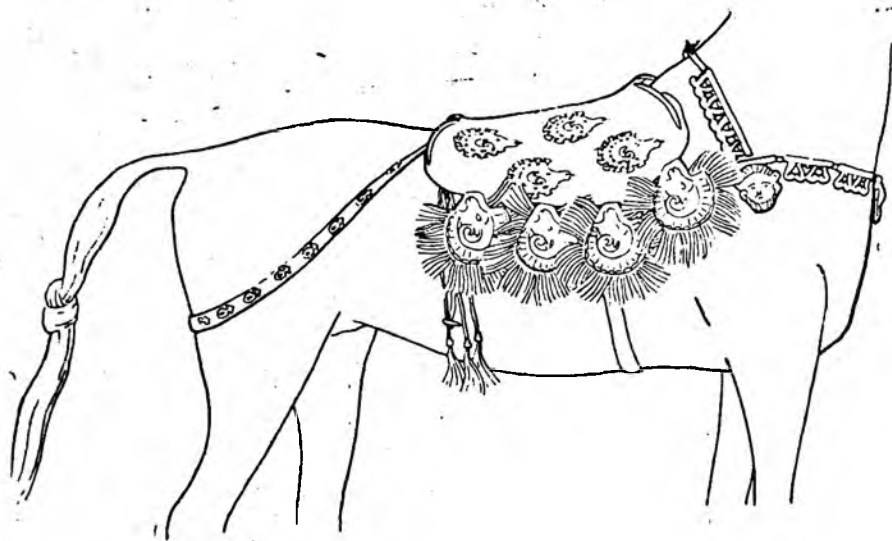

Рис. 14. Седло и узда № 8 (реконструкция).

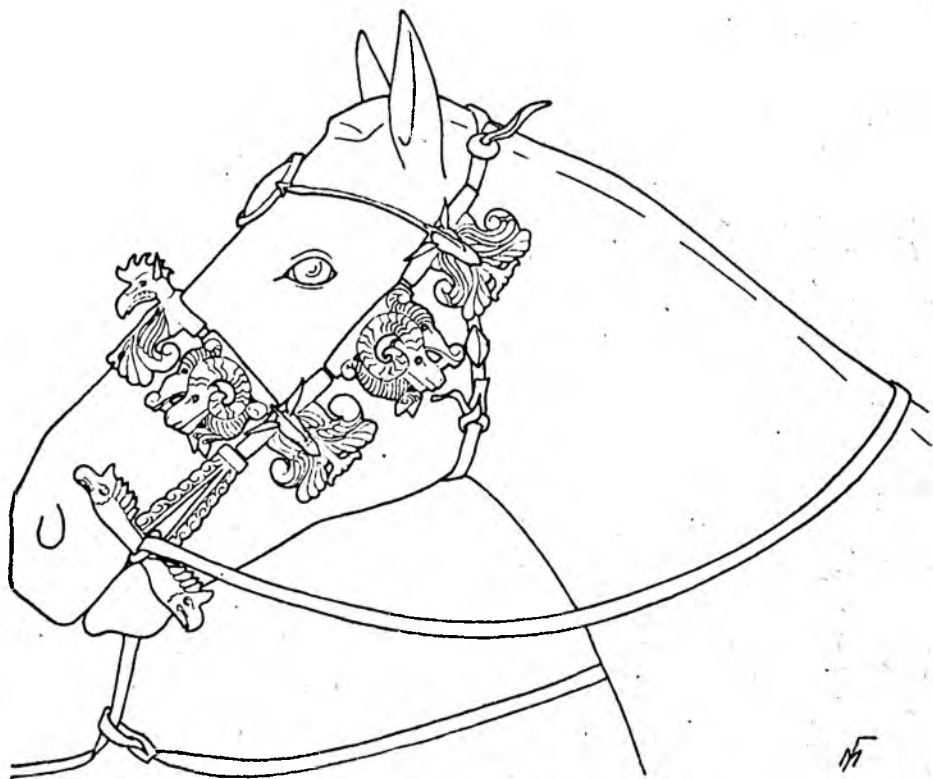
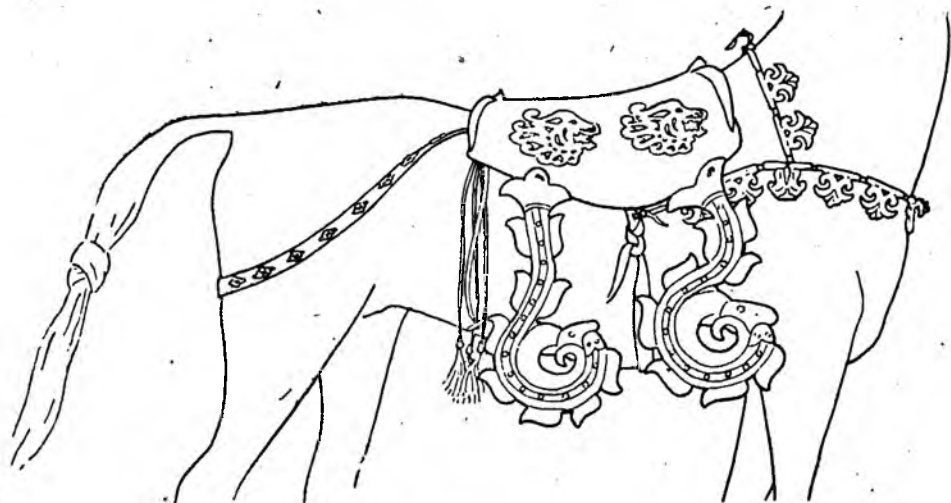
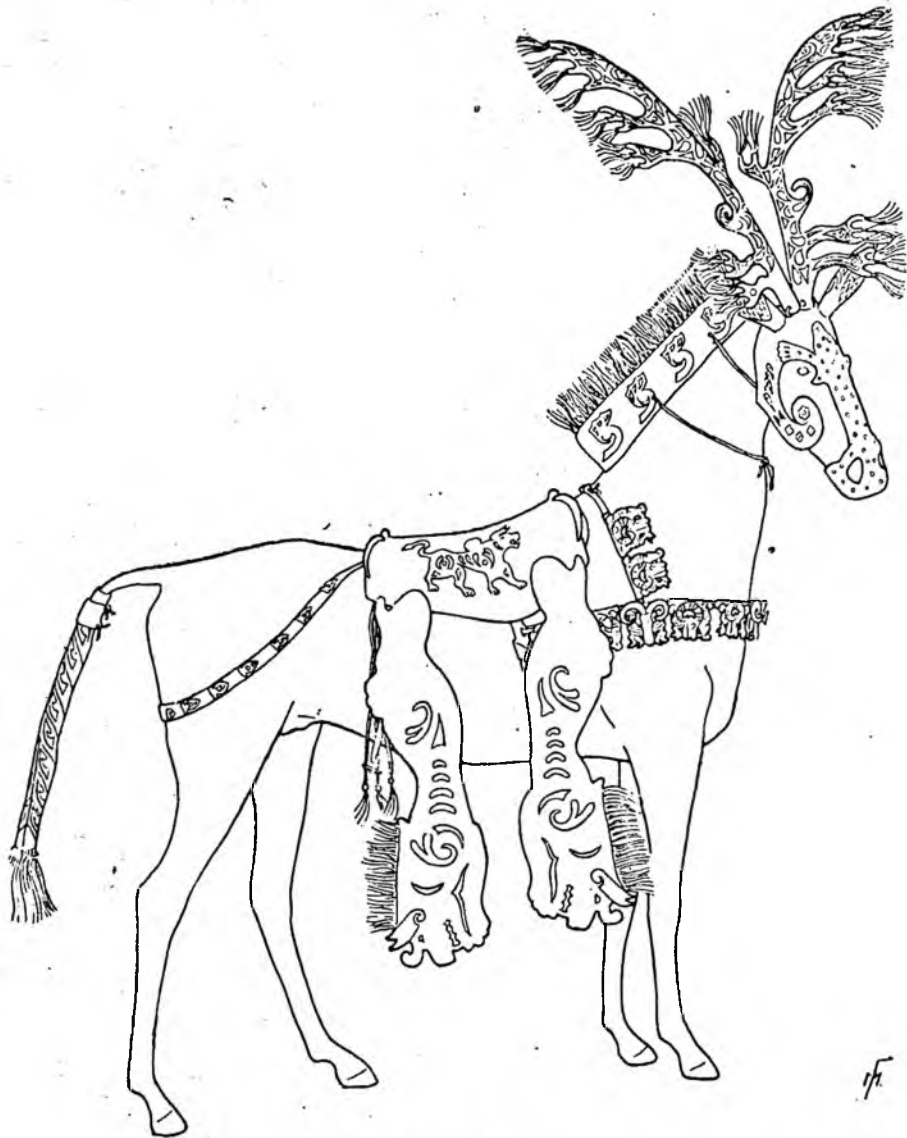

Рис. 15. Седло и узда № 9 (реконструкция).

Р и с. 16. Ковь в уборе № 10 (реконструкция).

(табл. XVII, 1). Деревянные бляхи, расположенные на перекрестьях ремней, изображают мифического орла, распростертое туловище которого с одной лапой посредине исполнено барельефом, а повернутая назад голова со звериными ушами и высоким зубчатым гребнем — круглой скульптурой (табл. XX, 1). На нагруднике между такими бляхами помещены бляхи, вырезанные в виде пальметок, как на седле № 7, а на узде — бляхи с изображением головы горного барана в пасти хищника (табл. XX, 2). Псалии

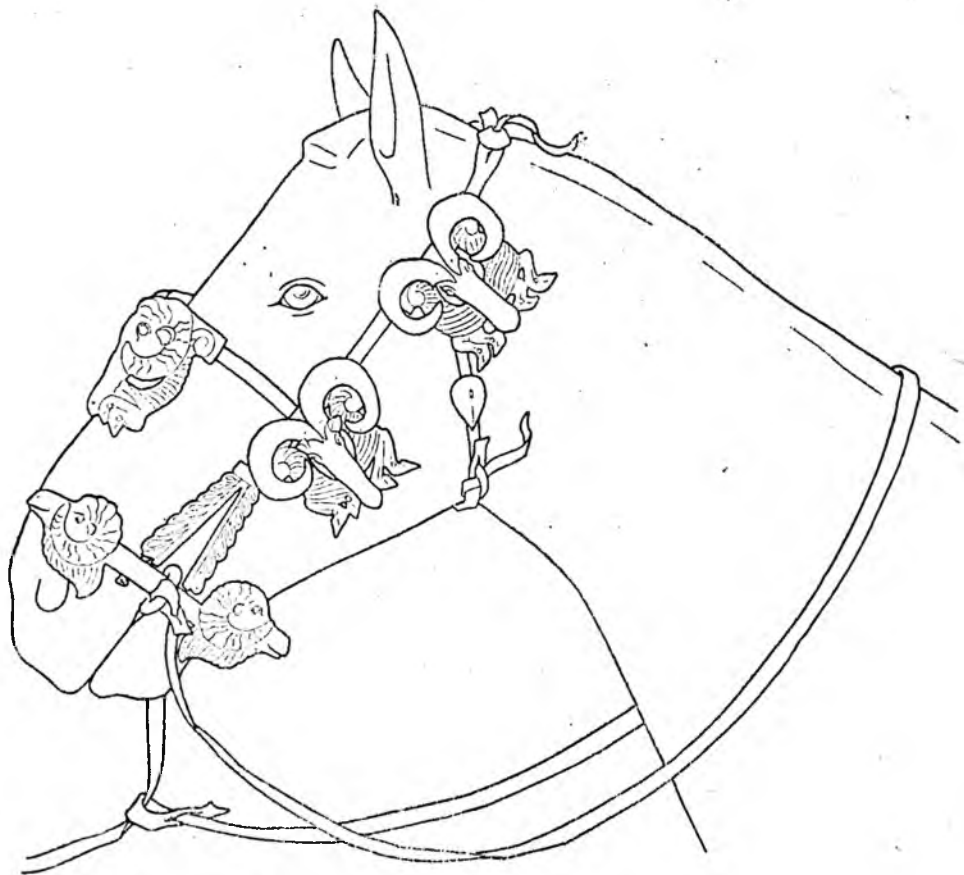

Рис. 17. Узда № 10 (реконструкция).

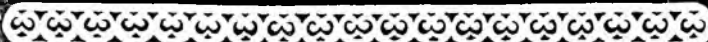
узды заканчиваются головами мифического орла с зубчатым гребнем (табл. XX, 3, 4). Только у этого коня удила уздечки бронзовые, у всех остальных — железные.

10. Рыжий конь № 10, старше 20 лет, самый лучший по экстерьеру. Лежал в первом ряду и имел наиболее пышный убор. Маска, считая так же, как и описанная под № 5, была по иному оформлена (табл. XXIII и рис. 38). На полости, покрывающей носовую часть маски, помещено изображение тигра, такое же, как и на первой маске, но сделанное из синего меха, на поверхности которого приклеены кружки из тонкого золота. На лобной части маски высятся огромные рога оленя, сшитые в натуральную величину из толстой кожи. Отростки рогов, как у марала, направлены вперед от основного стержня, но на концах своих разветвляются, как это характерно для северного оленя. Концы отростков имеют форму трубочек, в которые вставлены пучки красного конского волоса. По всей своей по-

верхности рога обтянуты тонкой, вероятно, красной кожей с фигурными прорезями, покрытыми листовым оловом, а в двух местах — золотом. Такой же техникой выполнен и орнамент на щечных полостях маски. Нагривник подобен первому, описанному выше, только изображения петухов настолько стилизованы, что, не зная изображений первого нагривника, трудно было бы их узнать (табл. XVII, 3). Грива этого коня закреплена одним куском войлока, сложенным пополам по длине. Чехол на хвост по форме подобен первому, но украшен другим узором. Седло с покрывшкой красного цвета украшено изображениями тигра, вырезанными из кожи и покрытыми оловом (рис. 33, 3), и свисающими по бокам огромными, более метра длиной, изображениями тигра же с рогами антилопы, длинными ушами и высокой гривой, сшитыми из красного войлока (табл. XXII). Детали изображения показаны нашитыми кусочками тонкой, покрытой оловом, кожи. Грива сделана из красного конского волоса. Перекрестья ремней нагрудника и узды украшены деревянными бляхами, изображающими голову горного барана с рогами, вырезанными из кожи (табл. XXI, 4). На нагруднике между этими бляхами помещены еще бляхи с изображением головы горного барана в пасти хищника, такими же, как на узде предыдущего коня. Псалии узды покрыты листовым золотом, только на псалиях и на бляхах перекрестий морды барана покрыты оловом, а глаза и вся остальная часть изображения — золотом. К этому набору относится и маленький бич с обтянутой тонкой кожей рукояткой.

Среди предметов, погребенных в могиле вместе с конями, находились еще два, принадлежность которых к определенному комплекту снаряжений коня достоверно не устанавливается — это меховая фляга и меховой же наглухо зашитый мешочек или подушечка. Фляга лежала между седлами 3 и 4. Она сшита в виде плоской бутылки (табл. XXIV). Боковые и задняя стороны ее сшиты из узких полосок меха гепарда, снятого с его лап, а лицевая из узорных ромбиков, выкроенных из синего и желтого меха, причем фигурки, вырезанные из синих ромбиков, вставлены в желтые ромбики и наоборот. Подушечка находилась около седла № 4. Верхняя часть ее сделана из меха с головы гепарда, с кусочками ткани, вставленными в отверстия глаз, нижняя сшита из кусочков кожи с вышитыми на ней способом аппликации стилизованными изображениями головы лося, задняя из куска гладкой кожи. Эта подушечка, или мешочек, была наполнена измельченными частями плодов и веточек дикорастущих растений.

II

КУЛЬТУРА ПАЗЫРЫКСКОГО ПЛЕМЕНИ

Чтобы получить археологический материал, достаточный для установления основных особенностей культуры и жизни какого-либо древнего племени, обычно требуется произвести раскопки остатков нескольких мест поселений, десятков и даже сотен погребений, принадлежащих разным общественным слоям изучаемого племени, располагать материалом и других возможных памятников. Даже при этих условиях некоторые основные вопросы остаются слабо или совсем не освещенными. Пазырыкское же погребение, одно, дало такой обильный и разнообразный материал, всесторонне и полно освещающий культуру оставившего его племени, что пользуясь только им, картину жизни ранних кочевников Алтая можно представить в основных своих чертах более полно, чем это возможно для ряда других районов, археологические памятники которых открыты в значительном количестве.

Между тем еще недавно у нас было распространено представление о богатых погребениях племенной знати как о памятниках социальной верхушки общества, освещающих лишь особенности культуры высших слоев общества и ничего не говорящих об основных производителях, о тех, чьими руками созданы погребенные с умершим вещи, построено сложное могильное сооружение, воздвигнут курган. Такой, в корне неправильный, взгляд на значение богатых погребений можно встретить и сейчас среди некоторых археологов. Такой взгляд является следствием забвения или непонимания одного из основных положений марксистско-ленинской диалектики, устанавливающей, что все предметы и явления как в природе, так и в обществе составляют единое целое, взаимно связаны, зависят друг от друга и обуславливают друг друга. Если задача историка новейших эпох заклю-

чается, главным образом, в том, чтобы установить связь изучаемых явлений и объяснить их, то историк-археолог, наоборот, должен, пользуясь знанием закономерностей связей между предметами и явлениями, восстановить по немногим, имеющимся в его распоряжении предметам, характер других несохранившихся предметов, характер интересующих его явлений общественной жизни исследуемой эпохи, восстановить общую картину культуры этой эпохи. Изучая разнообразные и обильные материалы богатого погребения во всех из связей и обусловленности, можно получить представление не только о быте социальной верхушки общества на примере погребенного в могиле ее представителя, но и о тех, чьими руками создано все находящееся в могиле — об основных, трудовых слоях населения, о всем племени в целом. Особенности техники, хозяйства и быта всего племени в целом, сложившихся в нем производственных отношений и общественного строя, его связей с другими близкими и далекими племенами, особенности мышления, мировоззрения, религиозных представлений, изобразительного искусства — все это нашло свое отражение в находках Пазырыкского кургана, все это может быть восстановлено более или менее полно, с той или иной степенью точности и достоверности. Вот почему представляется интересным в настоящем очерке на примере Пазырыкского кургана показать, как много может дать для истории древнего общества всестороннее изучение одного, казалось бы ограниченно, односторонне и якобы искаженно отражающего действительную жизнь памятника, как в относительно немногих вещах богатого погребения представителя племенной знати нашли свое отражение все основные особенности действительной жизни всего племени в целом.

Нет сомнения, что многие наблюдения, сделанные только по материалам Пазырыкского кургана, еще недостаточны для окончательного утверждения того или иного положения и требуют дополнительных наблюдений по материалам других памятников. В ряде случаев сами наблюдения могли быть сделаны только при сопоставлении материалов Пазырыкского кургана с материалами других находок. Поэтому представляемая здесь картина культуры ранних кочевников Алтая, хотя и дается лишь в той мере, в какой она освещается материалами Пазырыкского кургана, но материалы эти рассматриваются не изолированно от других известных памятников, а всегда с полным их учетом, в сопоставлении с ними.

В Пазырыкском кургане, как увидим ниже, погребен племенной вождь, а большая часть сопровождающих его вещей поднесена ему от родовладык его племени. Поэтому восстанавливаемая нами по находкам кургана культура характеризует собой прежде всего то племя, которое мы условимся называть пазырыкским.

Пазырыкское племя занимало, вероятно, только небольшую часть Алтая. Известные нам памятники позволяют предполагать, что остальные части горного Алтая и Тува были заселены другими племенами, родствен-

ными по культуре с пазырыкским и, быть может, составлявшими вместе с ним одно политическое объединение. Недостаточная еще изученность археологических памятников Южной Сибири не позволяет более точно определить границы расселения алтайской группы племен ранних кочевников. Можно лишь отметить, что на северо-востоке они отделялись Абаканским и Саянским горными хребтами от минусинской группы полукочевых племен с характерной культурой, на севере они граничили с оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами Верхней Оби, на западе и юго-западе с кочевыми племенами степей Казахстана, почти совсем не изученными, но, по имеющимся данным, составлявшими иную, отличную по культуре от алтайской, группу племен. Каждая из этих четырех этнических групп, при наличии некоторых общих черт культуры, отчетливо отличается одна от другой. Поэтому наблюдения над особенностями культуры пазырыкского племени характеризуют собой в значительной мере и культуру всей группы племен ранних кочевников Алтая и Тувы, но не могут быть распространены на другие группы племен. Не имея пока другого, более удачного, наименования для обозначения алтайской группы племен, будем называть их в дальнейшем ранними кочевниками Алтая.

Время сооружения Пазырыкского кургана пока не может быть определено точно. Ясно лишь, что он принадлежит к той группе памятников на Алтае, которые относятся ко времени с V по III вв. до н. э. Курганы в Араголе и Туяхте на Алтае,¹⁰ в Кызыл-Булуке и Туране в Туве,¹¹ а также первый и второй курганы в Пазырыке совершенно не содержат в себе вещей китайского происхождения или отражающих какие-либо китайские влияния, что так характерно для памятников Алтая, начиная со II в. до н. э. Удила, псалли, зеркала и некоторые другие предметы ранне-скифских типов, находимые в курганах предшествующего, майэмирского, этапа и датируемые временем не позже начала V в. до н. э., в курганах пазырыкского этапа заменены новыми формами. Поскольку в Пазырыкском кургане, как увидим ниже, при наличии ясно прослеживаемых культурных связей с народами Средней Азии и Ирана ахеменидского времени отсутствуют какие-либо указания на связи с греко-бактрийской культурой, можно полагать, что он сооружен ранее III в. до н. э. Наиболее вероятной датой его следует считать IV в. до н. э., но не V, так как в последнем случае наблюдалась бы большая близость его к памятникам майэмирского этапа, что пока не отмечается. Для окончательного решения вопроса о точной датировке Пазырыкского кургана необходимо накопление новых материалов. Возможно, что значительную помощь в этом отношении может оказать изучение годичных колец древесины на бревнах из могильного сооружения. Это не удалось сделать в 1929 г.,¹² но теперь вполне возможно, так как имеется обильный древесный материал из четырех близких по времени курганов в Пазырыке.

Железо было хорошо известно пазырыкскому племени. Удила девяти уздечек из десяти были выкованы из железа. Но железо, вероятно, еще высоко ценилось, и из него делались, быть может, только оружие и вещи для богатой племенной и родовой знати, а орудия хозяйственного назначения оставались бронзовыми. Неудивительно поэтому, что гвозди, которыми прибит войлок к стенам сруба, были не железными, а медными и деревянными, топор грабителей был бронзовый. Повидимому, и все топоры строителей кургана тоже были бронзовые, так как лезвия их, судя по следам их работы, были сильно зазубрены. На Алтае происходит постепенная замена бронзовых орудий железными, тогда как скифы Поднепровья и Кубани уже в VI в. до н. э. полностью перешли к употреблению железных орудий. Минусинские племена и, по свидетельству Геродота (V в. до н. э.), массагеты в Средней Азии пользовались еще бронзовыми оружием и орудиями.

Следы работы топором на бревнах и деревянных изделиях показывают, что это были маленькие легкие орудия с лезвием шириной в 45—56 мм (6 определений). Кельт насаживался на рукоятку так, что ось его отклонялась не к руке работающего, а от нее. Таким топором работали, видимо, сплеча, а не в локте. Работа была трудоемкой. При перерубании бревен и жердей приходилось надрубать их с нескольких сторон и затем переламывать. Концы бревен поэтому имеют обычно пирамидальный обруб в 3—4 грани и переломленную сердцевину. На деревянных изделиях, привезенных из Пазырыка, удалось установить по характеру расположения штрихов от зазубрин на лезвии следы 12 таких топоров, причем оказалось, что колода обрабатывалась двумя топорами, следовательно — двумя работающими, а крышка ее — третьим топором.

Кроме топора, употреблялось также и тесло, представляющее собой такой же кельт, но насаженный так, что лезвие его было перпендикулярно оси рукоятки. На колоде оставлены следы работы двумя теслами — одно с лезвием шириной в 37 мм, другое в 38 мм. Отверстия на одном ярме и на боковой жерди арбы прорублены долотом с лезвием шириной в 11,5 мм, а на другом ярме — шириной в 13 мм. Прямым долотом вырубались как прямоугольные, так и круглые отверстия.

Следы работы шилом, иглой и проверткой не позволяют установить особенности этих орудий. Нож, судя по следам его работы на многочисленных деревянных, а также кожаных и войлочных изделиях, был во всех случаях с прямым лезвием. Даже мелкие деревянные художественные изделия вырезаны прямым ножом.

О технике обработки железа можно лишь сказать, что кузнецы пазырыкского племени умели ковкой вытягивать длинные стержни, загибать их

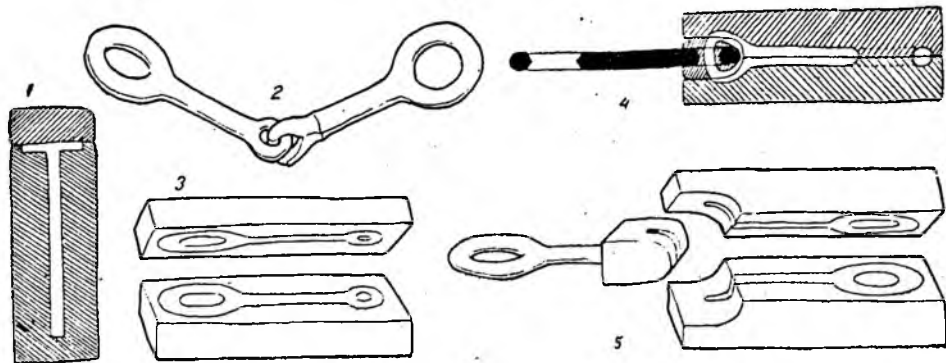

Рис. 18. Литейные формы (реконструкция) для гвоздей и удила.

1 — форма для гвоздя в разрезе; 2 — удила; 3 — форма для первого звена; 4 — форма для второго звена в разрезе; 5 — то же, внешний вид.

и, сваривая концы, получать замкнутые петли. Так изготовлялись удила. Значит кузнецы могли ковать орудия и другие изделия разных форм.

Бронзовые изделия отливались разными способами. В находках кургана представлены два. Для отливки гвоздей, как об этом можно судить по характеру их поверхности и расположению литейных швов, в куске глины оттискивался плоский кружок, а в центре его протыкалось прямоугольной палочкой глубокое отверстие по длине стержня гвоздя. Так делалась первая створка литейной формы. Вторая створка, образующая наружную поверхность шляпки гвоздя, была плоской (рис. 18, 1). Для удила изготовлялись две формы. Для первого звена, оба кольца которого находились в одной плоскости, по модели оттискивалась двустворчатая форма (рис. 18, 3). Для второго звена по модели же оттискивались две створки, образующие большое наружное кольцо, стержень и боковые поверхности примыкающей к стержню части малого кольца (рис. 18, 5). Здесь створки формы расходились и сюда вставлялся глиняный клин с вмазанным в него отлитым первым звеном. В клине через середину малого кольца первого звена протыкалось сквозное отверстие, образующее остальную часть малого кольца второго звена. После отливки удила этот клин разбивался, а две пары створок могли употребляться для повторных отливок.

Золото в кургане найдено только листовое. Им покрыто более 170 различных предметов из разных материалов. Золотые листки наклеивались на дерево и кожу. На войлок приклеивались или пришивались листки тонкой кожи с наклеенным на нее листовым золотом. Техника плавления золота мало совершенна. Выбивались листки в форме неправильных квадратов со сторонами 9,5—11 см, толщиной 15—30 микронов (современные золотобиты получают листки в 0,1 микрона). Толщина в разных местах

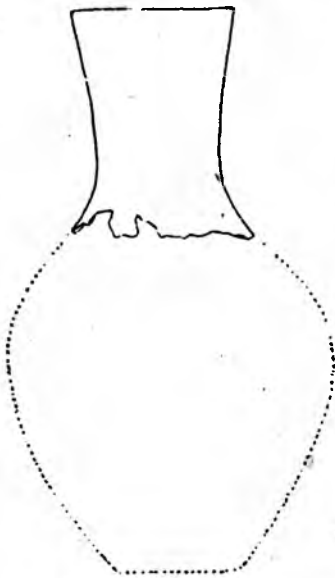

Рис. 19. Глиняный кувшин
(1/8 в. в.).

одного и того же листка варьирует в пределах 10 микронов. Производство плющеного золота надо считать местным. Несомненно, пазырыкское племя было знакомо с плавкой золота и другими видами его обработки. Это следует хотя бы из того, что получающиеся при пользовании листовым золотом отходы не выбрасывались, а должны были переплавляться и употребляться на другие изделия.

Олово в значительно большем количестве употреблено на украшение погребенных в кургане предметов, хотя сохранилось в меньшем количестве. По определению В. Н. Кононова, это высококачественное мягкое олово без посторонних примесей. Оно использовано совершенно так же, как и золото, и техника плющения его была такой же. Металл был, несомненно, импортным, вероятнее всего, из сравнительно недалеко находящихся древних оловянных рудников в Калбинском хребте Восточного Казахстана.¹⁹ Блестящее, красивого белого цвета олово как декоративный материал ценилось, повидимому, почти так же высоко, как и золото.

Минеральные краски применены для раскраски некоторых деревянных предметов (щит убора № 7 и бич), но главным образом для разрисовки деталей изображений по коже (красная и желтая) и по золоту (темно-коричневая). По определению В. Н. Кононова, желтая краска — охра, красная — киноварь. Надо полагать, что такими красками раскрашивались многие бытовые предметы.

О технике керамического производства можно судить только по уцелевшей верхней части узкогорлого кувшина (рис. 19). Горло сосуда отломилось по линии спая лент, а затем разбилось на мелкие куски. Судя по изломам, вся верхняя часть, высотой около 24 см, состояла из одной широкой ленты или пояса. Поэтому вероятнее, что сосуд вылеплен не ленточной техникой, а по характерному для Средней Азии способу «четырёх поясов». Формован сосуд без гончарного круга и отличается от глиняной посуды из других погребений того же времени и из поселений на Верхней Оби лишь более тщательной обработкой поверхности, более совершенным лощением.

Наиболее полно прослеживается техника обработки дерева. Устанавливаются все детали этой техники, начиная от валки дерева и кончая обработкой поверхности готовых изделий. Отметим наиболее интересные наблю-

дения. Как уже показано выше, маленький легкий топор требовал особых приемов работы при разрубании стволов. Весьма трудоемкой была работа и по изготовлению плах для внутреннего сруба. Каждая плаха изготовлялась из целого бревна путем отесывания излишней древесины с боков. Возможно, что сначала с помощью деревянных клиньев откалывали древесину крупными кусками, а затем уже топором окончательно отесывали плаху. Изготовлением различных деревянных предметов занимались не ремесленники, вырабатывавшие продукцию на широкий круг потребителей, а мастера, обслуживавшие свое собственное хозяйство или ближайших своих сородичей. Поэтому они старались и имели возможность для каждого изделия подбирать соответствующую часть дерева с таким расчетом, чтобы естественная форма дерева при минимальной затрате труда превращалась в готовое изделие. Так сделана рукоять топора грабителей (табл. IV, 1), оба ярма, все клинья и колья и др. Этим достигалась, кроме того, и прочность изделий. Мелкие изделия, изготовлявшиеся сериями (узденные бляхи, палочки для щитов и др.), делались из разделенного на части толстого ствола. Для блях, например, кусок ствола диаметром несколько более 20—22 см раскалывался на мелкие баклашки, из которых и вырезались затем бляхи со скульптурными изображениями. Выбор древесины определялся характером изготавливаемых из него изделий. Все части могильного сооружения и крупные предметы, как ярмо, арба, лопата, колья и др. сделаны из лиственницы. Из ели сделаны рукоять топора и деревянные дужки девяти седел. Все резные фигурные изделия (бляхи, пронизки, застезки, а также ножка столика, палочки для щитов, подушка и др.) делались из кедра, древесина которого является одним из лучших материалов для резьбы. Интересно отметить, что предметы круглые в сечении (палочки, пронизки, четковидные бляшки) вырезаны ножом. Также и ножка столика (табл. IV, 7), форма которой воспроизводит характерные особенности точеного на станке изделия. Очевидно, пазырыкское племя, не имевшее токарного станка, было знакомо с точеными на нем изделиями, ценило их и имитировало.

Широко использовались и другие растительные материалы, прежде всего, древесная кора. Как в Пазырыкском, так и в других подобных курганах, в большом количестве употреблена кора лиственницы и береста для покрытия потолка погребальной камеры и трупов лошадей. Кора эта была заготовлена заблаговременно большими кусками. При сооружении кургана древесина березы не использовалась, а на покрытие могилы употреблена береста, снятая со многих десятков стволов. Видимо, береста и лиственничная кора были для пазырыкского племени обычным кровельным материалом в его строительной технике. Совершенно ново для нас использование также в качестве кровельного материала стеблей курильского чая (*Potentilla fruticosa* L.— мелкий кустарник из семейства розоцветных) в соче-

тании с берестой и лиственничной корой. Так же новым, не известным ни у одного из современных народов, является использование в качестве облицовочного материала для деревянных изделий тонкой кожицы молодых березок. На 8—10-летних березках с участка молодого ствола трехлетнего возраста срезалась по спирали узкая полоска блестящей желто-коричневой кожицы. Такими полосками по 2—4 см шириной и 30—45 см длиной была оклеена вся наружная поверхность колоды, на что понадобилось отыскать около 500 березок подходящего возраста и качества. Такой же кожицей оклеены округлые ребра на ножке столика (табл. IV, 7).

Ни один еще из исследованных ранее древних памятников не давал такого обильного и разнообразного материала по использованию и технике обработки материалов животного происхождения, какой получен раскопками Пазырыкского кургана. Объясняется это не только прекрасной сохранностью кожаных, меховых, шерстяных и других предметов, но и тем, что в пазырыкском племени, с его специализированным скотоводческим хозяйством, чрезвычайно широко и полно использовались все продукты скотоводства и охоты. То, что у земледельческих племен изготовлялось из различных растительных материалов, кочевники-скотоводы делали из кожи, меха, волоса, шерсти, сухожилий.

Кожа разных видов домашних и диких животных, различными способами обработанная, применялась для самых разнообразных изделий. Только по находкам одного Пазырыкского кургана можно видеть 16 различных способов использования кожи. Из кожи изготовлялись различные ремни, шились мягкие предметы, как подушки седел, и выворотным швом твердые фигурные предметы, как рога маски (табл. XXIII). Из толстой кожи вырезались художественные барельефные украшения, из нескольких слоев толстой кожи резались фигурки, выполненные круглой скульптурой (табл. IV, 6 и XII, 2, 3). Тонкие цветные кожи употреблялись для облицовки деревянных предметов, а также мягких кожаных и войлочных изделий. Из кожи разной окраски шились разными способами художественные узорные и изобразительные аппликации. Из узких тонких ремешков изготовлялась бахрома, ремешками сшивались крупные предметы. Несомненно, что в быту пазырыкского племени кожа имела более широкое и разнообразное применение, чем это наблюдается по материалам, главным образом, 10 пазырыкских седел. Кожа должна была широко использоваться при изготовлении одежды, посуды, различной домашней утвари и хозяйственного инвентаря. Ведь не на изготовлении рогов для маски была освоена, например, весьма высокая техника шитья выворотным швом из толстой кожи фигурных предметов. Очевидно, таким способом делались различной формы кожаные сосуды.

Мех имел не менее широкое и разнообразное применение в быту, но при изготовлении снаряжения для погребенных в Пазырыке лошадей употреблен, естественно, в меньшем количестве, чем кожа. Однако и здесь мы

видим разные сорта меха (гепард и выпороток какого-то крупного животного) и разное его применение. Из меха сшита фляга (табл. XXIV) и мешочек-подушечка. Оба предмета являются образцами художественного шитья по способу аппликации, в одном случае из разноцветного меха, в другом — из кожи. Кроме того, в ряде случаев окрашенный в синий цвет мех выпоротка употреблен для оторочки кожаных украшений.

Шерсть домашних и диких животных и изделия из нее были наиболее распространенным материалом для изготовления всевозможных предметов. Щипаная шерсть северного оленя служила набивкой для подушек всех десяти седел и, вероятно, для других предметов домашнего быта. Шерсть овечья и других животных использовалась, главным образом, для изготовления войлоков. В одном только Пазырыкском кургане встречены изделия из войлока пяти основных сортов, представленных образцами не менее, чем от сорока разных кусков, валяных из шерсти разного качества. В разных образцах использована шерсть грубая и тонкая, сортированная и несортированная, белая, коричневая, черная и разных других оттенков. Многие войлоки сделаны из белой шерсти, окрашенной в синий, красный и желтый цвета. В Пазырыке нет грубых толстых войлоков типа кошмы современных кочевых народов. Даже для потников седел употреблены войлоки не толще 7 мм. Большая часть изделий изготовлена из тонкого войлока, толщиной в 2—3 мм, мало чем отличающегося от фетра наших шляп и неизвестного в практике современных степных кочевников. Применение войлока в хозяйстве и быту пазырыкского племени было, видимо, шире и разнообразнее, чем у кочевников нового времени, заменявших его получаемыми в достаточном количестве тканями китайского, среднеазиатского и русского производства.

Из шерсти же вились шнуры в две нити, толщиной в 3—7 мм. Такие шнуры употреблялись для сшивания крупных предметов и в качестве основы для ремешков-тройчаток, висящих по бокам седел, и для кожаной бахромы по бокам некоторых седел. Толстым шнурком, свитым в 4 нити, обведен по верхнему краю настенный войлок погребальной камеры (табл. V, 1). Наконец, подпруга седла № 8 сделана из положенных в ряд сшитых вместе 4 шнуров. Несомненно, в кочевом быту шерстяные шнуры имели широкое применение.

Более тонкая шерстяная пряжа — нитки, — имела, видимо, ограниченное применение. Довольно толстые нитки, иногда до 2 мм диаметром, употреблены в нескольких случаях для сшивания войлока и по одному разу для сшивания кожи и кожи с войлоком, основная же масса войлочных и кожаных предметов шилась не шерстяными, а сухожильными нитками. Шерстяными нитками в двух случаях обведены контуры войлочных аппликаций: на седле № 2 тамбурным швом, на седле № 3 своеобразным обратным швом. В последнем случае шов сделан крупными стежками (15—20 мм), толстой крученой ниткой, причем нитка, выходя на лицевую поверхность,

каждый раз пропускалась через конец предыдущего стежка, чем создавалось впечатление, что это не шов, а свободно наложенный непрерывный тонкий шнурок. Еще более тонкая пряжа производилась для изготовления шерстяных тканей. В Пазырыкском кургане ткани встречены на пяти предметах маленькими кусочками. Общее количество ткани меньше 0.2 кв. м. Пять предметов дали пять образцов ткани, по одному на каждом предмете. В двух случаях — это ткань типа полотна разной плотности, в трех — типа саржи, плотная с красивой лицевой поверхностью. Ткани окрашены в красный и желтый цвета. Наличие в изделиях Пазырыкского кургана пряжи разного типа (нити, шнурки) позволяет предполагать местное производство как пряжи, так и тканей. Ткани с таким простым переплетением нитей могли изготавливаться кочевниками в условиях домашнего производства с помощью самых примитивных ткацких станков.

Характерно для скотоводов-кочевников и широкое использование конского волоса. Из волоса изготавливались крепкие арканы. Примером такого изделия является кусок волосяной веревки, длиной в 1.8 м, диаметром в 5 мм, скрученной в две пряди, найденной в конской части могилы. Пазырыкский курган знакомит нас, главным образом, с использованием волоса в качестве декоративного материала. Различные части убора восьми коней были украшены кистями и бахромой из покрашенного в красный цвет волоса. Бахрома сплетена четырьмя разными способами с помощью сухожильных ниток или тонких ремешков.

Наконец, характерно, что основным материалом для шивания всевозможных изделий из войлока, меха, кожи и даже тканей служили сухожильные нити. Из скрученных в две нити тонких волокон сухожилий получалась короткая нитка, концы которой завязывались простым узелком, чтобы нитка не раскручивалась. Шили такими нитками, повидному, медной иглой, простым швом, но различным образом складывая края кусковшиваемого материала. Тонкая кожа шивалась мелким швом — до 7 стежков на сантиметр.

Отмеченные нами наблюдения над особенностями техники по материалам Пазырыкского кургана являются характерными для скотоводческого кочевого общества с натуральным хозяйством, все основные потребности которого в различных изделиях удовлетворяются домашним производством, рассчитанным на сравнительно узкий круг потребителей.

Хозяйство

Скотоводство как основная ведущая отрасль хозяйства настолько ясно отражено во всех материалах Пазырыкского кургана, что нет надобности на этом подробно останавливаться. Рассмотрим лишь характерные особенности скотоводческого хозяйства ранних кочевников Алтая.

Совершенно исключительное место в жизни ранних кочевников, как уже отмечено выше, занимал конь, и это особенно ярко выражено в находках Пазырыка. Как и во всех других погребениях ранних кочевников Алтая, погребенного в Пазырыке сопровождали верховые кони. В то время как кони в могилах основных слоев населения принадлежали маленькой, большеголовой, грубокостной лошади типа современной степной монгольской, кони Пазырыка были образцами лучших из имевшихся тогда на Алтае верховых коней. Самые лучшие из них были ростом до 150 см и выше с сухой, несколько горбоносой, головой, высоко поставленной на длинной шее, со сравнительно короткой спиной, высокой холкой, сухими длинными ногами. Это были благородные кони типа прославленных в древности боевых коней Средней Азии. Все десять пазырыкских лошадей, подобно лошадям «золотистоконной» Бактрии, были ценимой в древности масти рыжих и гнедых тонов с золотистым отливом. Все они сохранили следы тщательного ухода за ними, заботливого отношения к их внешности. Чтобы придать им еще более благородный вид, у них тщательно подрезаны волосы по краям ушей, подстрижены и так не обильные волосы в ушной раковине, на щеках, на путовых суставах («щетки») и на репице хвоста, как это делают и до сих пор туркмены, унаследовавшие и сохранившие как многовековую культуру верхового коня, так и созданную на протяжении веков одну из лучших конских пород современности — ахал-текинского скакуна.

Пазырыкские кони не типичны для стада ранних кочевников Алтая. Это были лишь немногие экземпляры, получаемые тем или иным способом из Средней Азии представителями родовой и племенной знати. Они содержались на зерновых кормах и пользовались особым уходом, хотя в день своей смерти питались травой и, как уже отмечено выше, весной пережили период недоедания.

Основная же масса конского поголовья состояла из местной степной породы монгольского типа и содержалась табунами на подножном корму. Скелеты таких лошадей мы находим в погребениях основных слоев населения. Из хвостов и грив таких лошадей, обычной для них белой масти, изготовлены волосяные изделия Пазырыкского кургана.²⁰

Если не по числу голов в стаде, что нам не известно, то по значению в хозяйственной и политической жизни ранних кочевников Алтая лошади принадлежало первое место. Поэтому места зимовок племенной знати, судя по местонахождению больших каменных курганов, которые сооружались осенью, очевидно, в районе зимовок, располагались в местностях, где в недавнем прошлом паслись многотысячные табуны самых богатых баев и зайсанов, а теперь размещаются крупнейшие алтайские конесовхозы — в Усть-Канской степи и на р. Урсуле.

Другим важнейшим животным в хозяйстве являлась овца. В погребальной камере Пазырыкского кургана обнаружены хвостовые позвонки барана.

Во всех других курганах всегда находится крестец барана с хвостовыми и прилегающими к нему поясничными позвонками. Это остатки положенной в могилу пищи — курдюк барана с прилегающей частью туши. Ритуальной заgrabной пищей был курдюк барана. Отсюда следует, что основной мясной пищей пазырыкского племени была баранина и что овцы были курдючными или, во всяком случае, жирнохвостыми. Овец разводили прежде всего ради мяса, и характерная для стада азиатских кочевников порода курдючных овец была уже создана. Овцеводство же доставляло пазырыкскому племени и второй важнейший продукт — шерсть. Точное определение шерсти в изделиях Пазырыкского кургана не произведено, но ясно, что большая часть их изготовлена из овечьей шерсти. Овечья шерсть служила материалом для изготовления самых разнообразных предметов в хозяйстве и быту — войлоки для покрытия жилища и его убранства, разные предметы домашней утвари, одежда и другие.

Третьей составной частью стада пазырыкского племени был крупный рогатый скот. Находки Пазырыкского кургана (ярмо и часть арбы) указывают лишь на использование его в качестве транспортного животного. Несомненно, крупную роль в хозяйстве имело и использование его мясных и молочных продуктов.

Вероятно, в стаде пазырыкского племени имелись и некоторые другие виды животных. Возможно, что точное определение шерсти и кожи даст на это указания.

Не только остатки самих домашних животных или предметы, предназначенные для их использования, но и весь внешний облик находок Пазырыкского кургана, указывают на скотоводческое по преимуществу хозяйство пазырыкского племени. Никаких указаний на наличие земледелия нет. Правда, пазырыкские кони, как это отмечалось всеми, видевшими их трупы, иппологами, вскормлены на зерновых кормах, но зерно, надо полагать, хозяйства родовой и племенной знати получали от оседлых земледельческих племен, например из района Верхней Оби, и получали его, видимо, нерегулярно.

Наличие у пазырыкского племени зимовок, о чем будет сказано ниже, не могло сочетаться с посевами, хотя бы и в минимальных размерах, как это характерно для многих современных кочевников, так как в суровых условиях реки Улагана до последнего времени посевы не удавались.

Несомненно, что большое значение в жизни пазырыкского племени имела и охота. Об этом свидетельствуют прежде всего многочисленные изображения зверей и звероподобных чудовищ. Несмотря на условность и схематичность передачи, в них с удивительным мастерством подмечены главнейшие особенности изображаемых зверей, даны меткие и верные характеристики их. Наиболее замечательны в этом отношении такие изображения, как фигуры тигров на аппликациях седел (рис. 35), скачущего марала

и аргали на псалиях (табл. IX, 2 и XIV, 1) и терзаемого лося на аппликациях седел (рис. 35 и 36). Такие изображения могли быть выполнены только теми, кто наблюдал изображаемых зверей на свободе, изучил все их повадки.

Это могли быть только охотники, не раз выслеживавшие и преследовавшие разных зверей. Все изображаемые звери являются представителями местной, алтайской, фауны. Лось, марал и горный козел и сейчас широко распространены на Алтае.²¹ Аргали сохранился в верховьях Чуи и Катуня. Тигр, ныне неизвестный на Алтае, в половине прошлого столетия водился в Джунгарском Алатау и Тарбагатайских горах²² и заходил в западные и северо-западные предгорья Алтая до д. Сетовки, находящейся к югу от Бийска, в 240 км от Пазырыка.²³ Несомненно, в древности он был постоянным обитателем предгорий Алтая, возможно, и некоторых горных долин. Джейран, рога которого венчают голову чудовищ (рис. 26 и табл. XIII), в настоящее время водится в Джунгарском Алатау, а в древности мог быть и в степных долинах Алтая. Охота на кабана, изображением клыков которого украшен один из конских уборов (рис. 21), засвидетельствована находками его клыков в погребениях ранних кочевников Алтая.²⁴

Характерно, что в изображениях представлены виды зверей, охота на которых требовала от охотника проявления силы, ловкости и отваги и часто была сопряжена с опасностью для жизни. Тигр, лось и кабан — это активно обороняющиеся звери, а джейран, аргали и горный козел — быстрые в беге по степям и недоступным горным кручам. Эти звери заняли особое место в мировоззрении ранних кочевников Алтая, видимо, потому, что охота на них была своего рода военно-спортивным занятием, имевшим огромное значение в деле военной подготовки племени, а также в снабжении скотоводческого хозяйства дополнительными запасами мяса, меха и других продуктов охоты.

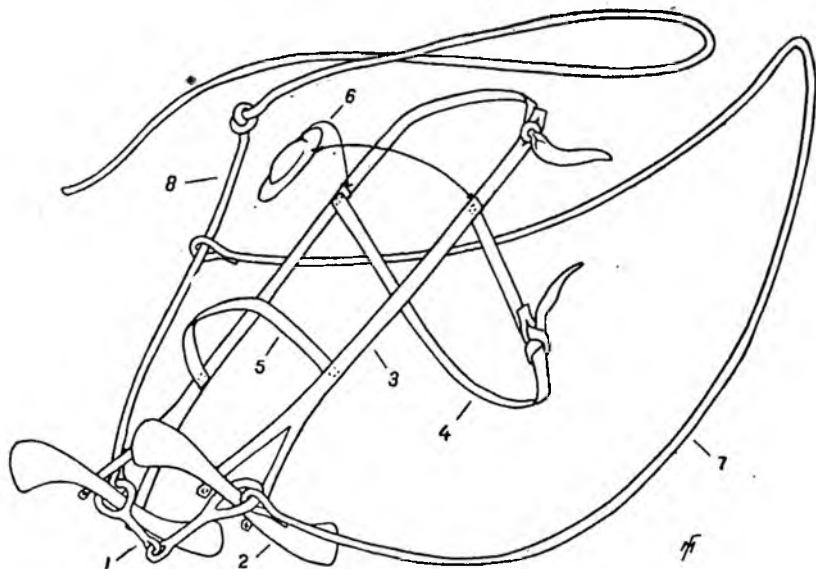
При изготовлении погребенных в Пазырыкском кургане предметов, несомненно, применены и материалы, добытые охотой. Пока мы знаем только, что все десять седел, изготовленные, как увидим ниже, разными коллективами, набиты шерстью северного оленя, который и сейчас еще водится в пределах Восточного Алтая, в 100 км от Пазырыка,²⁵ и был, очевидно, для пазырыкского племени объектом постоянного охотничьего промысла. Гепард, из меха которого шиты подушечка и фляга (табл. XXIV), вряд ли мог быть добычей охотников пазырыкского племени. Нет оснований думать, что и в древности он мог водиться на Алтае или где-либо поблизости. Мех гепарда, а может быть и живой зверь, доставлены на Алтай, вероятно, из Средней Азии. Представители племенной знати могли иметь для своей охоты военно-спортивного типа полученное издали ловчее животное, каким был еще в древности гепард.

Средства передвижения

Наиболее совершенным видом транспорта ранних кочевников был верховой конь. Мы уже говорили о его значении в жизни кочевников. Верховой конь был залогом благополучия кочевника. Вот почему, снаряжая умершего в загробный мир, с ним обязательно погребали и верхового коня с седлом и уздой. Мы сейчас располагаем большим количеством остатков седел и уздечек скифского времени и изображений верховых коней, но Пазырыкский курган впервые нас знакомит с исчерпывающей полнотой с одним из типов снаряжения верхового коня, что позволяет правильно понять многие особенности ранее известных, но непонятных или неверно истолкованных изображений и отдельных частей седла и узды у скифов и других кочевых племен. Пазырыкские седла и уздечки сделаны специально для погребения. Их богатое и пышное оформление рассчитано лишь на внешний эффект и сделано из дорогих и красивых материалов, непрочных и непрочно скрепленных друг с другом. Некоторые детали их сделаны согласно традициям погребального обряда по давно уже оставленным в быту образцам, например медные и роговые подпружные пряжки заменены узловым креплением. Совершенно ясно, что нельзя все особенности устройства и оформления пазырыкских седел и уздечек переносить полностью в наши представления о бытовых предметах снаряжения коня, но, несомненно, что в основных своих чертах они им соответствуют, в чем можно убедиться по точным воспроизведениям их на некоторых золотых и бронзовых бляхах южной Сибири и Северного Китая.

Узда Пазырыкского кургана отличается от всех нам известных устройством повода, в котором сохранились черты, напоминающие о первом снаряжении по управлению лошадью — о веревке или ремне, продеваемом через рот коня. Только средняя часть такого ремня в поводе пазырыкской узды заменена металлическими удилами, левая половина повода заканчивается петелькой, в которую продета правая половина и на правой половине завязан узелок, не позволяющий соскочить петельке (рис. 20). Когда всадник сидит на коне, поводом служит левый ремень и часть правого от удила до узелка. Спешившийся всадник держит коня за правый ремень, который служит чумбуром, а левый остается на шее коня, причем петелька его, скользя по правому ремню, приближается к удилам. Совершенно такого же устройства повод представлен на золотой бляхе Эрмитажа с изображением всадников под деревом.²⁶

Удила железные, в одном случае бронзовые, с круглыми кольцами, удерживаются во рту коня прямыми или S-образными псалиями, в Пазырыке деревянными, а в быту металлическими или роговыми, продетыми в кольцо удила. Псалии удерживаются на своем месте оголовьем, которое состоит из щечного ремня, подбородника, переносья и подвешенной на тон-

Р и с. 20. Схема устройства узды.

1 — удила; 2 — псаляй; 3 — щечный ремешь; 4 — подбородник; 5 — перепосье; 6 — бляха-налобник;
7 — повод; 8 — чумбур.

ких ремешках бляхи-налобника. Передние концы щечного ремня разделены надвое для крепления с псалями, в которых проделано для этого по два отверстия по сторонам кольца удила. Щечный ремень завязывался на затылке коня (рис. 21), а подбородник с левой стороны. Иногда крепление это производилось с помощью конической пронизки-застежки (рис. 20). Возможно, что и бытовые уздечки имели по преимуществу узловое крепление, так как и в погребениях основных слоев населения роговые или металлические застежки находятся сравнительно редко.

Описанное устройство узды, судя по находкам частей узды в погребениях и по изображениям, было широко распространено с V в. до н. э. по всей территории степей от Дуная до Северного Китая и просуществовало в некоторых местах до VI—VII вв. н. э. (Алтай й Минусинская степь).

Седло отличается от всех современных отсутствием стремян и, самое главное, деревянной основы — ленчика. Оно состоит из двух набитых оленьей шерстью кожаных подушек, простеганных толстым шерстяным шнуром (рис. 22). Подушки соединены между собой посредине тонкой же кожей и накладывались на спину коня по бокам хребта. Поверх подушек наложена подпруга, прикрепленная к ним в двух местах ремешком и состоящая из двух широких ремней, на одном конце заостренных, на другом

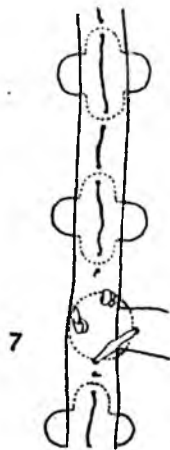
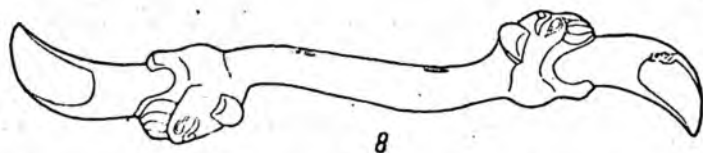
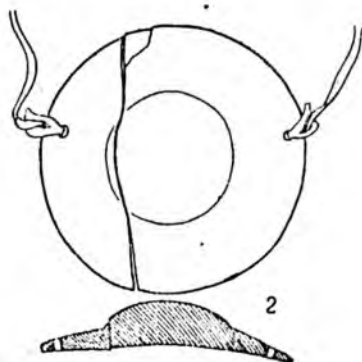
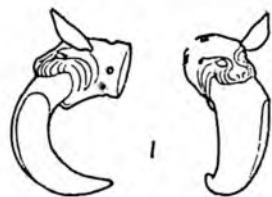
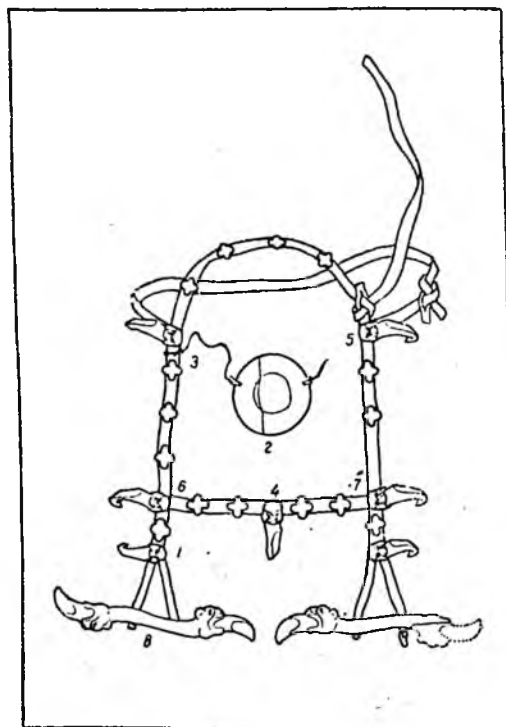

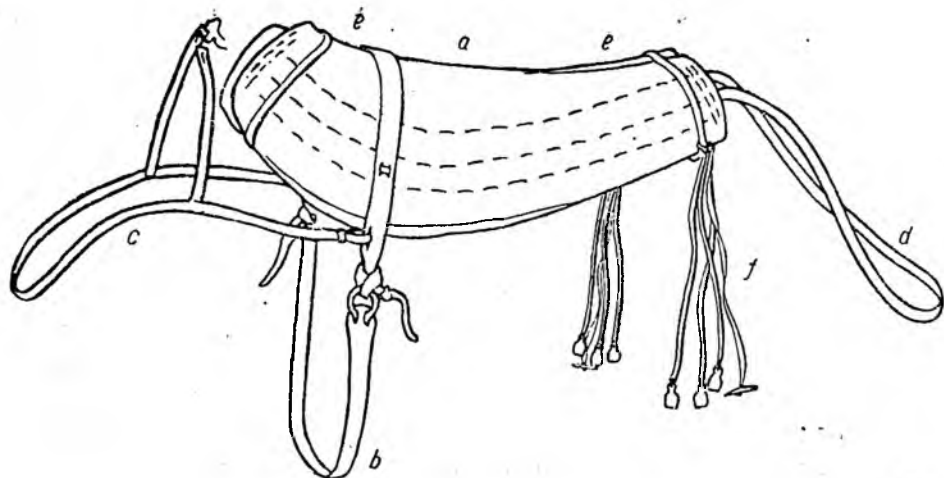
Рис. 21. Оголовье узды № 2 и его детали.

1 — деревянное украшение перекрестья ремней; 2 — бляха-ялобник; 3 — ремешок от ялобника; 4—7 — крепления деревянных украшений и кожаных бляшек; 8 — псалий.

с кожаной петлей. Такую подпругу можно было затягивать и завязывать как с левой стороны коня, так и с правой. К подпруге прикреплен узкий нагрудный ремень с двумя ответвлениями, завязывающимися тонким ремешком наверху, на холке коня, и поддерживающими нагрудник на требуемой высоте. Сзади к подушкам прикреплен продетый через широкие конические пронизки подхвостный ремень, длинный, помещающийся не под репицей хвоста, а значительно ниже, около коленного сустава, как это хорошо видно на золотых бляхах Эрмитажа.²⁷ Сзади же, по сторонам подушек подвешено по три круглых ремешка с красными волосяными кистями, вставленными в деревянные ворворки. Вместе с этими «тройчатками» находится и по одному с каждой стороны седла приторочному ремешку с тремя прорезанными петельками и с палочкой-застежкой на конце. Здесь же с правой стороны у трех седел были подвешены щиты (рис. 13). Снизу под седло подложен потник из нетолстого мягкого войлока, прихваченный к подушкам в двух местах теми же ремешками, которые скрепляют подпругу. Сверху седло покрыто тонким войлоком, укрепленным наложенными поверх него на передних и задних краях подушек деревянными дужками, привязанными к подушкам тонким ремешком.

Седло пазырыкского типа было широко распространено в азиатских степях. Об этом можно судить по изображениям на упомянутых уже золотых сибирских бляхах и на двух бронзовых бляхах из Ордоса.²⁸ Особенно отчетливо и детально показано седло на бляхе с изображением всадников под деревом. Здесь отчетливо видны потник, стеганые подушки, дужки на них и характерное крепление подпруги. Отсутствует лишь покрывка седла и бляхи на ремнях. Подхвостный и нагрудный ремни отличаются в некоторых деталях.

Скифское седло, судя по изображению на Чертомлыкской вазе, отличалось от сибирских трапециевидной формой подушек, отсутствием подхвостника и ремней, поддерживающих нагрудник. Это седло, более простого устройства, чем сибирские, можно проследить и по другим материалам скифских курганов. Еще более простого устройства седло представлено изображениями на двух предметах Аму-дарьинского клада,²⁹ на рукояти меча и золотой обкладке ножен из Чертомлыкского кургана³⁰ и некоторыми другими. Это — небольшое покрывало или подстилка с нагрудником и подпругой или троком. Из этих трех рассмотренных типов седла пазырыкские являются наиболее совершенными. В качестве еще более совершенного типа седла, являющегося переходной формой к современным твердым седлам, появившимся уже во второй половине первого тысячелетия н. э., следует указать современное седло долган, употребляемое ими для езды на оленях. Седло долган состоит также из двух подушек, но внутри подушек имеется твердая основа в виде двух параллельных, прочно скрепленных друг с другом, досок.³¹

Р и с. 22. Схема устройства седла.

a — подушка; *b* — подпруга; *c* — нагрудник; *d* — подхвостный ремешок; *e* — ремни, связывающие подушки; *f* — „троячка“ с приторочным ремешком.

Седла и уздечки Пазырыкского кургана принадлежат сложившимся типам, просуществовавшим на протяжении целого тысячелетия (узды с V в. до н. э. по VI н. э., вероятно — также и седло). Сложившиеся и определенные приемы обращения с конем. Укажем, что узду надевали всегда с левой стороны, седлали коня то с левой (6 наблюдений), то с правой стороны (3 наблюдения), садились на коня всегда с правой стороны, а не с левой, как это делают современные алтайцы.

Верховой конь был важнейшим средством передвижения, главным образом для разездов при выполнении всевозможных хозяйственных потребностей и для военных предприятий. В качестве тяжелого транспорта для перевозки различных грузов, прежде всего домашнего и хозяйственного имущества при перекочевках, использовалось другое животное — бык. Два ярма и часть арбы, обнаруженные в могильной яме, указывают на то, что даже в таких бездорожных районах, как Восточный Алтай, возможно было пользоваться тягловой силой быков. Яро приспособлено для езды в горной местности. Оно представляет собой жердь длиной более 2 м с отверстием посередине для прикрепления к дышлу и двумя парами отверстий на концах, куда помещались шеи быков между парами вставленных в эти отверстия толстых прутьев (рис. 23). Быки впрягались в такое яро на расстоянии около 1.4 м один от другого, что обеспечивало им свободу движения при езде по косогорам и на крутых поворотах. От арбы сохранились только части боковых стенок — верхняя продольная жердь длиной в 2.16 м и две поперечные перекладины. По этим остаткам можно заключить, что

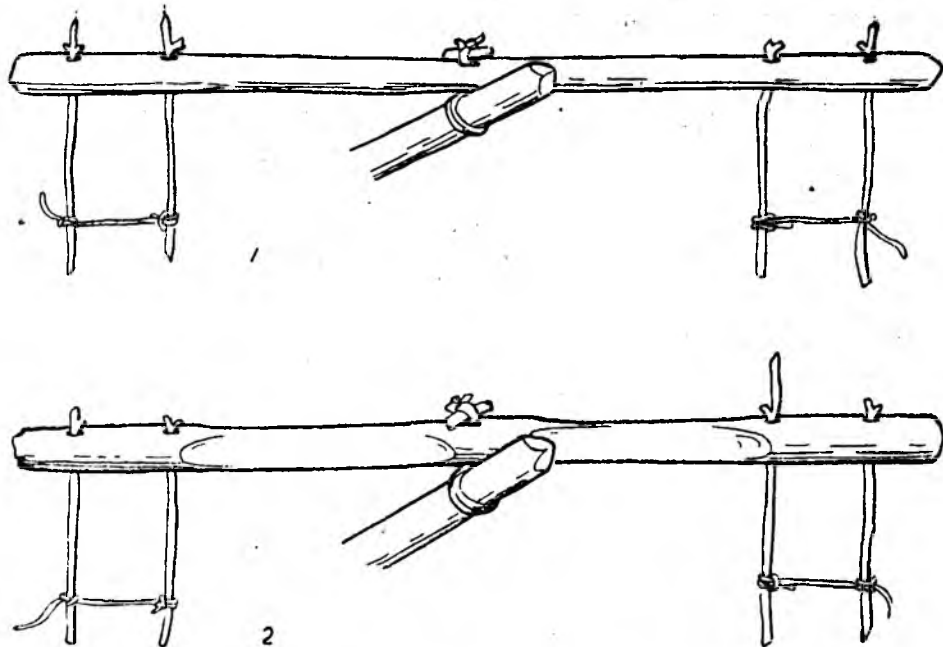

Рис. 23. Два ярма (реконструкция).

арба была небольших размеров длиною в два метра со стенками высотой немного более полуметра.

В условиях бездорожного Восточного Алтая возможности для колесного транспорта весьма ограничены. При перекочевках на дальние расстояния арба не применима. Для перевозки тяжестей пазырыкское племя пользовалось, вероятно, также волокушей и вьючным транспортом.

Дом и домашняя утварь

Сооружение в могиле Пазырыкского кургана знакомит нас с хорошо развитой техникой домостроительства. Пазырыкское племя хорошо владело техникой сооружения срубных домов и, несомненно, жило в таких домах. Стены бревенчатых домов рубились в замок с остатком. Бревна плотно пригонялись одно к другому, но без пазов, а путем плоского затесывания верхней поверхности нижнего бревна. Возможно, что в богатых домах племенной и родовой знати делались и деревянные полы из хорошо отесанных плах. Плахи настилались прямо на землю или на какую-либо подстилку, как, например, каменную в Пазырыкском кургане. Шипов или других креплений для соединения соседних плах не применялось. Такие срубные дома были широко распространены как на Алтае, так и в других районах южной Сибири и Казахстана, на что указывает постоянное нахождение срубов

в могилах времени ранних кочевников. Прimitивные срубные сооружения характерны и для погребений эпохи бронзы. Изображение целого поселка со срубными домами представлено на Боярской писанице в Минусинской степи, близкой по времени к Газырыкскому кургану.³²

Срубный дом для пазырыкского племени был не единственной формой жилища и; вероятно, не основной, не наиболее распространенной. Устройство в могиле двойных стен, пространство между которыми заполнено мелким камнем, указывает на практику в быту сооружений с более легкими двойными стенами, заполненными каким-либо рыхлым материалом. Это могли быть примитивные хижины, подобные мазанкам телеут, стены которых сделаны из двух плетней и засыпаны внутри землей,³³ или таким же жилищам шорцев, кызыльцев и башкир.³⁴

Наличие в конструкции могильного сооружения балок, утвержденных на столбах, и характерный прием настила потолков (выравнивание верхней поверхности, а не нижней, как бы это следовало для потолка) указывает на практику сооружения настилов, поднятых над землей. Это могли быть постройки типа амбаров или хранилищ разного хозяйственного имущества, какие строят современные шорцы.

Кровельным материалом для всех этих видов построек были лиственничная кора и береста. Однако о конструкции крыши судить трудно. Конкретных указаний на это находки Газырыкского кургана не дают. Но обилие заблаговременно заготовленной для покрытия могилы коры указывает на широкое ее использование для жилищ и, видимо, не только для крыши, но и как основного материала для устройства легких разборных или переносных жилищ. Те немногие предметы, что сохранились в погребальной камере, указывают на кочевой образ жизни пазырыкского племени. Отсутствуют остатки каких-либо неприменимых в кочевом быту предметов. Зато камера убрана войлоком (около 20 кв. м), в ней находились так характерные для кочевников узкогорлый сосуд, ножка низенького столика, подушка, служившая, быть может, для сиденья. Прочные дома следует рассматривать как зимние жилища на месте зимовок. Летним жилищем во время перекочевков служили, очевидно, легкие шалаши, крытые берестой, кожей, мехом, войлоком. На месте более длительных остановок могли сооружаться оставляемые до следующего года более прочные шалаши, крытые лиственничной корой. Были ли в быту пазырыкского племени крытые войлоком, кожей или берестой повозки, как у скифов, массагетов и других кочевников древности, сказать трудно. Это могло быть лишь в том случае, если пути кочевания пазырыкского племени выходили далеко за пределы Восточного Алтая и преодолевались хотя бы в основной своей части с помощью колесного транспорта.

Кочевой образ жизни требовал, чтобы домашняя утварь была портативной, небьющейся. Все имеющиеся данные об этом и говорят. Наличие

тесел, которыми обрабатывалась колода, и долот и чрезвычайное обилие художественных резных изделий указывают на развитую технику обработки дерева, на практику изготовления долбленых изделий, вроде чаш, корыт и колод, и мелких резанных ножом предметов, вроде чашек, ложек и других. Несомненно, употреблялась и берестяная посуда и утварь, поскольку пазырыкское племя широко применяло бересту в строительном деле и кору молодых березок для оклейки деревянных изделий. Особенно широко должна была применяться кожаная и меховая посуда и разная хозяйственная утварь. Прекрасной работы меховая фляга находилась при одном из погребенных в могиле коней (табл. XXIV). Рога оленя на маске (табл. XXIII) являются образцом весьма совершенной техники шитья фигурных кожаных изделий, выработанной, очевидно, при изготовлении всевозможных предметов практического назначения, в первую очередь посуды. Наконец, и глиняная посуда, не свойственная современным кочевникам, имеет характерную для кочевников скифского времени форму — узкогорлый кувшин. Такие сосуды практичны в условиях кочевой жизни, так как содержимое их не расплескивается и не сразу выливается при опрокидывании, кроме того, они и более прочны.

Питание

Поскольку основным видом хозяйственной деятельности пазырыкского племени было скотоводство, а земледелие, видимо, совершенно отсутствовало, основой питания должны были быть мясные и молочные продукты, так как, несомненно, получаемые от оседлых земледельцев продукты земледелия имелись лишь в ограниченном количестве (вспомним, что лучшие кони представителей родо-племенной знати не могли быть полностью обеспечены зерновыми кормами). Можно предполагать, что глиняный кувшин был поставлен в могилу с каким-то молочным напитком. Позвонки барана, как уже отмечено выше, указывают, что ритуальной пищей была всегда баранина и что лучшим куском ее являлся курдюк. Следует отметить, что во всех погребениях, как богатых, так и бедных, всегда имеются лишь глиняные кувшины, очевидно, с напитками, и курдюк барана, часто с прилегающей частью туши. Возможно, что в могилах была и другая пища в деревянной, берестяной и кожаной посуде, но не мясная.

Одежда

Хотя никаких остатков одежды в Пазырыкском кургане не сохранилось, но о характере одежд пазырыкского племени можно судить по некоторым косвенным указаниям. Прежде всего отметим находку шерстяных тканей не менее, чем от пяти разных кусков красного и желтого цвета, типа

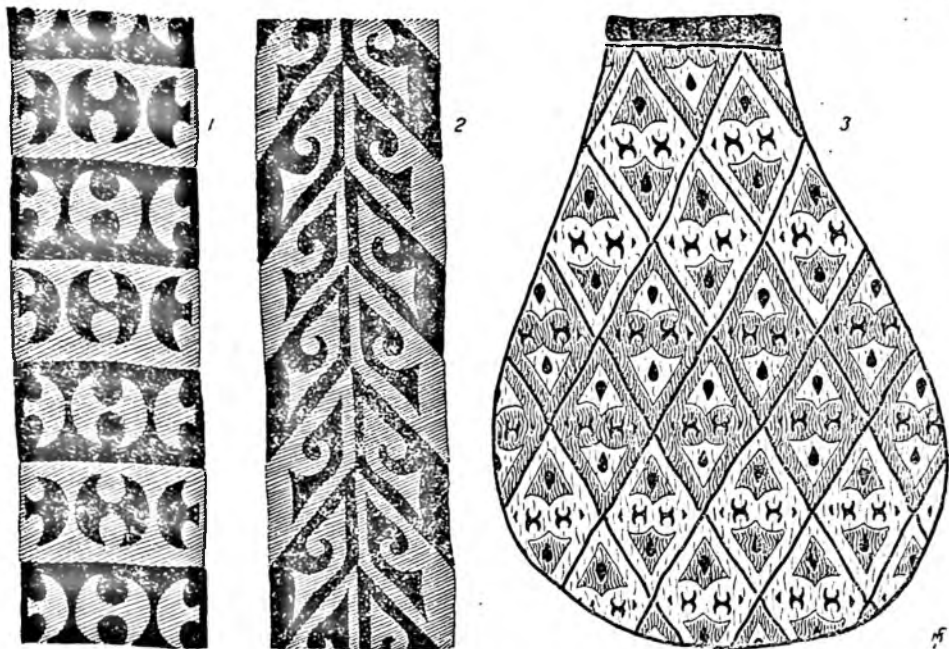

Рис. 24. Узорное шитье из цветной кожи и меха.

1 — чехол на хвост коня (в развернутом виде) от убора № 5; 2 — то же, убора № 10; 3 — меховая фляга.

полотна и саржи. Такие ткани изготовлялись, конечно, не для облицовки небольших участков седел, а главным образом, для шитья из них одежды. Пазырыкское племя, несомненно, употребляло одежды, сшитые из тонких шерстяных тканей.

Чрезвычайное обилие разных по цвету и качеству шерсти тонких, как фетр, войлоков, не известных в практике современных степных кочевников, говорит о широком применении такого войлока в быту. Вряд ли будет ошибкой считать, что тонкий войлок в древности предназначался для шитья мягких одежд и лишь сравнительно недавно был вытеснен тканями, главным образом, китайского и среднеазиатского, а затем и русского производства.

Однако основным материалом для одежды должны были быть кожа и мех, чрезвычайно широко использованные в Пазырыкском кургане для самых разнообразных изделий, изготовляемых теперь обычно из ткани. Самым распространенным, всегда имевшимся под рукой материалом была кожа, а не ткань. Поэтому, например, пучок волос, служивший, видимо, каким-то амулетом, завернут не в тряпицу, а в лоскуток кожи.

Изделия Пазырыкского кургана из кожи, меха и тонкого войлока украшались аппликацией из тех же материалов. Фигуры, вырезанные из одного

материала, нашивались на поверхность другого (табл. V, 1) или вырезались сразу на двух кусках разного материала и затем фигуры, вынутые из одного куска, вшивались в прорезы другого (рис. 24, 1, 2), или, наконец, комбинировались оба способа (рис. 24, 3). Такая техника украшения, очевидно, практиковалась и при шитье одежд.

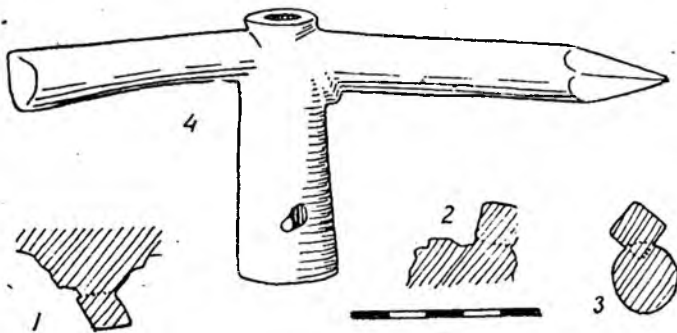
Более конкретные представления об одежде, шитой из меха, кожи, войлока и тканей, дают находки в Катандинском кургане и недавно раскопанном втором Пазырыкском.

Военная техника

О двух типах оружия дают представление находки Пазырыкского кургана — щитах и боевом чекане. Щиты (табл. X) сделаны, возможно, специально для погребения, но, несомненно, передают основные особенности настоящего боевого оружия. Каждый щит состоит из 35 деревянных палочек, скрепленных куском тонкой кожи, в которую они продеты через прорезанные отверстия, образуя переплет, напоминающий плетение ткани. Повидимому, такой щит изображен в руках воинов на золотом гробне из кургана Солоха. Судя по находке остатков деревянного щита в Кармир-блуре, плетеные щиты в Армении, а также щиты роксолан и древних германцев, о которых сообщают античные авторы, были иного устройства. Так как пазырыкские щиты были привязаны к седлу и находились в той части мстилы, где не было никакого другого оружия, можно думать, что они употреблялись сравнительно редко и держались в резерве лишь на случай рукопашного боя.

Боевой чекан восстанавливается по следам его ударов. Черепа всех десяти коней пробиты острым орудием, которое при слабых ударах оставляло на кости небольшие квадратные отверстия разных размеров, а при сильных ударах пробивало круглые отверстия диаметром в 18 мм (рис. 25). В одном случае острие орудия, пробив череп, вонзилось в противоположную стенку черепной коробки и оставило вдавленность от рукоятки около входного отверстия, что позволило определить длину боевой части орудия, оказавшуюся равной 9.7 см. Таким образом, боевая часть орудия представляла собой круглый стержень диаметром в 18 мм, длиной в 9.7 см, заостренный на четыре плоских грани. Такие орудия мы знаем. Это бронзовые чеканы, широко распространенные в Минусинских степях, на Алтае и в Казахстане.³⁵

Погребенные в Пазырыкском кургане кони, как и кони во всех других курганах ранних кочевников, убиты боевым чеканом. Это еще одно указание на роль верхового коня в жизни ранних кочевников. Верховой конь был основным боевым средством кочевника, и конь, сопровождающий умершего в могиле, это, прежде всего, боевой конь. Поэтому-то он обязательно

Р и с. 25. Отверстия, пробитые в черепах коней (1—3) и бронзовый чекан, найденный в Усть-Кане на Алтае (4).

погребается с уздой и седлом. Поэтому и нельзя его зарезать, как режут скот на мясо. Он должен быть убит боевым оружием, хотя это и представляло ряд затруднений. Одного удара боевым чеканом в лоб обычно было недостаточно. Почти все черепа имеют следы нескольких ударов, до 13 на одном черепе.

Обмен и культурные связи

Пазырыкский курган, как и все богатые курганы времени ранних кочевников, разграблен современниками вскоре после его сооружения, тогда как в предшествующие эпохи такие случаи неизвестны. Исключением является одно богатое погребение в Центральном Казахстане (Дындыбай № 11), близкое по времени к эпохе ранних кочевников. Очевидно, в условиях первобытно-общинного строя похищение ценностей из могил соплеменников и их реализация были невозможны. В эпоху ранних кочевников, с развитием частной собственности патриархальных семей и появлением стремления их к обогащению, развивается и обмен, который совершается теперь не через посредство рода, а между самими владельцами непосредственно. Появляется и возможность реализации похищенных ценностей. Ради легкого обогащения преодолевается даже страх перед покойником. Первый случай разграбления могилы соплеменника имел место еще в Карасукское время. В эпоху ранних кочевников все богатые могилы расхищались уже систематически.

Новая форма обмена привела к значительному его расширению, к более интенсивному проникновению на далекие расстояния продукции отдельных племен, главным образом предметов роскоши. Богатые владельцы становились и обладателями сокровищ, различных ценностей, происходящих часто из далеких стран. Основные ценности, погребенные в Пазырыкском кургане, похищены. Оставшееся в могиле золото в виде позолоты на пред-

метах конского убора, в количестве более 100 г, представляет лишь незначительную часть похищенного грабителями. Это золото, а также и олово могли быть получены от соседних племен, обитавших в Западном Алтае и его отрогах, где разрабатывались в это время золотые и оловянные рудники. Из более далеких стран происходит мех гепарда, из которого шиты фляга и подушечка (табл. XXIV). Его можно было получить только от южных групп среднеазиатских кочевников. Погребенные в Пазырыке кони также происходят из Средней Азии.

Пазырыкское племя имело и более тесные культурные связи с племенами Средней Азии, а через них и с Ираном, что отчетливо прослеживается по памятникам искусства. Среди узоров, украшающих предметы Пазырыкского кургана, есть своеобразно оформленные воспроизведения древневосточных растительных орнаментов. Пальметка и лотос, заимствованные, возможно, с иранских образцов, подобных орнаменту на найденном где-то в Сибири серебряном ритоне ахеменидского времени,⁸⁸ выполнены в обычной для пазырыкского племени технике — силуэт и ажурный барельеф, весьма упрощены, переработаны в стиле местного искусства, но все же могут быть опознаны (рис. 30). Такие орнаменты встречены и в других памятниках Алтая (Берель, Катанда).

Своеобразный стилистический прием — помещение на теле животного фигурок в виде кружков, запятых, «подковок» и других, так характерный для искусства ранних кочевников Алтая и представленный многими примерами в Пазырыкском кургане (рис. 35—37), — характерен и для персидского искусства ахеменидского времени. Принято считать, что прием этот заимствован племенами Сибири из Персии или Ирана вообще. Между тем, на Алтае и, в частности, в Пазырыке этот прием представлен в наиболее разнообразных формах и в большем количестве образцов. Здесь он органически связан с особенностями стиля и техники изобразительного искусства, чего нельзя сказать про искусство персов. Возник он, видимо, в технике аппликации вырезных силуэтных изображений из кожи, меха и войлока и был перенесен затем в торевтику. Не решая пока вопроса окончательно, отметим, что культурные взаимоотношения персов со степными кочевниками не были односторонними. Известно, что кочевники Средней Азии имели много золота, что они неоднократно воевали с персами, входили в число их данников и что золотые изделия были составной частью дани. Несомненно, золотые и другие художественные изделия кочевников в значительном количестве проникали к персам и другим иранцам и не могли не оставить заметного следа в их художественной культуре. Через среднеазиатских кочевников в Персию могли проникать и достижения культуры далеких племен Алтая.

Алтайский крылатый тигр представляет собой один из вариантов широко распространенного в середине первого тысячелетия до н. э. мифоло-

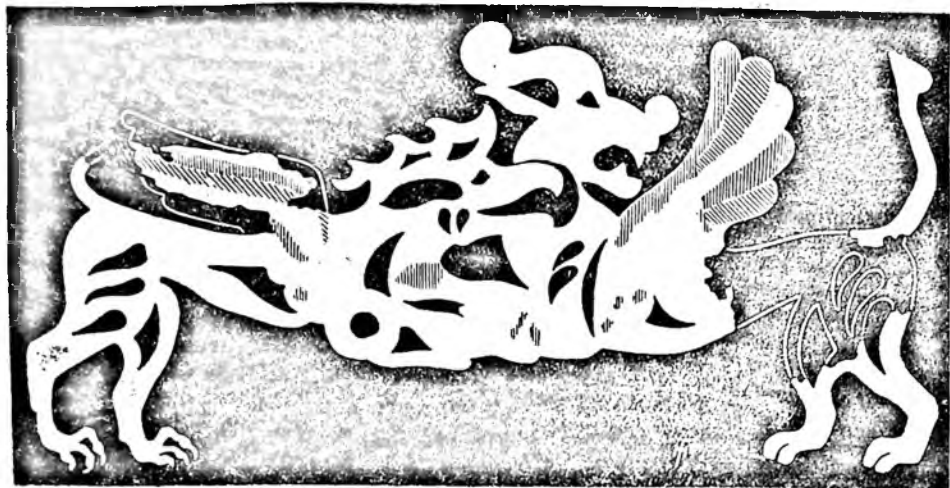

Рис. 26. Кожаная аппликация с покрывки седла № 6 (реконструкция).

гического образа — грифона. Наиболее близок к нему иранский вариант, который отличается от него лишь тем, что имеет туловище льва, а не тигра, а задние лапы заменены птичьими ногами.³⁷ Иногда иранские изображения и стилистически близки к алтайским, например на браслете Аму-дарьинского клада.³⁸ Близость иранского грифона к алтайскому — это еще один показатель культурных связей Алтая с Ираном. Однако о непосредственном культурном общении алтайских племен с иранскими народами не может быть и речи. В этом отношении интересно изображение борьбы двух чудовищ на седле № 6 (рис. 26). Правое чудовище в этой сцене — обычный для Алтая крылатый тигр. Левое — такой же крылатый тигр, но с головой орла, как это часто имеет место и в Иране, и на Алтае, и, что замечательно, задние лапы его оканчиваются не когтями тигра, а длинными птичьими пальцами. Так как на Алтае изображались в борьбе всегда только разные чудовища и звери, то и в этой сцене мы должны видеть два разных чудовища — одно, обычное для Алтая, другое, в сущности то же самое, но воспринятое извне, как какое-то иное. Изображавший сцену художник знал это чудовище не по художественным образцам, а в устной передаче, и поэтому не сумел правильно его воспроизвести. Рассмотренный пример показывает, что обмен культурными ценностями между Ираном и Алтаем шел по разным сложным путям через ряд промежуточных звеньев.

Искусство ранних кочевников Алтая находит себе ближайшие аналогии в прилегающих Обь-Иртышских степях (Сибирская коллекция Петра I), Минусинском крае и в Средней Азии, что указывает на наиболее тесное общение их с ближайшими соседями. Ряд других находок Пазырыкского

кургана подтверждает это наблюдение. Следует отметить полное отсутствие каких-либо указаний на культурные связи с Китаем, которые так отчетливо прослеживаются по памятникам Алтая, начиная со II в. до н. э.

Право собственности и социальный строй

Факт разграбления Пазырыкского кургана современниками рассмотрен выше как указание на окончательное утверждение частной собственности патриархальных семей. Необходимо остановиться на этом вопросе еще, так как не всякое разграбление могил современниками связано с институтом частной собственности. Грабить могилы могло целое племя или род. Похищенные ценности в таком случае могли поступить в коллективную собственность рода или племени.

Так как все богатые курганы ранних кочевников Алтая систематически расхищались вскоре же после их сооружения, то трудно допустить, чтобы соседние племена могли безнаказанно производить систематические набеги после каждых похорон. Кроме того, наблюдения показывают, что могилы разграблены не открыто, как это могло бы быть при вооруженном набеге, а скрытно, воровским способом. Грабители раскапывали могилу узким колодцем, вероятно, маскируясь камнями, снимали позолоту и другие мелкие ценности с предметов в глубине темной и тесной могилы при тусклом свете зажигасмой бересты (Шибе) или на потолке сруба, на дне глубокого колодца (Катанда). Значительная часть мелких золотых украшений ускользала от их внимания. Только в Пазырыке грабители имели возможность вытаскивать предметы наверх и там снимать с них ценные украшения, но закончить свою работу они не смогли — им что-то помешало и они не успели проникнуть к лошадям. Во всех случаях грабители хорошо знали устройство могилы. Из множества погребенных в могиле предметов они похищали только те, которые можно было легко скрыть, перелив или перековав их в новые изделия. Одежды из ценных мехов, войлока и деревянные изделия они оставляли, но все металлические части тщательно собирали. С трудом вырывали из стен медные гвозди и, когда это не удавалось, отламывали их наружные части.

Картина разграбления могил ясно показывает, что это были частные предприятия отдельных лиц или небольших групп, которые становились обладателями похищенных ценностей. Значит, существовала частная собственность отдельных лиц или семей.

Другим указанием на наличие частной собственности служит обычай делать метки на лошадях. У погребенных в Пазырыке коней сделаны надрезы по наружному краю ушей. У одного коня сделан один надрез на правом ухе, у другого — четыре надреза также на правом, у третьего — два на правом и четыре на левом. У четырех коней сохранилось только левое

ухо — у двух из них сделано по два надреза, у двух других надрезав нет. У трех коней сохранилось только правое ухо — у одного с двумя надрезами, у двух без надрезав. Следовательно, метки сохранились у шести коней и, по крайней мере, четыре из них имеют разные метки. Лошадей с одинаковыми метками нет.

Частная собственность на средства производства, прежде всего на скот, возникающая еще в эпоху бронзы, в эпоху ранних кочевников становится сложившейся формой производственных отношений, что отражено и в могильных памятниках. Пазырыкские курганы, как и все другие богатые курганы ранних кочевников Алтая, расположены небольшими группами цепочкой по направлению с севера на юг. Это, очевидно, фамильные кладбища отдельных богатых семей. Патриархальные семьи уже настолько обособились в производстве и стали самостоятельной хозяйственной ячейкой, что богатые семьи стали устраивать для членов своей семьи особые фамильные кладбища.

Расположение богатых могил в Пазырыке и в других пунктах отдельными цепочками говорит также о том, что члены одной семьи из поколения в поколение были богаты, и, следовательно, богатство оставалось по наследству в одной семье. Иначе и быть не могло, так как с развитием частной собственности неразрывно связана и передача накопленных богатств по наследству. И то и другое ведет, в свою очередь, к неравномерному распределению богатств между отдельными семьями. Экономическая дифференциация общества, довольно ясно отраженная в памятниках еще предшествующего, карасукского этапа, в эпоху ранних кочевников достигла весьма значительных размеров. Некоторые отдельные семьи стали обладателями огромных богатств, что можно видеть на примере Пазырыкского кургана. О количестве погребенных в нем ценностей мы имеем, к сожалению, лишь смутное представление. Хотя значительная часть этих ценностей, как увидим ниже, не принадлежала умершему, тем не менее он был обладателем крупных богатств, так как богатые дары покойнику и пышность погребального обряда должны были соответствовать его собственным богатствам.

Пазырыкский курган отличается не только богатством погребения, но и грандиозностью могильного сооружения. Чтобы соорудить каменную насыпь объемом в 1800 куб. м, вырыть яму объемом в 196 куб. м, заготовить около полутысячи бревен для сруба и заполнения могилы, заготовить бересту, лиственничную кору, стебли курильского чая — на все это надо было затратить огромное количество труда, по самым скромным подсчетам не менее 2500—3000 человеко-дней, что непосильно одной семье, даже если бы она имела рабов. Это было не частным делом семьи, а общим делом крупного коллектива, каким мог быть большой род или целое племя. Очевидно, в Пазырыке погребен не просто богатый человек, а представитель общественной власти. Так как Пазырыкский курган принадлежит к разряду са-

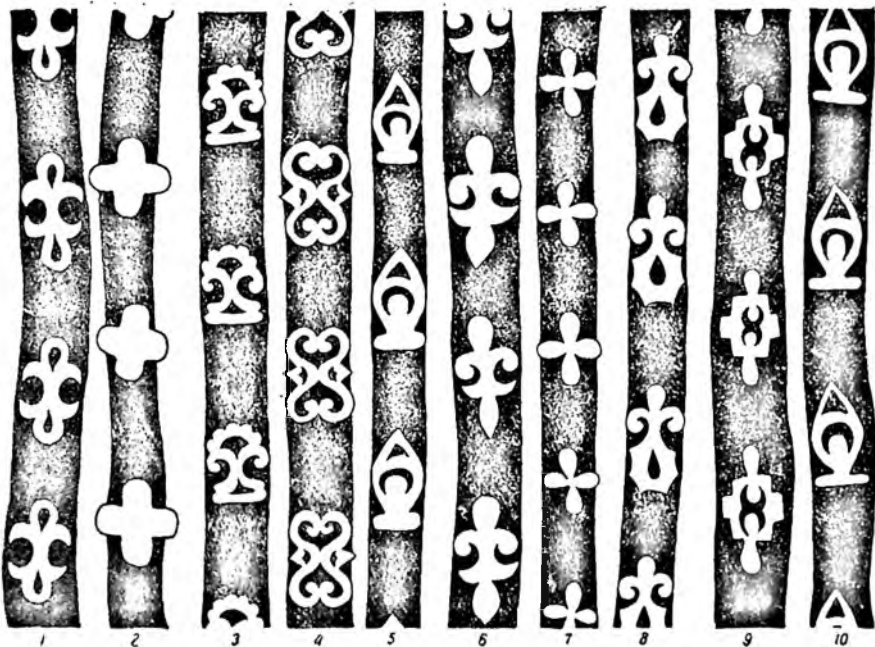

Рис. 27. Кожаные узоры на подхвостных ремнях седла.
(номера рисунков соответствуют номерам седел).

мых крупных курганов Алтая, число которых вряд ли превышает сотню, а количество меньших курганов в фамильных кладбищах неизмеримо больше, то можно думать, что погребенный в Пазырыке был представителем высшей власти в племени — племенным вождем. Если богатство и общественная власть, судя по другим фамильным кладбищам на Алтае, обычно сочетались, то, надо думать, что как богатство, так и высшие общественные должности в роду и племени передавались по наследству. Общественная власть, как это обычно для военно-демократического строя, была наследственной.

Погребенные в Пазырыке кони имеют разные метки на ушах, разные знаки собственности. Если бы они были собственностью погребенного, то были бы все одинаково помечены, а метки возможных прежних владельцев были бы каким-либо способом уничтожены или заменены другими. Однако этого нет, и пазырыкских коней следует считать собственностью разных владельцев, а не погребенного в кургане лица. Детальный анализ всех особенностей седел и уздечек показывает, что они сделаны специально для погребения, незадолго до похорон, и делались разными мастерами из разных материалов. Нет двух таких седел, у которых были бы какие-либо части, сделанные из одного и того же материала или одним и тем же способом. Даже в тех случаях, когда на двух седлах имеются, например, оди-

наковые по форме бляхи, можно видеть, что они сделаны особым для каждого седла мастером. Совершенно очевидно, что как кони, так и все их снаряжение не принадлежали погребенному в кургане или его семье. Это, видимо, дары покойному от его подчиненных.

Богатые дары, состоящие из лучшего верхового коня иноземного происхождения, каких не было в табунах основного населения, и дорогой роскошной сбруи, могли быть поднесены умершему только от лиц, обладающих богатствами и занимающих высокие общественные должности. Вероятнее всего, что это были дары племенному вождю от десяти родовладык.

Если кони в погребениях племенных вождей являются подношениями родовладык, то число их в могиле должно определять состав племени в смысле количества родовых подразделений. В таком случае следует считать, что племя, вождь которого погребен в рассматриваемом кургане в Пазырыке, состояло из 10 родов, в Берели — из 16, в Шибе — из 14, в 3-м и 4-м курганах Пазырыка — из 14 и, наконец, во 2-м кургане Пазырыка — из 7 родов. Характерно, что числа эти не случайны, а обнаруживают определенную закономерность — все они четные, кроме одного, которое представляет половину трижды наблюдаемого числа, половину 14. Вряд ли эти закономерные числа могли получиться путем естественного роста количества родов в племени. «Такое точное определение групп предполагает сознательное и планомерное вмешательство в естественно создавшийся порядок вещей». ³⁹ Известно, что в период военной демократии в Аттике было четыре племени, каждое племя состояло из трех фратрий, а каждая фратрия — из тридцати родов. В Риме было три племени, в каждом по десять фратрий (курий), состоящих из десяти родов каждая. Подобное же точное определение групп известно и для некоторых племенных и раннефеодальных образований Центральной Азии. Так военно-демократический гуннский племенной союз состоял из 12 «поколений» — 6 восточных и 6 западных. ⁴⁰ Предки уйгур также состояли из 12 «родов». ⁴¹ Хань (в Корее) делилась на три «рода» — в двух было по 12 «княжеств», в третьем — 54. ⁴² У западных тюрок в VII в. н. э. Шаболо-ханом было учреждено пять восточных «поколений» Дулу и пять же западных — Нушиби, предводителям этих «поколений» или аймаков было вручено по одной стреле, и с тех пор они назывались «тюрьками десяти стрел». ⁴³ Также и кидани в 629 г. н. э. были реорганизованы в десять «округов». ⁴⁴ Приведенные примеры позволяют предполагать и у ранних кочевников Алтая искусственное двухступенное строение племени, соответствующее делению его на фратрии и роды. Быть может, первый курган в Пазырыке принадлежал племени, состоявшему из двух фратрий, объединивших по пять родов каждая, курганы в Шибе и 3-й и 4-й в Пазырыке — также из двух фратрий, объединивших по семь родов, в Берели — из двух или четырех фратрий, объединивших соответственно по восемь или по четыре рода (кони лежали в четыре ряда, по четыре коня

в каждом). Быть может, два коня с масками в первом кургане Пазырыка представляют от двух фратрий пазырыкского племени. Тогда второй курган с захоронением семи коней, из которых только один был с маской, следовало бы считать могилой фратриарха, а не племенного вождя. Конечно, все высказанные предположения нуждаются в проверке и уточнении новыми дополнительными наблюдениями, на которые можно рассчитывать при дальнейших раскопках погребений племенной знати ранних кочевников Алтая.

Несомненно, что и в скифских курганах захоронения коней отражают в себе структурное деление племен и, возможно, племенных союзов. И там погребенных коней надо рассматривать как дары от глав подчиненных умершему общественных подразделений. Ведь невозможно допустить, чтобы с умершим могли похоронить из его табунов сразу около 400 лошадей, и трудно объяснить смысл такой жертвы. Естественнее представить себе, например, что к могиле верховного вождя или военачальника в кургане Ульского аула № 1 1898 г. представители родов привели коней по одному от каждого рода, и разместили их в строгом порядке — кони десяти фратрий одного племени располагались по южную сторону могилы, десяти фратрий другого племени по северную сторону; кони от восемнадцати родов каждой фратрии привязывались к отдельной коновязи. Распределение коней точными группами наблюдается и в других курганах. Так, в одном из Келермесских курганов погребены две группы коней, по 12 в каждой, в другом — тоже две группы по 8 коней в каждой. В Чертомлыке и в кургане Козел погребено по три группы коней (4, 4 и 3), каждая в отдельной могиле. К сожалению, все богатые скифские курганы раскапывались в дореволюционное время без достаточно детальных и точных наблюдений. Поэтому данные о погребальном обряде большей части курганов не могут быть использованы для решения рассматриваемого вопроса.

Наблюдаемый нами в погребальном обряде пазырыкского племени обычай подношения вождю от подведомственных ему родов богатых даров предполагает наличие подобных же отношений и в действительной жизни племени. Система представления различных материальных ценностей главами мелких общественных подразделений в пользу глав более крупных подразделений, например родовладыками племенным вождям, должна была быть нормой экономических отношений между массой основных производителей и должностными лицами в роде и племени. Такая система служила источником обогащения для представителей общественной власти и является одной из основных причин отмеченного нами выше постоянного сочетания богатства и общественной власти. Такая система является одной из форм эксплуатации труда, так как ценности, передаваемые младшими представителями общественной власти старшим, были в конечном счете продуктом труда основных производителей общества. Вероятно, были и другие формы

эксплоатации чужого труда, так как крупные хозяйства богатых владельцев скота не могли создаваться и поддерживаться силами одной семьи.

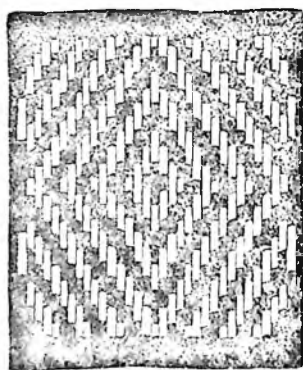
Производственные отношения в пазырыкском племени характеризуются частной собственностью патриархальных семей и развитой эксплуатацией труда основных производителей — рядовых членов рода и, вероятно, рабов — и в связи с этим и весьма значительной экономической дифференциацией общества. Но, как это свойственно высшей ступени варварства, еще полностью сохранялись прежние формы первобытно-общинного строя. На это указывает и погребальный обряд в Пазырыке. Похороны племенного вождя были крупным событием в жизни племени. В церемонии принимало участие все племя. Могила сооружалась силами всех участников похорон, как это было и у скифов, которые, по сообщению Геродота, возят труп своего «царя» по всем подвластным ему племенам, а затем, собравшись на могиле, «все вместе устраивают большую земляную насыпь, прилагая особенное старание к тому, чтобы она вышла как можно больше». ⁴⁵ Такая сплоченность племени возможна только в условиях военно-демократического строя, когда господствовали еще первобытно-общинные порядки.

Изобразительное искусство и мировоззрение

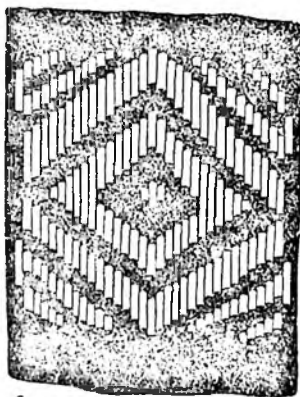
Изобразительное искусство ранних кочевников, в том числе и кочевников Алтая, давно известно во множестве часто прекрасных художественных образцов, выполненных в своеобразном, так называемом скифском или скифо-сибирском зверином стиле. Но до раскопок Пазырыкского кургана мы не знали еще ни одного памятника, который дал бы такое множество и разнообразие художественных изображений. Здесь в одном погребении представлены образы одиннадцати разных зверей и фантастических чудовищ в сорока пяти вариантах на двухстах шести бляхах, аппликациях и других изделиях. Все это выполнено разными техническими приемами и из разных материалов. Круглая скульптура, барельеф, силуэтные и полихромные плоские рисунки вырезаны, сшиты или склеены из дерева, войлока, кожи с использованием цветных войлока, меха, кожи, ниток и волоса, листового золота и олова, минеральных красок. Все это в самых разнообразных сочетаниях, разных размеров — от фигурок величиной в 5 см до огромных изображений более метра длиной.

Впервые для искусства ранних кочевников так полно многими образцами геометрических и растительных узоров представлено в Пазырыкском кургане и чисто орнаментальное искусство. Наряду с сюжетами звериного стиля в декоративном искусстве пазырыкского племени видное место принадлежало узорам геометрическим и растительным.

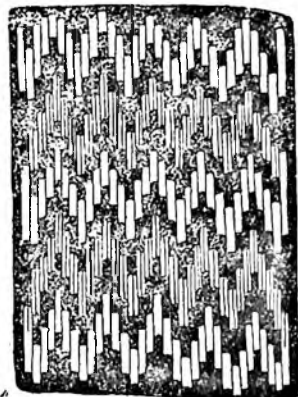
Прямолинейные геометрические узоры представлены простейшими формами в виде ряда разноцветных треугольных фестонов (рис. 28, 1) на вой-

2

3

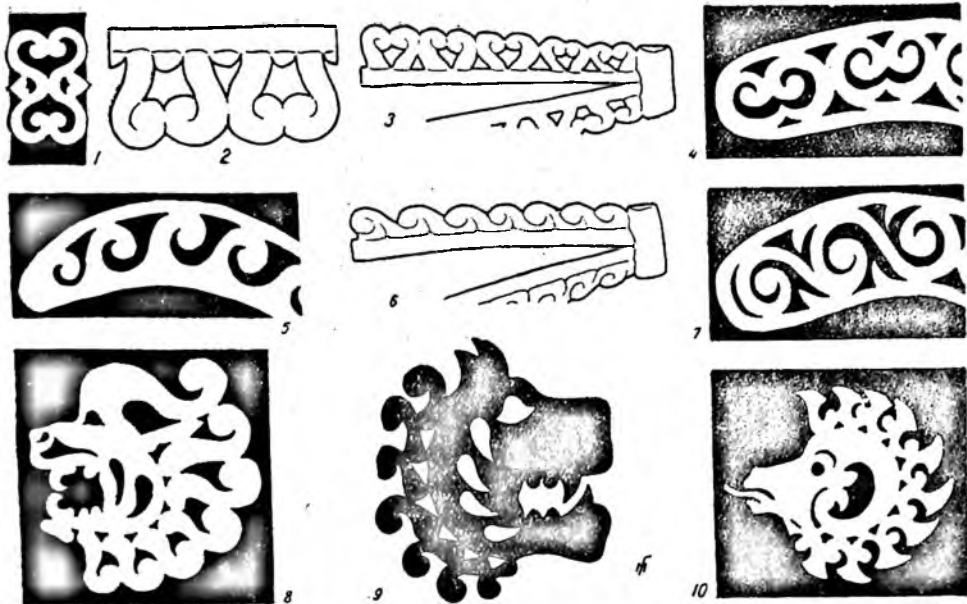
4

Рис. 28. Прямолинейные геометрические орнаменты.

1 — кайма настенного войлока; 2 — щит от убора № 3 (реконструкция); 3 — то же, убора № 4; 4 — то же, убора № 7.

локе, украшавшем стены камеры, и серии зигзагов или концентрически расположенных ромбов (рис. 28, 2—4) на деревянных щитах. Формы узоров на щитах обусловлены техникой их выполнения. Они получены путем продвигания деревянных палочек в соответствующим образом расположенные прорезы в куске кожи, которая служила основой щита. Быть может, из такой техники развилась впоследствии техника изготовления современных киргизских и казахских чиев (цыновок), в которых кожа заменена цветными нитками, а деревянные палочки — тростником. Фестонный узор на войлоке, несомненно, связан генетически с подобными геометрическими орнаментами эпохи бронзы и, видимо, был широко распространен у ранних кочевников. В нескольких случаях он применен на золотых изделиях сибирской коллекции Петра I в технике инкрустации.

Разнообразнее криволинейные геометрические орнаменты. Они представлены рядами волют, образующих рисунок так называемой «бегущей волны» (рис. 29, 5—7), или расположенных попарно, противопоставленных друг другу (рис. 29, 1—4). Разные сочетания таких волют с некоторыми дополнениями образуют своеобразные узоры. И эта группа узоров связана с орнаментами эпохи бронзы. Пары волют распространены в украшении мелких проволочных изделий андроновской культуры.⁴⁶ Такие же, как в Пазырыке, ряды волют в виде бегущей волны и противопоставленных пар обычны для орнаментов андроновской керамики и отчасти карасукской, но, в отличие от пазырыкских, они исполнены в прямолинейной технике.⁴⁷

Р и с. 29. Орнаменты из рядов волют.

1 — лоджостный ремень седла № 4; 2 — деревянная бляха седла № 8; 3, 6 — бляхи-развилки уздечек №№ 4 и 9; 4, 5, 7 — кожаные аппликации на передках седла №№ 6, 7, 1; 8, 10 — то же, на покрывках седла №№ 9 и 8; 9 — аппликация настенного войлока.

Своеобразные узоры в виде ряда волют, не связанных одной непрерывной линией, применялись и в вычурно стилизованных изображениях зверей. Так исполнены «баки» в изображениях головы тигра (рис. 29, 8, 9). Часто отдельные детали в фигурах зверей изображались также волютами.

При вырезании волютообразных узоров из кожи (вероятно, и из меха, золота и др.) получались остатки материала в виде также волютообразных фигурок. Такие фигурки, видимо, не бросались, а употреблялись для составления новых узоров и образовывали затем новые самостоятельные орнаментальные мотивы, представленные, например, на роговых и золотых изделиях в кургане в Шибе.⁴⁸ В Пазырыкском кургане таким узором исполнена борода аргали в стилизованном изображении его головы (сравни рис. 29, 5 и 29, 10).

Третью группу узоров составляют растительные орнаменты, заимствованные, как отмечено выше, из Ирана, но настолько переработанные в стиле местного искусства, что в них с трудом узнаются обычные формы лотоса и пальметки. Техника вырезания силуэтных узоров из кожи и ажурных барельефов из дерева привела к упрощенным обобщенным формам. В некоторых случаях (рис. 30, 1—4) еще довольно отчетливо различается форма цветка, но и здесь загнутые чашелистики заканчиваются волютами, а ле-

пестки имеют округлые очертания. В более упрощенных формах остается лишь пара отвернутых в стороны волют и между ними кружок (рис. 30, 6, 7) или пара острых чашелистиков, а между ними арочка (рис. 30, 5, 10). Есть и другие своеобразные формы пальметок (рис. 30, 11). В форме пальметок исполняются и некоторые детали зооморфных и антропоморфных фигур (рис. 30, 17—19).

Совершенно своеобразным является орнамент на кожаных изделиях, выполненных путем вырезания в коже простейших фигурок в виде представленных на рис. 31, 1—18. Различными сочетаниями таких фигурок украшены щечные лопасти, уши и рога на маске с рогами оленя (рис. 31, 20—22). Такими фигурками, легко вырезаемыми ножом, оформлены и различные детали на изображениях зверей (рис. 31, 23, 24). Силуэтным фигурам зверей с помощью прорезей таких форм придавалась легкость и изящество изображения (рис. 35 и 36). Некоторые фигурки, как кружок, запятая,

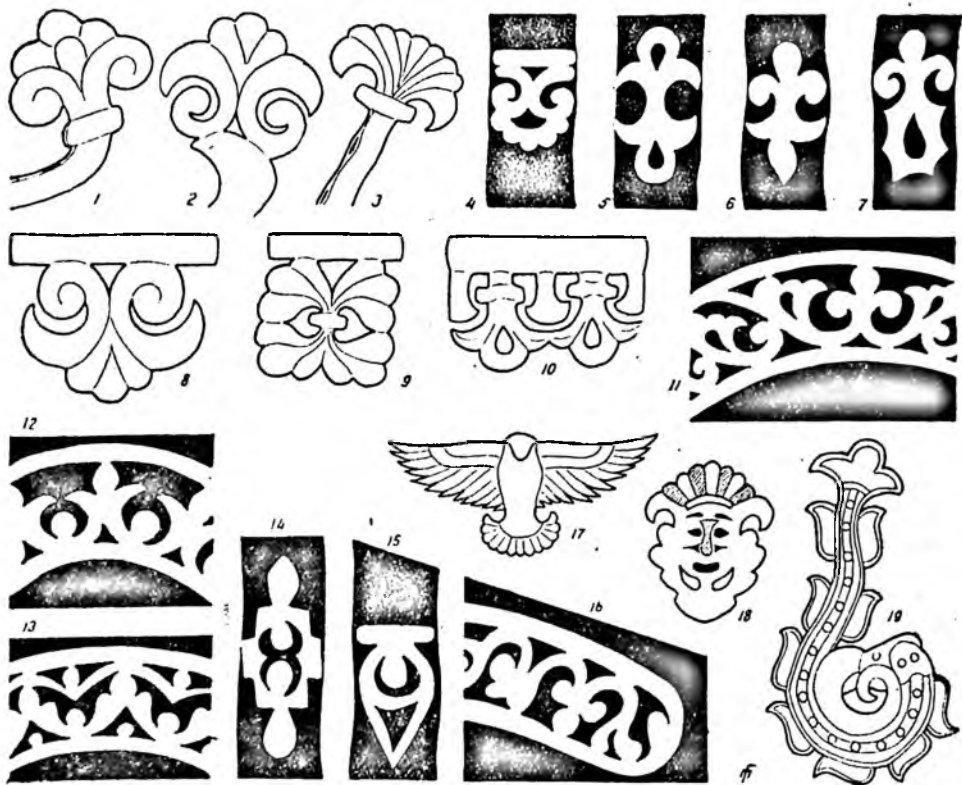

Рис. 30. Растительные орнаменты.

- 1, 2, 3 — псалии уздечек №№ 5, 7, 3; 4, 5, 6, 7, 14, 15 — подхвостные ремни седла №№ 3, 1, 6, 8, 9, 5; 8, 9, 10 — деревянные бляхи седла №№ 7, 3, 1; 11, 12, 13, 16 — кожаные ашмакцики передков седла №№ 4, 9, 3, 8; 17 — нагрудное украшение седла № 5; 18 — подвеска седла № 7; 19 — подвеска седла № 9.

«подковка», помещённые на бедрах и лопатках зверя, применялись не только на вырезанных из кожи или войлока изображениях, но также и на металлических, о чем уже говорилось выше.

Наиболее характерными и распространенными сюжетами декоративного искусства являются изображения зверей и зооморфных и антропоморфных чудовищ. На первый взгляд может показаться, что сюжеты этих изображений весьма разнообразны и очень многочисленны. На самом же деле количество их ограничено — имеется лишь несколько определенных художественных образов.

В Пазырыкском кургане представлены следующие из них.

Тэке (горный козел) представлен полными изображениями в сценах борьбы (рис. 37) и скульптурными фигурами головы (табл. IV, 5, 6; XII, 3). Характерные рога его всегда возвышаются над головой, что отличает его от изображений аргали.

Аргали (горный баран) узнается в изображениях по круто закрученным рогам, прикрывающим часть морды, и обычно по характерной бороде, которая иногда крайне гиперболизирована: начинаясь от подбородка, огибает рог и заканчивается на лбу (рис. 29, 10). Изображалась голова аргали (рис. 34 и табл. IX), иногда с одной или двумя парами ног (табл. XX, 2 и XXI, 2), а также полная фигура скачущего зверя (табл. IX, 2) или в сцене борьбы (рис. 35).

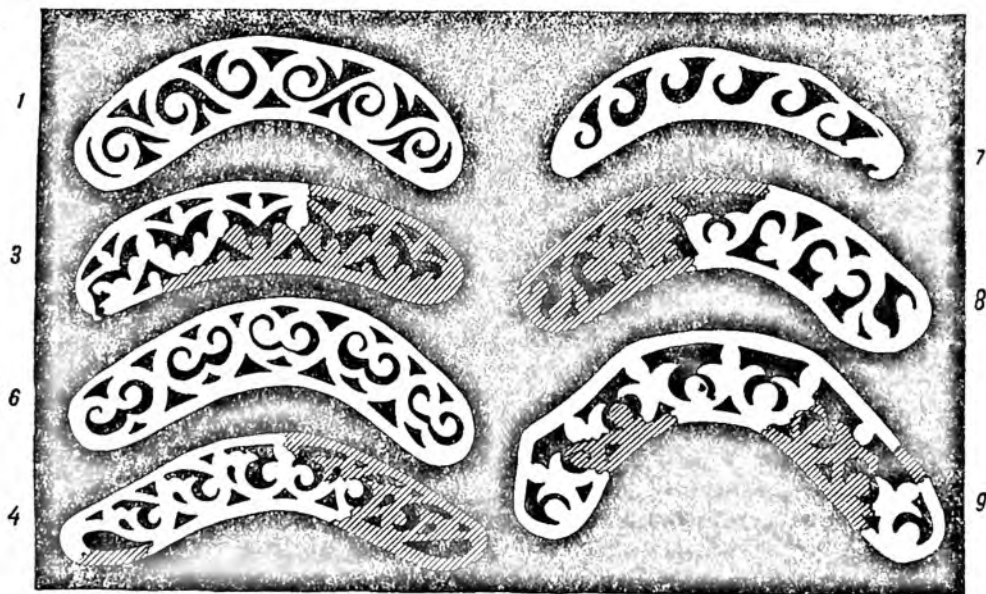

Рис. 31. Кожаные аппликации на передках и задках седел.
(номера рисунков соответствуют номерам седел).

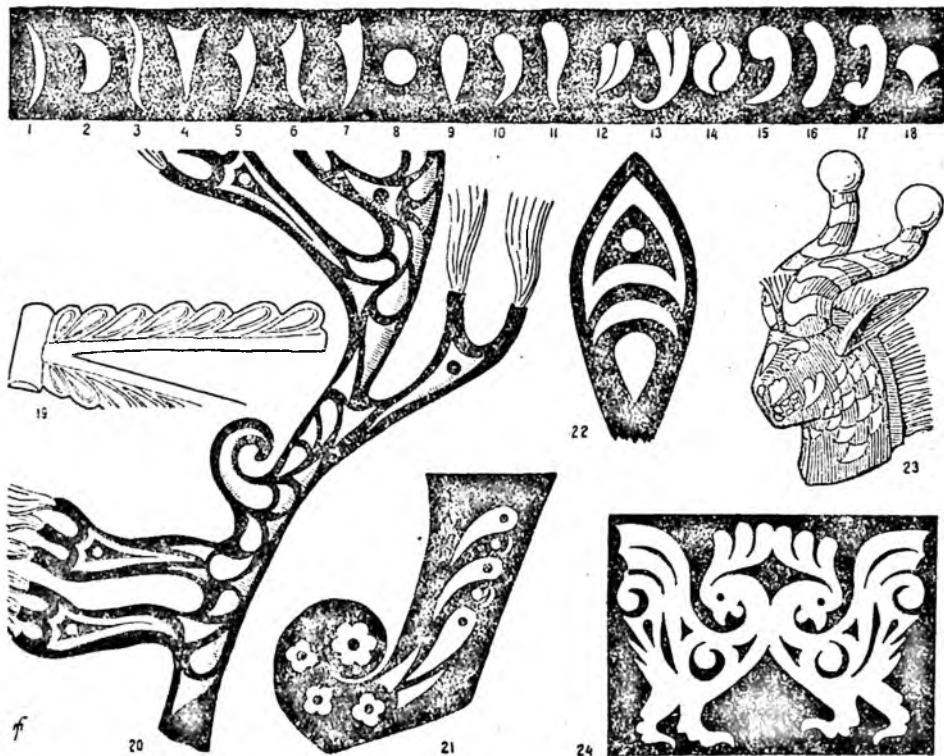

Рис. 32. Орнаменты из прорезных простейших фигурок.

1-18 — формы прорезей; 19 — блуха-развилка узды № 10; 20 — рог на маске убора № 10; 21, 22 — щечная полость и наружная сторона уха той же маски; 23 — голова крылатого тигра на маске убора № 5; 24 — кожаная аппликация колоды.

Лось изображался с мощными широкими и ветвистыми рогами, характерной горбоносой мордой и бородкой (рис. 35 и 36).

Марал (алтайский вид благородного оленя) представлен полными изображениями с характерными рогами, отростки которых направлены вперед от основного стержня, и узкой мордой (рис. 36 и табл. XIV, 3, 4).

Тигр, изображенный в сценах борьбы, показан в типичных для этого хищника позах и с характерным полосатым рисунком шерсти (рис. 35 и 36). В схематических изображениях на масках узнается лишь по полосатому рисунку шерсти (табл. XIII и рис. 38).

Волк, известный по нескольким изображениям в других находках, в Пазырыкском кургане представлен только двумя изображениями, не вполне определенно устанавливаемыми (табл. XX, 2). Длинная морда с острым носом, подчеркнутым волютообразным завитком, отличает его от тигра. Изображена только голова волка, схватившая зубами голову аргали.

Крылатый тигр — сибирский вариант грифона — представляет собой

чудовище с туловищем тигра, птичьими крыльями, с гривой или гребнем на шее, длинными ушами, рогами джейрана, оканчивающимися шариками в скульптурных изображениях и волютами в плоских, иногда с орлиным клювом и птичьим оперением на шее (рис. 37 и табл. XIII). Крылья иногда отсутствуют (табл. XXII, подвески к седлу). Отличается от переднеазиатских и средиземноморских форм не только стилистически, но и тем, что изображается с туловищем тигра, а не льва. У него нет львиной гривы, хвост длинный, равномерно пушистый (рис. 37, нижн. и табл. XIII). Львиную гриву напоминает иногда обрамление щек (рис. 29, 8, 9), но это является стилизованным изображением пушистых бак тигра. Наличие в некоторых случаях на конце хвоста утолщения (рис. 33, 3) или головки птицы (рис. 37, верхн.), напоминающих характерную для льва кисточку, является непонятым или по иному осмысленным подражанием передне-

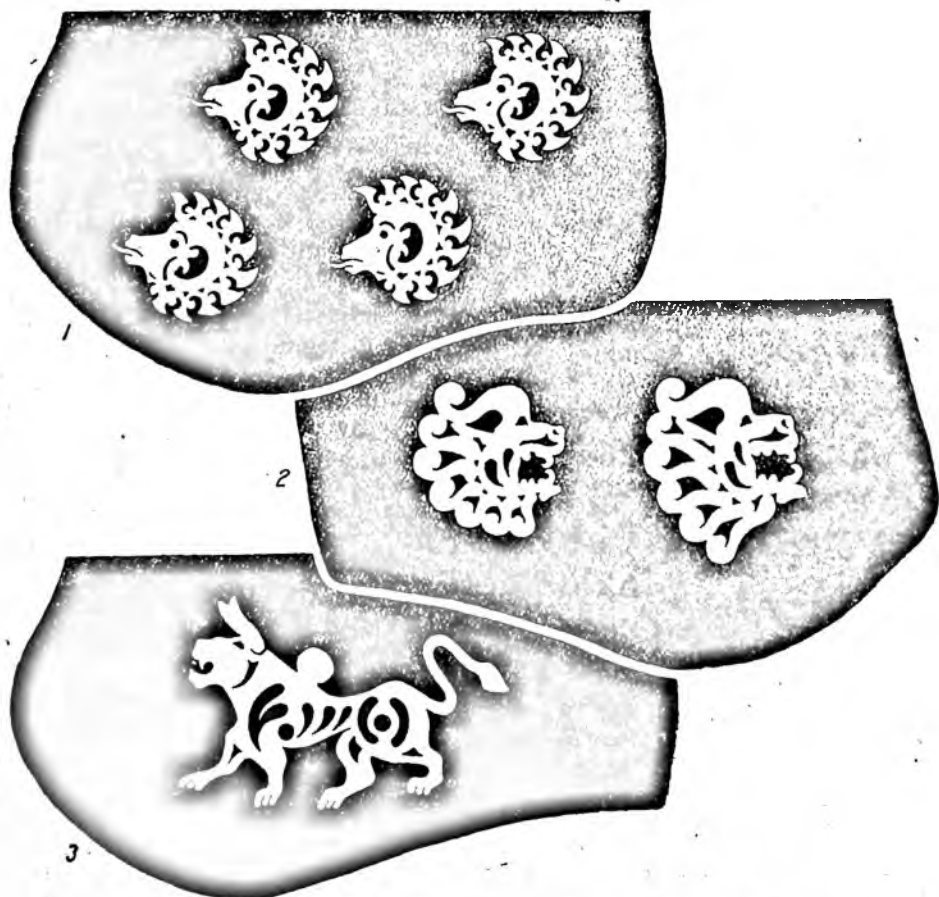
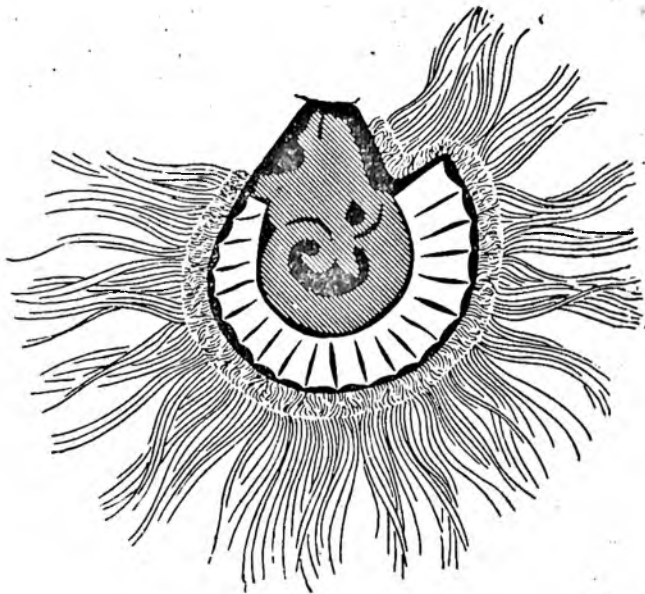

Рис. 33. Кожаные аппликации седел № 8 (1), № 9 (2) и № 10 (3).

Р и с. 34. Подвеска седла № 8.

азиатским образцам. Образ этот, в основе которого лежит самый могучий для Сибири зверь — тигр, представляет собой смешение местных традиций с переднеазиатскими, творчески переработанными, стилистически и по содержанию, в соответствии с мировоззрением и художественной культурой кочевых племен Алтая.

Мифический орел представляет собой чудовище в виде хищной птицы, вероятно орла, с мощным гребнем на шее и длинными звериными ушами. Гребень, круто начинаясь у лба, иногда с особо выделенным высоким первым зубцом, к спине постепенно понижается. Изображается только голова чудовища (табл. VI, 2 и XX, 3, 4) или полная его фигура с распростертыми крыльями (табл. XII, 1, 2 и XX, 1).

Петух представлен изображениями полных фигур в геральдической композиции (рис. 32, 24) или верхней части тела с головой (табл. XVII, 3). Хотя все четыре изображения сильно стилизованы, в них метко схвачены и выразительно показаны характерные черты внешнего вида петуха — высокий короткий гребень, круто обрывающийся сзади, короткий клюв, борода, пышный высокий хвост. Этот художественный образ не является заимствованным извне, а создан на месте, в обществе, которое знало петуха в натуре. Возможно, что отдельные живые экземпляры петуха, как и гепарда, попадали через Среднюю Азию и на далекий Алтай и, таким образом, заимствованным извне следует считать самого петуха, а его художественный образ является продуктом творчества алтайских племен.

Рыбopodobное чудовище изображалось весьма схематично в виде тупомордой рыбы неопределенного вида с серией симметрично расположенных плавников (рис. 30, 19 и табл. XI, 2).

Антропоморфное чудовище представлено изображениями головы человека, подчеркнута уродливой, с бородой, но без усов, со звериными ушами, помещенными на лбу, и с рогами джейрана (?) (табл. XVII, 2).

Все перечисленные изображения предназначались для украшения различных предметов. Часто они расположены орнаментальными рядами, образуя красивые узоры, наряду с такими же узорами из геометрических и растительных орнаментов. Композиция изображений всегда строго подчинена форме предмета, украшением которого они являются. Ради этого, по видимому, вместо целого зверя или чудовища, изображались только его голова, или голова с приставленными к ней ногами. Ради симметрии дважды повторялось туловище одного зверя (табл. XIV, 3), мифический орел изображался с одной ногой посередине (табл. XX, 1). Допускались значительные искажения пропорций. Поза зверя часто выбиралась так искусно, что совершенно не чувствуется связанности художника определенной формой предмета. Несомненно, все изображения зверей и чудовищ в Пазырыкском кургане — произведения декоративного искусства. Однако наблюдения показывают, что они имели и иную функцию.

Количество сюжетов изображений ограничено. В Пазырыкском кургане мы насчитали одиннадцать художественных образов. Это число может быть несколько увеличено по материалам других памятников южной Сибири. Изображались, значит, не любые звери, а только некоторые, занимавшие, видимо, особое место в идеологии ранних кочевников. Изображались также фантастические чудовища, наделенные признаками разных зверей, но всегда в одинаковых определенных сочетаниях. Это не плод свободной фантазии художника, как то представлялось некоторым прежним исследователям, а сложившиеся образы мифических чудовищ.

Как мифические чудовища, так и по своему внешнему облику вполне реальные звери изображались на одних и тех же предметах, в одних и тех же местах, теми же изобразительными приемами, часто вместе в одной композиции, в борьбе друг с другом — мифический орел держит в своих лапах лося (рис. 36), крылатый тигр борется с тигром «реальным» (табл. XIII), или терзает тэке (рис. 37) и другие. Очевидно, что и чудовища, и реального вида звери являются одной категорией образов. Все это зооморфные мифические образы, вероятно, тех мифических существ, которые в представлениях ранних кочевников обладали особыми чудодейственными свойствами и управляли всеми событиями в окружающем человека мире.

Естественно, что зооморфные мифические существа представлялись в образах тех зверей, которые выделяются из прочих какими-либо особыми качествами. Тигр мог быть воплощением могучей силы, волк — кровожад-

Р и с. 36. Кожаные аппликации седла № 7 (вверху)
и № 4 (внизу).

Р и с. 35. Кожаные аппликации седла № 5 (вверху)
и № 1 (внизу).

ности, аргали и тэке, обитатели горных вершин, — воплощением недоступности, чуткий марал — резвости и могучей красоты, лось — свирепости и силы. Петух поражал своим чудесным свойством петь в урочные часы. Наиболее могущественными были, вероятно, чудовища, наделенные признаками разных зверей. Крылатый тигр совмещал в себе могучую силу тигра, резвость и чуткий слух джейрана и способность летать по небу, как птица. Огромный мифический орел, поднимающий в своих лапах лося, совмещал силу и недоступность орла с острым слухом зверя, уши которого изображены на его голове.

Можно предполагать, что у ранних кочевников имелись уже сложившиеся представления о делении мира на три части — землю, небо и подземный мир, сходные в какой-то мере с представлениями современных алтайцев, которые распределяли всех своих духов по этим трем воображаемым частям мира. Возможно, что крылатый тигр и мифический орел были обитателями неба, рыбоподобное чудовище и представленный на золотых бляхах сибирской коллекции Петра I змей⁴⁹ — подземного мира, большая часть остальных — обитателями земли. Обитатели этих трех частей мира, как и в представлениях современных алтайцев, мало чем отличались один от другого. Можно различать их лишь по степени могущества. Наиболее могущественными представлялись, повидимому, крылатый тигр, мифический орел и, возможно, рыбоподобное чудовище. В сценах борьбы они всегда изображаются нападающими — первый на тэке и тигра, второй на лося и тэке, третий на аргали. Менее могуществен тигр, который нападает на аргали, лося и марала, но и сам становится жертвой нападения, например со стороны крылатого тигра, хотя в последнем случае он активно обороняется. Наиболее слабыми следует считать тэке, аргали, марала и лося, которые всегда изображаются жертвой нападения.

Представления о зооморфных мифических существах, управляющих миром, имелись и в предшествующую карасукскую эпоху, о чем можно судить по изображениям их на бронзовых кинжалах и ножах — предметах вооружения воина и охотника. Начиная с майэмирского этапа, такие изображения помещаются не только на оружии, но и на предметах личного убора и конской сбруи. В период военной демократии, когда на первое место в обществе выдвигались наиболее храбрые и сильные воины, наиболее способные и отважные военные руководители, когда благополучие племени, рода, семьи определялось их силой и могуществом, когда богатство и слава добывались силой оружия, мир воображаемых мифических существ представлялся таким же. Все они были воплощением силы, могущества и недоступности. Их взаимоотношения определялись борьбой, неизменным исходом которой являлась жестокая расправа сильного со своей жертвой. Так появились в изобразительном искусстве сцены борьбы зверей и чудовищ, иногда напоминающие внешне картины из жизни животных.

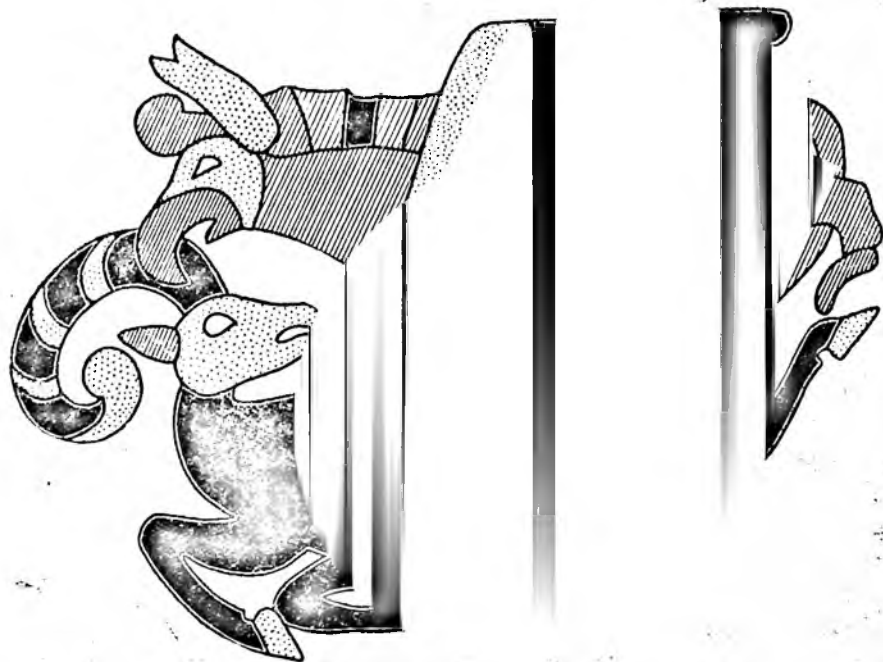
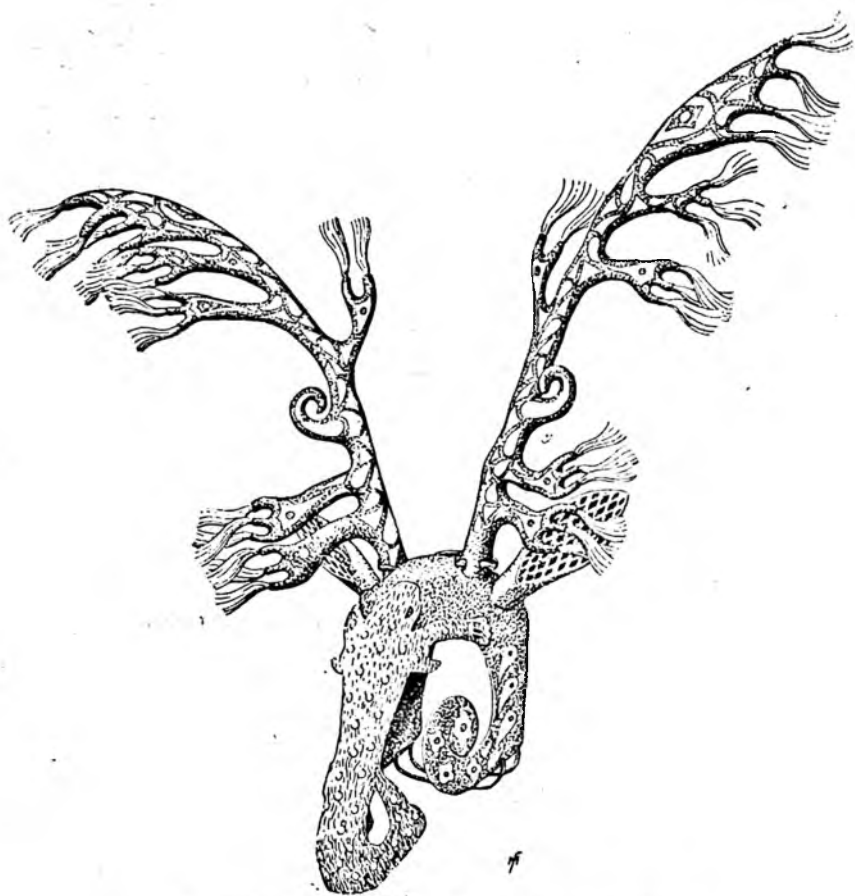

Рис. 37. Войлочные аппликации седел № 2 (вверху) и № 3 (внизу).

Р и с. 38. Маска убора № 10 (реконструкция).

При военно-демократическом строе значительно возросла роль отдельной личности, которая представлялась теперь часто более реальной силой, чем воображаемое могущество зооморфных мифических существ. Человек стал сознавать, что многое в его жизни зависит от его собственной активности, от тех или иных действий наиболее могущественных по своему общественному положению или личным качествам людей. Однако это не могло разрушить старых представлений о зооморфных мифических существах, как управляющих миром силах, но отношение к ним изменилось. Могущественные вожди и владыки играли в жизни племени и рода не меньшую роль, чем воображаемые действия мифических существ. Чтобы показать, что такой человек равен по могуществу мифическим существам, или могущество его обуславливается их покровительством, или по другим подобного рода соображениям возник обычай помещать изображения мифических существ на принадлежащих ему предметах. Естественно, что обычай этот охватил

затем более широкий круг людей и получил широкое распространение. Если раньше такие изображения были священными и имели исключительно культовое значение, то теперь роль их снизилась до украшений, хотя и религиозного содержания, но культовый и священный характер не был полностью утрачен.

Особое место среди произведений искусства в Пазырыкском кургане занимает маска с рогами оленя (рис. 38).

Первый отметил ее исключительное значение Н. Я. Марр, который еще за три года до раскопок в Пазырыке, изучая термины средств передвижения, пришел к заключению, что олень как ездовое животное предшествовал коню. Это следует из того, что слова, обозначавшие сначала оленя, впоследствии стали служить для обозначения нового понятия — коня.⁵⁰

Маски пазырыкского кургана, по словам Н. Я. Марра, были «точно препараты, специально изготовленные для иллюстрации известных языковедных положений»,⁵¹ так как они показывали, что и в культе олень предшествовал коню — культ оленя перенесен на коня. В Пазырыкском кургане погребен конь, которому с помощью маски придан вид оленя. Подобно тому, как современные народы Алтая еще недавно изображаемых на шаманских бубнах коней называли оленьями и рисовали их с оленьими рогами,⁵² пазырыкское племя культового коня, погребаемого в могиле вождя, представляло себе также в образе оленя. Характерно, что, в отличие от других изображений, на маске, которая должна была преобразить коня в оленя, рога изображены с ветвящимися, уплощенными на концах отростками, как это свойственно северному оленю, но никогда не бывает у благородного оленя; кроме того, с задней стороны ствола рога помещен характерный только для северного оленя небольшой отросток. Это важно отметить, так как предшественником коня в качестве ездового животного был не благородный олень, а северный.

ТАБЛИЦЫ.

1

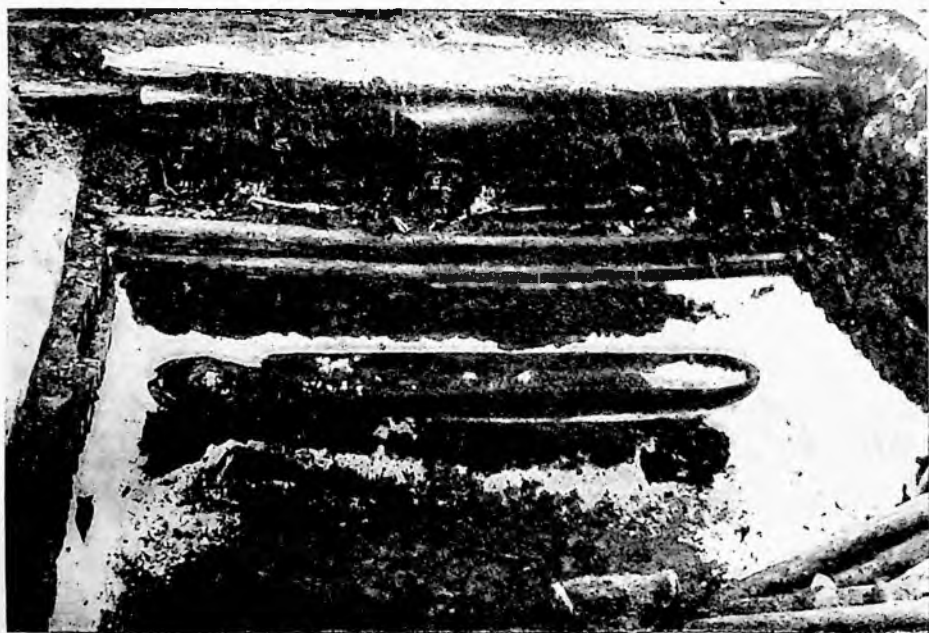

2

1 — Пазырыкский курган до раскопок; 2 — бревна, заполняющие могилу.

1

2

1 — потолок сруба и балки на нем; 2 — колода с опрокинутой крышкой, частично освобожденная ото льда.

1-2

3

1 — отверстиe в потолке сруба, прорубленное грабителями; 2 — северная стена сруба, прорубленная грабителями; 3 — трупы коней в северной части могилы.

1

2

7

5

6

3

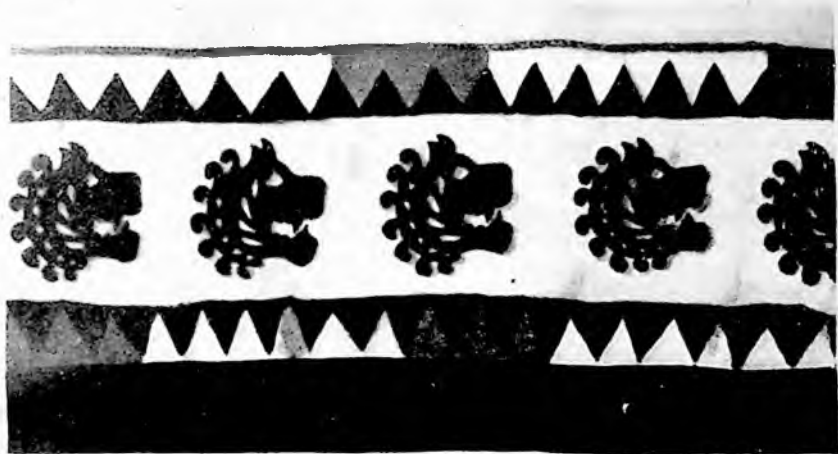

4

8

1—рукоят топора ($\frac{1}{7}$ н. в.); 2—то же, деталь (около $\frac{1}{2}$ н. в.); 3—обломок лопаты (около $\frac{1}{6}$ н. в.); 4—медный гвоздь ($\frac{3}{5}$ н. в.); 5, 6—кожаные фигурки головы горного козла (около $\frac{1}{6}$ н. в.); 7—ножка столика (около $\frac{1}{6}$ н. в.); 8—«подушка» (около $\frac{1}{6}$ н. в.).

1

2

3

1 — кайма настенного войлока (реконструкция, около 1/7 н. в.); 2 — колода; 3 — кожаные изображения петухов на колоде.

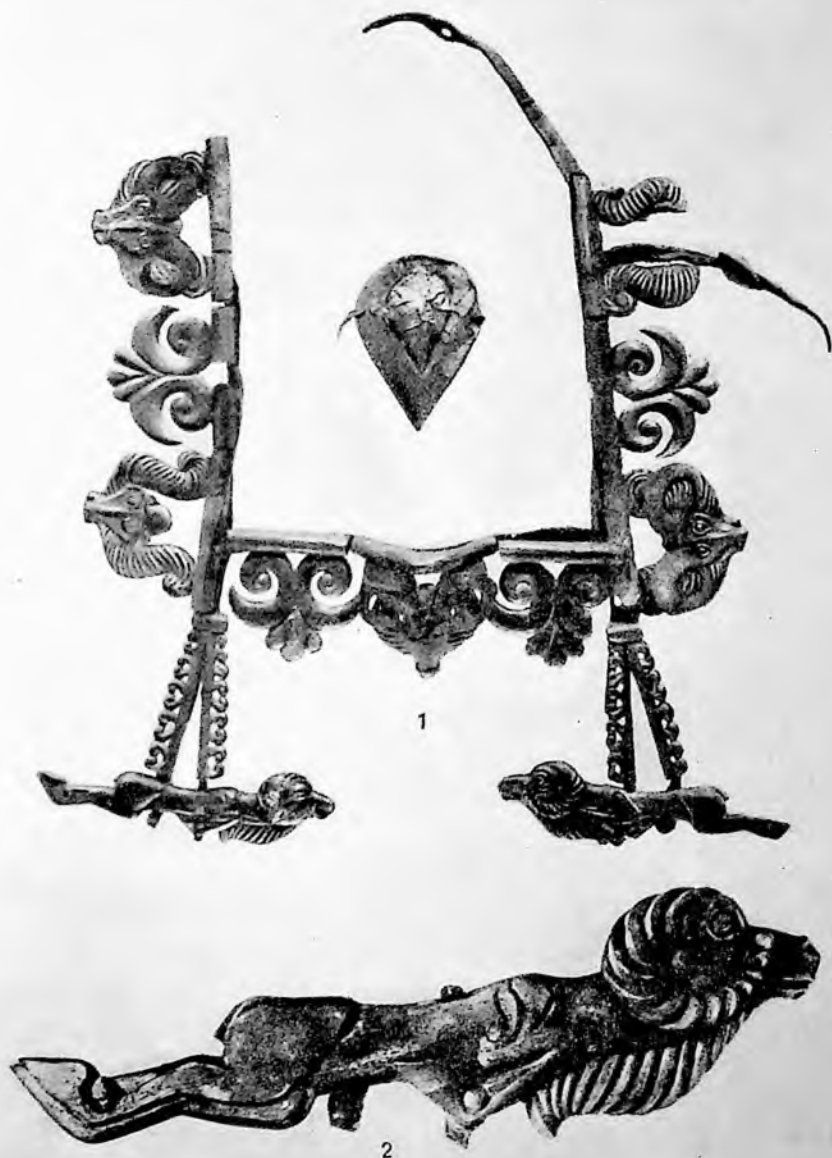
Детали узды и седла № 1.

1 — часть носового ремня с бляхами (около $1/2$ в. в.); 2 — псалий с бляхой-развилкой (около $1/2$ н. в.); 3 — бляха-налобник (около $1/2$ н. в.); 4 — кожаная аппликация с войлочной покрывки седла (около $1/8$ н. в.).

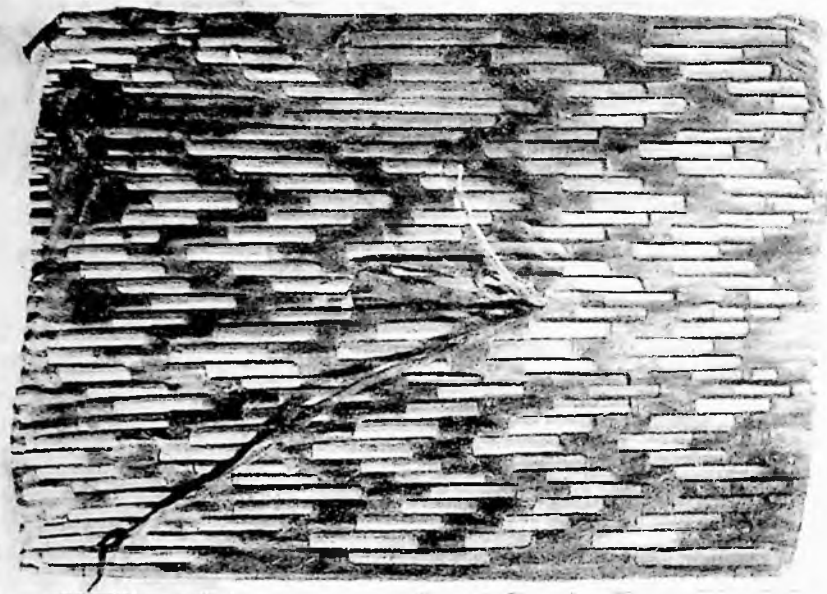

Войлочная покрывка седла № 3.

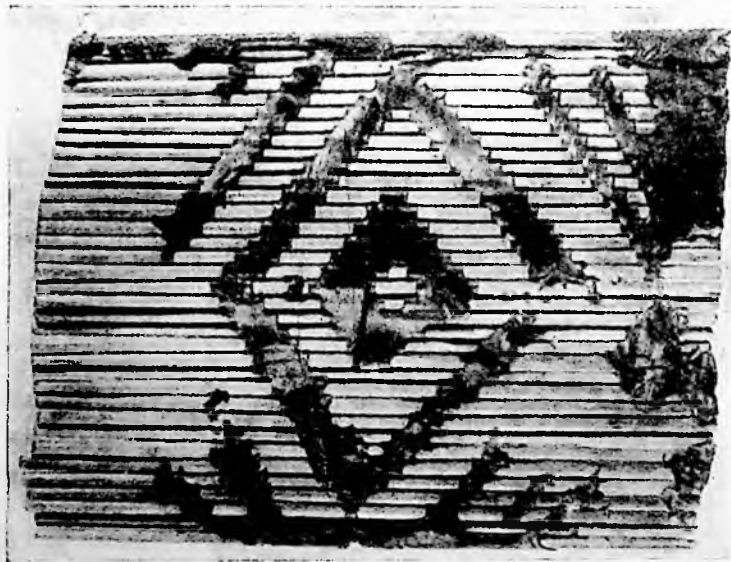

Узда № 4.

1 — оголовье; 2 — псабий (1/2 н. в.).

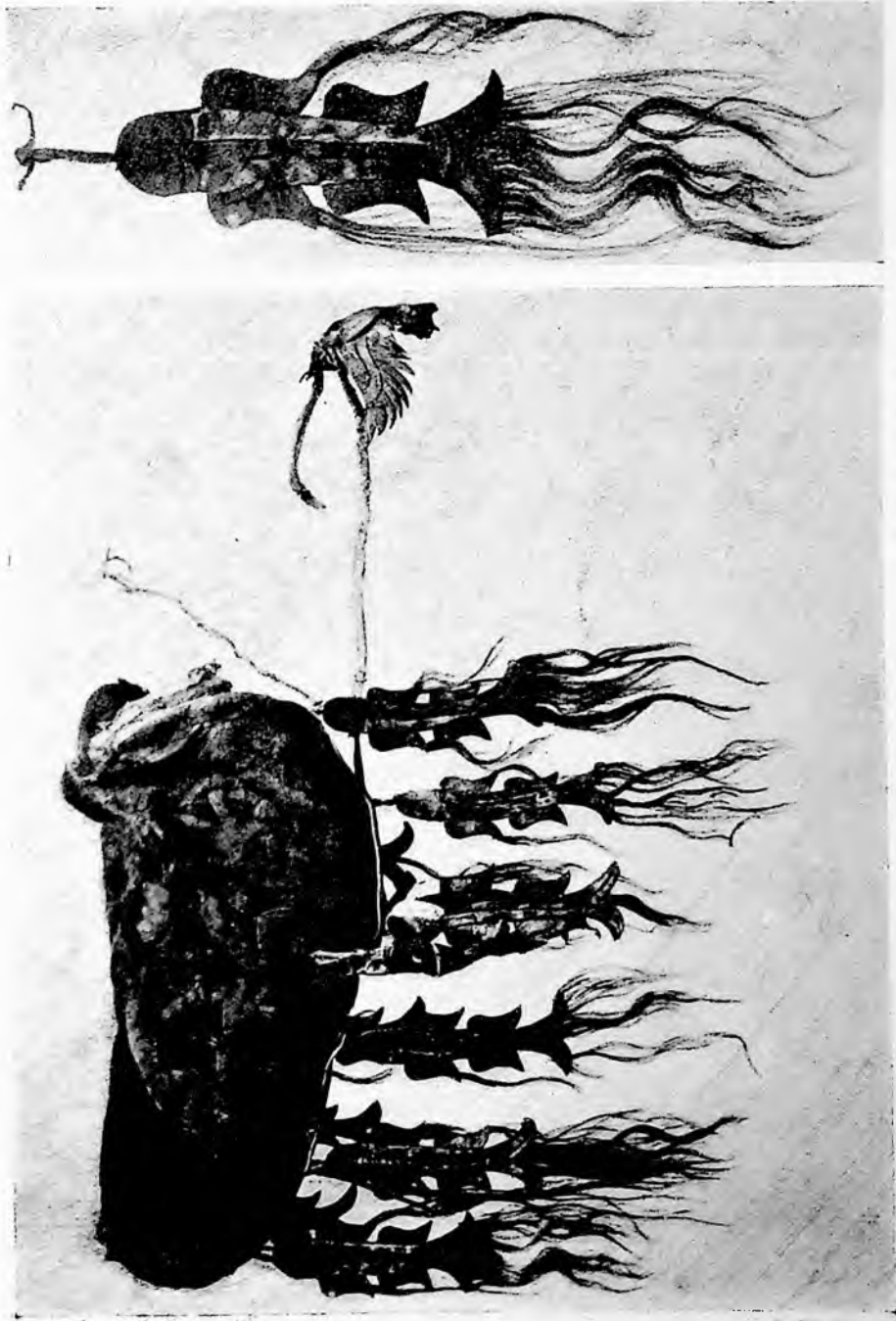

2

1

1 — щит, поперечный с седлом № 4 ($1/4$ н. в.); 2 — то же, с седлом № 7 ($1/4$ н. в.).

1 — седло № 5; 2 — кожаная подвеска к нему (1/4 н. в.).

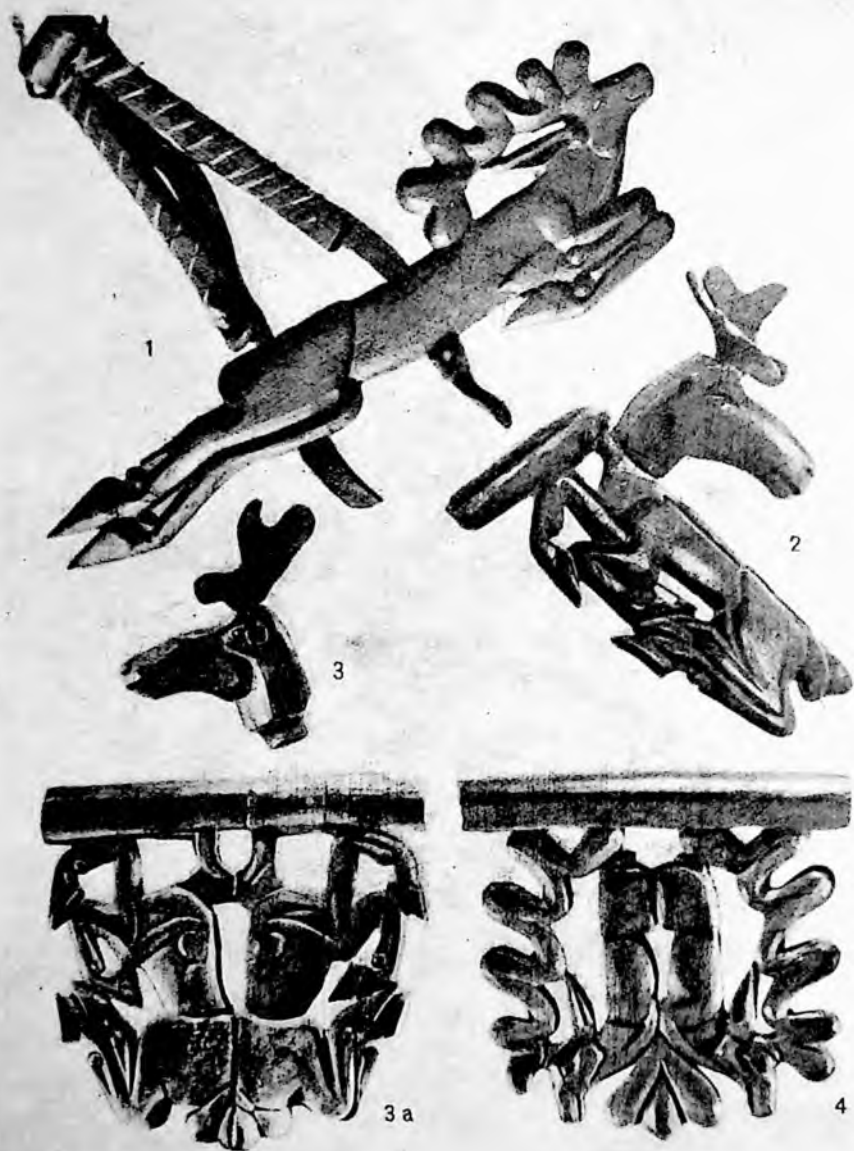

Детали седла № 5.

1 — кожаное нагрудное украшение — мифический орел (около $\frac{1}{3}$ н. в.); 2 — его голова (около $\frac{1}{2}$ н. в.); 3 — кожаная фигурка головы горного козла с нагрудного ремня (около $\frac{1}{2}$ н. в.); 4 — кожаная аппликация с войлочной покрывшей седла ($\frac{1}{3}$ н. в.).

Маска конского убора № 5 (реконструкция).

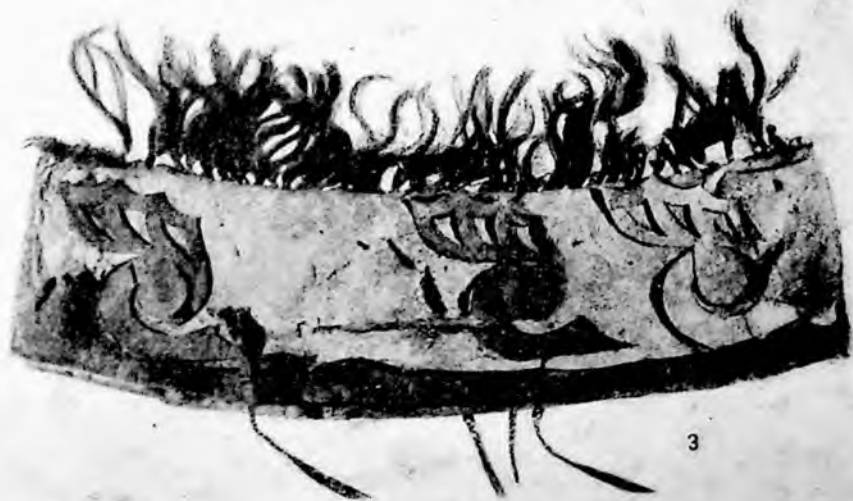
Детали узды № 6 (все 1/2 н. в.).

1 — псалий; 2 — бляха носового ремня; 3 — бляха от перекрестья на щечном ремне;
3а — првставная часть ее; 4 — бляха рядовая.

Оголовье узды № 7.

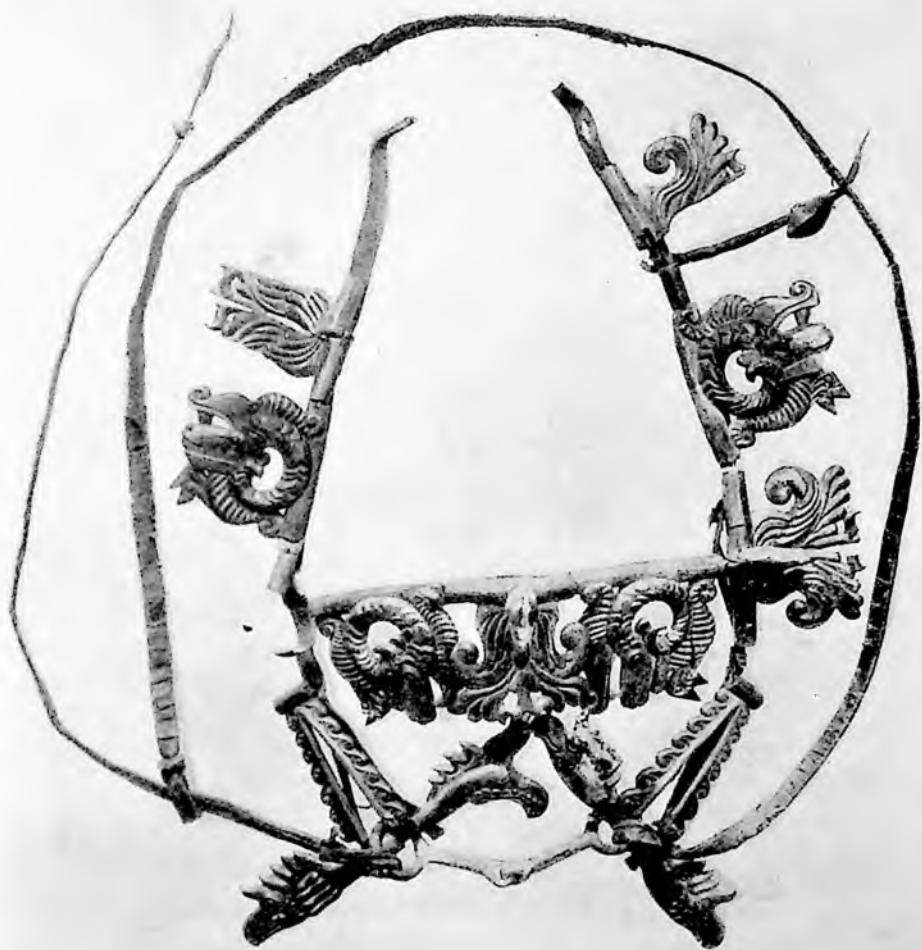

1 — подвеска седла № 9 (около $\frac{1}{8}$ н. в.); 2 — кожаное изображение, лежавшее на щите у седла № 7 (около $\frac{1}{2}$ н. в.); 3 — нагривник конского убора № 10 (около $\frac{1}{2}$ н. в.).

Детали узды № 8 (все около 1/2 н. в.).

1—3—бляхи от перекрестий ремней; 4—бляха носового ремня; 5—псадий.

Узда № 9.

Детали узды № 9.

1 — бляха от перекрестья ремней (около $\frac{1}{2}$ н. в.); 2 — бляха рядовая (около $\frac{1}{2}$ н. в.);
3, 4 — псаали ($\frac{1}{3}$ н. в.); 5 — бляха носового ремня (около $\frac{1}{2}$ н. в.).

Детали узды № 10 (все около 1/2 н. в.).

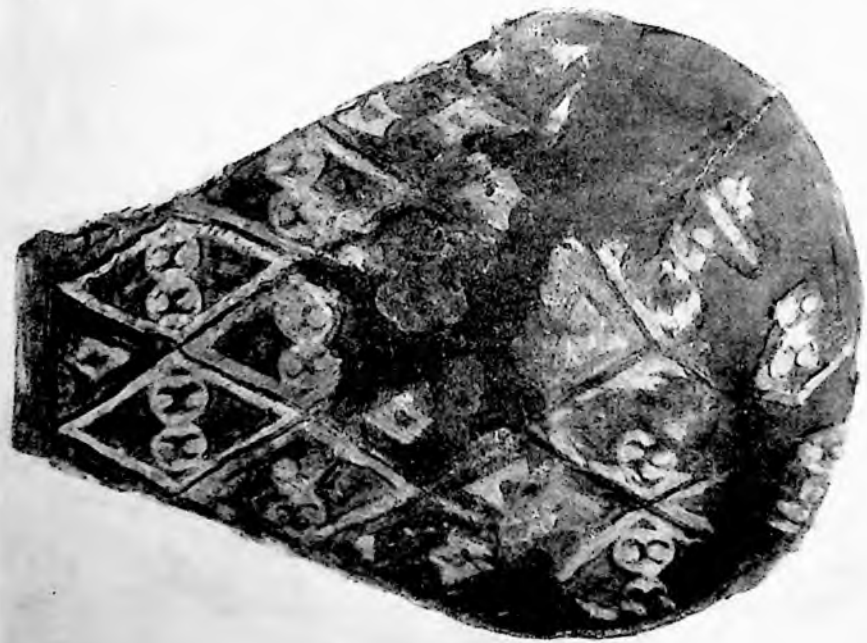
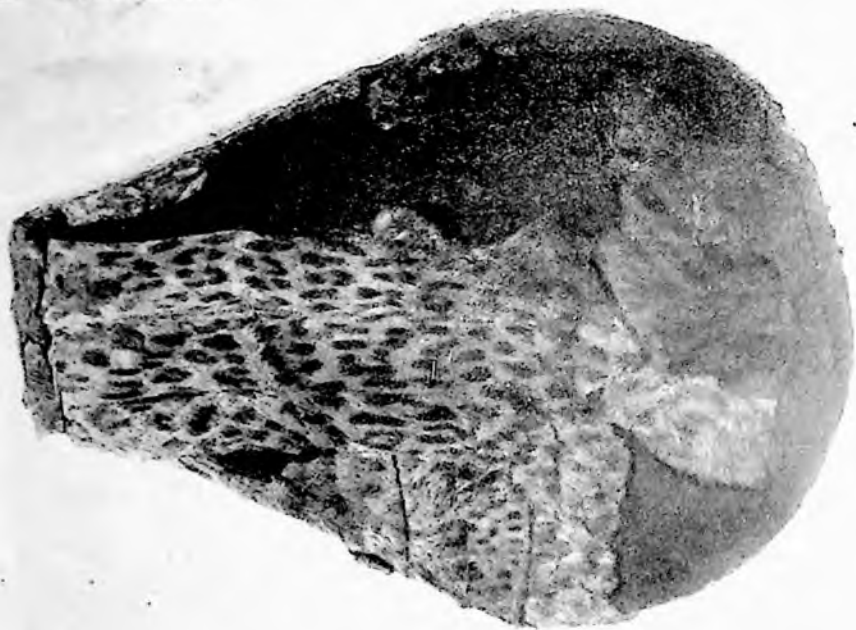
- 1 — бляшка подбородочного ремня;
 2 — бляха носового ремня; 3 — псалий; 4 — бляха от перекрестья ремней;
 5 — бляха-развилка щечного ремня.

Седло № 10.

Маска конского убора № 10.

Меховая шляпа, лежащая около седла №№ 3 и 4.
а — лицевая сторона; б — обратная (1/4 в. в.).

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, II, СПб., 1904, стр. 81.
2. Там же, стр. 89.
3. Наиболее полное издание этих вещей см. в книге: И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3, СПб., 1890, стр. 44—65.
4. Часть вещей из Фроловского собрания в Эрмитаже воспроизведена Радловым, см.: В. В. Радлов. Сибирские древности. Записки Русск. археол. общ., VII, 1895, табл. XXII, 3; XXIV, 1; XXIX, 11 и 12; XXXI.
5. В. В. Радлов, ук. соч., стр. 183—188 и 197—213; Он же. Древние обитатели Сибири. Живописная Россия, т. XI, изд. Вольфа, СПб.—М., 1884.
6. Известия Археолог. комиссии, вып. 62, 1916, стр. 13—44; М. П. Грязнов. Памятники майямирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. Краткие сообщения ИИМК, XVIII, 1947.
7. М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Мат. по изуч. Сибири, вып. 2, Ново-Сибирск, 1930; Он же. Раскопки княжеской могилы на Алтае. Человек, 1928, № 2—4.
8. С. В. Киселев. Из работ алтайской экспедиции Гос. Исторического музея в 1934 г. Советская этнография, 1935, № 1; Он же. Алтай в скифское время. Вестник древней истории, 1947, № 2; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Труды Гос. Историч. музея, XVI, 1941.
9. Опубликован только один памятник, см.: С. М. Сергеев. О резных костяных украшениях конской узды из „скифского“ кургана на Алтае. Советская археология, VIII, 1946.
10. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 306.
11. М. П. Грязнов. Раскопки на Алтае. Сообщения Гос. Эрмитажа, I, 1940.
12. М. П. Грязнов. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае. Природа, 1929, № 11; Н. Я. Марр. К отчету о заграничной командировке (17/III—22/VI 1929). ДАН СССР, серия В. 1929, № 17 (приведенное здесь описание памятника заимствовано из предыдущей статьи); С. И. Р[уденко]. „Скифское“ погребение Восточного Алтая. Сообщения ГАИМК, 1931, № 2; М. Р. Грязнов, Е. А. Golomshok. The Pazirik Burial of Altai. American Journal of Archaeology, vol. XXXVII, 1933, № 1; Laure Morgenstern. L'exposition d'Art Iranien de 1935 à Leningrad et les découvertes de Pasyryk. Revue des Arts Asiatiques, X, Paris. 1935, № 4; М. Грязнов. Пазырыкский курган. АН СССР. Гос. Эрмитаж. М.—Л., 1937. Ряд других сообщений о Пазырыкском кургане помещен как в наших изданиях, так и зарубежных.
13. В. О. Витт. Лошади древнего Востока. Сб. „Конские породы Средней Азии“, изд. ВАСХНИЛ, М., 1937, стр. 25.
14. О мерзлоте в Пазырыкском кургане см.: М. П. Грязнов. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае. Природа, 1929, № 11; М. И. Сумгин, С. П. Качурин, В. И. Толстухин, В. Ф. Тумель. Общее мерзлотоведение. М.—Л., 1940, стр. 215 сл.
15. Определения масти, возраста и эксперта пазырыкских коней сделаны проф. В. О. Виттом.
16. С. В. Киселев. Алтай в скифское время. Вестник древней истории, 1947, № 2.
17. Отчет о деятельности Академии Наук СССР в 1929 г., ч. II, стр. 15.
18. М. П. Грязнов. Роль древесины в определении относительного возраста древних сооружений. Природа, 1930, № 2.

19. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 292—293.
20. Краткие, предварительные заключения о месте пазырыкских лошадей в истории создания конских пород см. в статье В. О. Витта „Лошадь древнего Востока“. Сб. „Конские породы Средней Азии“. Изд. ВАСХНИЛ, М., 1937, стр. 24 сл.
21. В. В. Дмитриев. Копытные звери Алтайского заповедника и прилегающих мест. Труды Алтайского Государственного заповедника, вып. I, М., 1931.
22. С. И. Огнев. Звери Восточной Европы и Северной Азии, т. II, М.—Л., 1931, стр. 292.
23. И. Словоцов. Физико-географический очерк северной части киргизской степи... Записки Зап. Сиб. Отд. РГО, XXI, 1897, стр. 126.
24. С. В. Киселев. Алтай в скифское время. Вестн. древн. истории, 1947, № 2, стр. 159 и 165.
25. В. В. Дмитриев, ук. соч., стр. 243—245.
26. И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности..., III, СПб., 1890, рис. 71.
27. И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., рис. 69—71.
28. A. Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo, Paris, 1933, табл. XXI, 1—2.
29. М. О. Dalton. The Treasure of the Okus, London, 1905, табл. VIII и IX.
30. Отчет Археологической комиссии за 1864 г. Атлас, табл. V, рис. 1 и 2.
31. А. А. Попов. Оленеводство у долган. Советская этнография, 1935, № 4—5, стр. 189—190.
32. М. П. Грязнов. Боярская писаница. Сообщения ГАИМК, 1933, № 7—8, стр. 41—45.
33. Н. Харузия. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. Этнографическое обозрение, 1896, № 2—3, стр. 17.
34. И. Г. Георги. Описание обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб., 1795, стр. 167; А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898, стр. 110; С. И. Руденко. Башкиры, ч. II. Зап. РГО по Отд. этнографии, XLIII, II, Л., 1925, стр. 194 сл.
35. См., например: В. В. Радлов. Сибирские древности. Матер. по археол. России. № 15, 1894, табл. XVI, 4—6.
36. Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. V, № 17.
37. См., например: A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Edit. A. U. Pope. London and New York. 1938, vol. IV, Pl. 77 A.
38. O. M. Dalton. The Treasure of the Okus, London, 1905, Pl. XVI, 116.
39. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения XVI, 1, 1937, стр. 83.
40. Иакинф [Бичурин]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, СПб., 1851, стр. 14—15.
41. Там же, стр. 251.
42. Там же, ч. II, стр. 30.
43. Там же, ч. I, стр. 350.
44. Там же, стр. 460.
45. Геродот. История в девяти книгах, IV, 71 (Перевод Ф. Г. Мищенко).
46. См., например, О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды Гос. Истор. музея, XVII, М., 1948, рис. 37 и 40; М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. „Казаки“, II, Л., 1927, рис. 24, 20.
47. См., например: М. П. Грязнов, ук. соч., рис. 21, 3 и 22, 7.
48. М. П. Грязнов. Раскопка княжеской могилы на Алтае. „Человек“, 1928, № 2—4, рис. 1.
49. И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., рис. 54, 55 и 68.
50. Н. Я. Марр. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. Изд. Кавк. Историко-археол. инст., Л., 1926.
51. Н. Я. Марр. К отчету о заграничной командировке (17.III—22.VI 1929). ДАН СССР, 1929, В, № 17, стр. 324.
52. Л. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Советская этнография, 1935, № 3—4, стр. 135, 143 и др.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
I. Раскопки кургана и находки в нем	13
II. Культура пазырыкского племени	41
Техника	44
Хозяйство	50
Средства передвижения	54
Дом и домашняя утварь	59
Питание	61
Одежда	—
Военная техника	63
Обмен и культурные связи	64
Право собственности и социальный строй	67
Изобразительное искусство и мировоззрение	72
Таблицы I—XXIV	87
Примечания	89

Редактор *А. А. Иессен*

М-00022. Подп. к печати 11/1 1950. Объем печ. л. 11,5+3 л. вкл. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 2.000. Зак. 427.

Типография Государственного Эрмитажа, Дворцовая наб., 32.